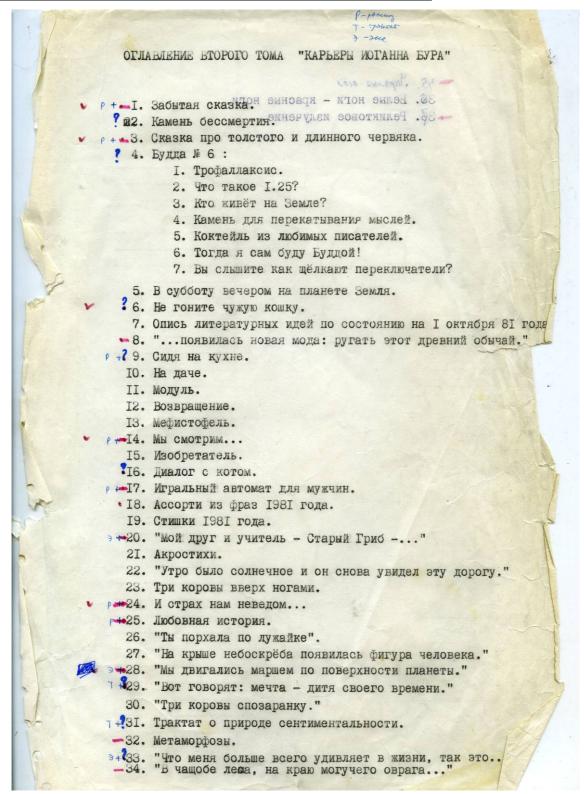

Tom 5:	«Карьера Иоганна Бура». Полное собрание 2. 3.8.81—	<mark>30.7.82</mark> 5
1.	ЗАБЫТАЯ СКАЗКА	8
2.	КАМЕНЬ БЕССМЕРТИЯ	20
3.	СКАЗКА ПРО ТОЛСТОГО И ДЛИННОГО ЧЕРВЯКА	30
4.	БУДДА № 6	33
0.	Вместо введения: Не создавайте литературных арх	кивов! .33
1.	Тогда я сам буду Буддой!	34
2.	Трофаллаксис	36
3.	Что такое 1.25?	38
4.	Вы слышите, как щёлкают переключатели?	40
5.	Кто живёт на Земле?	
6.	Камень для перекатывания мыслей	
7.	Коктейль из любимых писателей	46
5.	ДАТЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО	49
6.	В СУББОТУ ВЕЧЕРОМ НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ	50
1.	Место действия	50
2.	Немного про дядю Лёню	50
3.	Квартира номер одиннадцать	51
4.	Моя жена (первая и пока последняя)	
7.	Коктейль из любимых писателей	
1.	Коктейль_из_любимых писателей	55
2.	Дядя Лёня – суперстар	57
8.	НЕ ГОНИТЕ ЧУЖУЮ КОШКУ	61
9.	ОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИДЕЙ ПО СОСТОЯНИЮ НА 1	ОКТЯБРЯ
81 ГО	)ДА	78
10.	появилась новая мода: ругать этот древний обычай	81
11.	СИДЯ НА КУХНЕ	84
12.	НА ДАЧЕ	96
13.	МОДУЛЬ	101
14.	возвращение	112
15.	Всё утопить	117
16.	мы смотрим	119
17.	ИЗОБРЕТАТЕЛЬ	122
18.	ДИАЛОГ С КОТОМ	
19.	ИГРАЛЬНЫЙ АВТОМАТ ДЛЯ МУЖЧИН	
20.	АССОРТИ ИЗ ФРАЗ 1981 ГОДА	
21.	СТИШКИ 1981 ГОДА	
22.	Стишки. Плыли пираты по синему морю	
23.	Мой друг и учитель – Старый Гриб	
24.	АКРОСТИШКИ	158
25.	Иммануил Бур и дорога	159

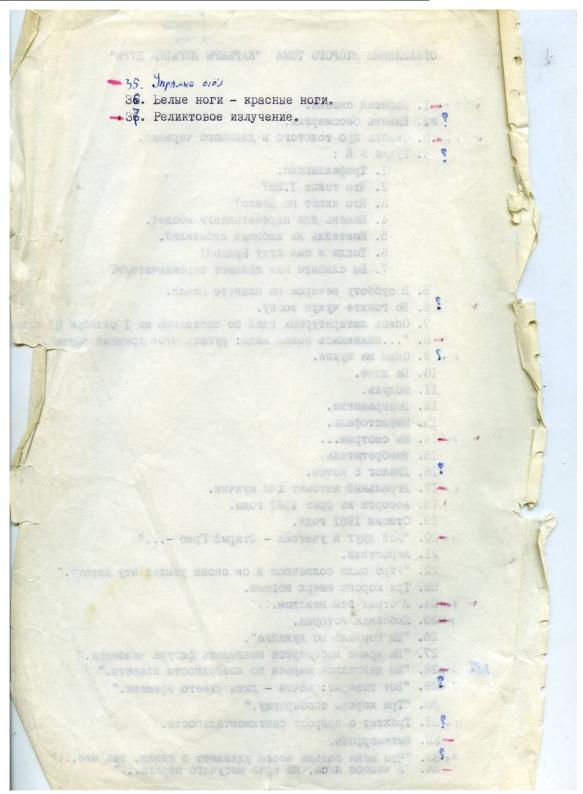
26.	Стишки. Три коровы	163
27.	И СТРАХ НАМ НЕВЕДОМ	
28.	ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ	170
29.	Стишки. Ты порхала по лужайке	179
30.	На крыше небоскрёба	180
31.	Вот говорят: мечта – дитя своего времени	182
32.	Стишки. Три коровы спозаранку	
33.	ТРАКТАТ О ПРИРОДЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ	
34.	«Трактат» с оформлением	199
35.	МЕТАМОРФОЗЫ	224
36.	ЕДИНСТВЕННАЯ ПЕСНЯ	227
37.	УПРЯМЫЙ ОСЁЛ	229
38.	БЕЛЫЕ НОГИ – КРАСНЫЕ НОГИ	
39.	РЕЛИКТОВОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ	233
40.	Двадцать седьмое письмо Фариде Расулевой	

Полное соорание 2. 3.6.61 30.7.62	The same is
CKAPBEPA WOZAHHA BYPA	
Don Dira Baixe	
полное собрание	
TOTAL CORPANIA	
3.8.81 - 30.7.82	
<u>Э60374</u> (год)	
Хранитьлет	, T

Том 5: «Карьера Иоганна Бура». Полное собрание 2. 3.8.81 – 30.7.82

Том 5: «Карьера Иоганна Бура». Полное собрание 2. 3.8.81 – 30.7.82

1. ЗАБЫТАЯ СКАЗКА

(современная сказка)

Это случилось давно, когда у Земли было два солнца. Одно солнце светило днём, а другое солнце светило ночью. И ночь была так же светла, как день. И день был жёлтым, а ночь голубой. И люди не говорили "ночь", они говорили "голубой день".

В то время на земле жили два племени. Люди одного племени умели летать и не умели бегать. У них были белые крылья и голубая кожа, потому что они летали, когда светило голубое солнце. Они жили высоко в горах, они жили в большой пещере. Люди этого племени знали огонь, знали камень и знали медь. У них были стрелы с медными наконечниками, и они охотились на зверей, но не трогали птиц, потому что сами были как птицы. Они называли себя "люди". Но мы будем называть их "крылатые люди".

Другое племя жило в лесах у подножья горы. Люди этого племени не умели летать, потому что у них не было крыльев, но они умели быстро бегать, потому что у них были быстрые ноги. Они бегали, когда светило жёлтое солнце, и кожа их стала жёлтой. Люди этого племени знали огонь, знали камень, но не знали меди. Их стрелы были с каменными наконечниками, и они стреляли ими в птиц. И ещё они ловили рыбу в реке, но не трогали тигров, антилоп и лисиц, и всех, кто умел бегать. Они называли себя "люди". Но мы будем называть их "бегущие люди".

На земле жили только два племени, но и они не умели жить в мире. А иначе не было бы и этой сказки. Бегущие люди делали набеги на крылатых людей, когда они опускались отдохнуть на лесных полянах. Крылатые люди делали налёты на бегущих людей, когда они поднимались на холмы, поросшие травой и можжевельником. Так досаждали они друг другу, так они враждовали, пока не случилось то, о чём мы вам расскажем.

В племени крылатых людей жил юноша по имени Белый Сокол. Он не был охотником, он был молодым жрецом, потому что был сыном Старого Жреца племени. Однажды Белый Сокол вылетел из пещеры и спустился вниз к реке, чтобы набрать на её берегах красной глины. Красной глиной он хотел рисовать медведя, ведь жрецы были художниками. С высоты своего полёта Белый Сокол увидел на берегу реки девушку, собиравшую ракушки в плетёную корзину. У девушки

были волосы, чёрные как перья большого орла, глаза как янтарные камушки, упавшие на дно реки, губы как красная глина для рисования медведей и кожа как жёлтая глина для рисования антилоп. Эту девушку звали Дикая Лань, и она была дочерью Старого Вождя своего племени. Девушка увидела Белого Сокола в небе и испугалась, ведь он был из другого - враждебного племени. Она бросила корзину для собирания ракушек и побежала к лесу. Дикая Лань бегала быстро, ведь она была из племени бегущих людей, и ещё она была молода, а молодые ноги быстры, как дикая лань.

Но полёт быстрее бега. Белый Сокол как сокол упал вниз, схватил корзину для собирания ракушек и опустился на землю, и преградил девушке путь. Он поставил корзину у её ног и поднял руки кверху в знак приветствия и мира. И ещё Белый Сокол сложил крылья за спиной и улыбнулся девушке. И Дикая Лань улыбнулась юноше. Так они увидели друг друга первый раз и так они полюбили друг друга, хотя Белый Сокол был из племени крылатых людей, а Дикая Лань была из племени бегущих людей. И они встречались на берегу реки, когда жёлтое солнце опускалось за лес, а голубое солнце вставало изза горы. И встречи их были радостны, как песня жаворонка, и быстротечны, как прыжок белки, потому что быстро опускается жёлтое солнце за лес и быстро встаёт голубое солнце из-за горы. Но мы не будем об этом рассказывать, потому что сказка о том, что было дальше.

Белый Сокол пришёл к своему отцу, Старому Жрецу и спросил его: — Зачем мы убиваем умеющих быстро бегать? Разве они антилопы, у которых вкусное мясо? Разве они медведи, у которых тёплая шкура?

Старый Жрец ответил Белому Соколу так: — У быстро бегущих нет хорошей шкуры и мясо их жёстко. Когда мы убиваем быстро бегущего, мы оставляем его лежать на земле. Мёртвый быстро бегущий не нужен нам. Но мёртвый быстро бегущий лучше живого быстро бегущего, потому что мёртвые не приносят вреда, а живые убивают нас, людей.

И Дикая Лань пришла к своему отцу, Старому Вождю и спросила его: — Зачем мы убиваем умеющих летать? Разве они рыбы, которых можно есть? Разве их кожа покрыта мягким пухом, как у журавля?

И Старый Вождь ответил Дикой' Лани так: – Мы не охотимся на тигров, потому что тигры умеют бегать, как и мы, люди. Но если тигр сам

нападает на человека, мы убиваем тигра. Тигр редко нападает на человека, он тоже не охотится на нас. Умеющие летать хуже тигра, потому что они убивают нас. Поэтому мы убиваем умеющих летать.

Второй раз Белый Сокол пришёл к Старому Жрецу и спросил его: — Зачем мы убиваем умеющих быстро бегать, а они убивают нас? Разве не можем мы жить в мире, как с птицами? Если мы не будем убивать быстро бегущих, они не будут убивать нас.

Старый Жрец покачал головой и ответил так: — Когда ты рисуешь орла, ты рисуешь крылья, как у нас. Когда ты рисуешь быстро бегущего, ты не рисуешь крылья. Орёл похож на нас, людей, потому что он умеет летать. Быстро бегущие не люди. Если мы не будем их убивать, они убьют нас всех.

И Дикая Лань второй раз пришла к Старому Вождю и спросила его: — Зачем мы убиваем умеющих летать, а они убивают нас? Разве не можем мы жить мирно, как с антилопами? Не надо убивать умеющих летать и они не будут убивать нас.

Старый Вождь покачал головой и ответил так: — Когда антилопа бежит, её ноги мелькают, как у нас. Умеющие летать не умеют бегать. Они не люди. Если мы не будем их убивать, они убьют нас всех.

В третий раз Белый Сокол пришёл к Старому Жрецу и спросил его: — Зачем мы убиваем умеющих быстро бегать? Они умеют говорить, они умеют смеяться, они умеют плакать. Они такие же люди, как мы.

Старый Жрец нахмурился и ничего не ответил Белому Соколу.

И Дикая Лань в третий раз пришла к Старому Вождю и спросила его: — Зачем мы убиваем умеющих летать? Они умеют любить, как мы. Они люди.

Старый Вождь нахмурился и ничего не ответил Дикой Лани.

Время двигалось дальше и пришёл период дождей. Двадцать жёлтых дней и двадцать голубых дней шёл дождь. Двадцать жёлтых дней и двадцать голубых дней не виделись Белый Сокол и Дикая Лань. На двадцать первый день кончился дождь, и едва жёлтое солнце коснулось верхушек деревьев, а голубое солнце показало свой край из-за гор, полетел Белый Сокол к реке, побежала Дикая Лань к реке.

Со свистом резали воздух белые крылья, как искры мелькали в траве быстрые ноги. Шумела и бурлила река, тяжёлым потоком несла она мутные дождевые воды. Радостной была встреча Белого Сокола и Дикой Лани. Они смеялись и веселились как дети. Не ведали они, что над ними уже нависло несчастье.

Хранительницей огня своего племени была в тот вечер Дикая Лань. Огонь был сокровищем каждого племени, его нужно было кормить и оберегать от дождя и ветра. Когда огонь угасал, несчастье обрушивалось на людей. Ведь они не умели сами добывать огонь. Дикая Лань оставила много сухого корма огню, сосновой корой прикрыла его от ветра. Не могла она удержаться от встречи с Белым Соколом. Сердце её рвалось к нему. Но вот они встретились, и забыла Дикая Лань об огне, а когда вспомнила, было уже поздно. Огонь съел весь корм и погас. Дикая Лань пыталась вдохнуть в него жизнь, отогреть огонь своим дыханием. Но ничего не помогло - огонь умер. Племя бегущих людей оказалось в страшной беде.

Узнал об этом Белый Сокол и пришёл к отцу, Старому Жрецу, и сказал ему: — Я спрашивал тебя: зачем убиваем мы умеющих быстро бегать? Ты отвечал мне, и я помню твои слова. Теперь быстро бегущие не могут убивать нас. У них большая беда. У них умер огонь. Теперь они могут умереть сами. Но они тоже люди, хотя у них нет крыльев. Я не хочу, чтобы умеющие быстро бегать умерли. Я хочу дать им нашего огня. Смотри, как ярко горит наш огонь. Если взять от него небольшую часть, он не умрёт, и огонь будет и у нас и у быстро бегущих. Я прилечу к ним с огнём и скажу: Смотрите, я принёс вам огонь! Не убивайте меня, и я дам вам огонь. Не убивайте нас, и мы не будем убивать вас. Никто не будет мёртвым, все будут жить, как будет жить огонь, который я принёс вам.

Белый Сокол замолк и стоял перед своим отцом прямо, сложив за спиной белые крылья, и ждал ответа. Долго молчал Старый Жрец, долго думал над словами сына. Наконец он сказал: — Сын мой, твои слова удивительны. Не слышал я, чтобы можно было жить в мире с быстро бегущими. Не слышал я, чтобы их называли людьми, как и нас. Не слышал я, чтобы делились огнём с врагами нашими. Случались раньше такие несчастья, когда умирал огонь племени. Об этом рассказывал мне мой отец, а ему рассказывал его отец. Но тогда новый огонь дарило небо, или крали его у другого племени. Никогда не дарили мы огня быстро бегущим. Никогда не дарили нам огня быстро бегущие...

Старый Жрец замолчал и потом продолжил: — Три дня назад, когда шёл дождь и река вышла из берегов, видел я удивительную картину. Вырванные с корнем стволы деревьев неслись по воде, и на одном дереве я увидел волка и двух зайцев. Волк всегда убивает зайца, если может его поймать. Ты знаешь это, ты рисовал волка и ты рисовал зайца, и я тоже знал это. Но этот волк на дереве посреди реки не убивал зайцев, хотя они были совсем рядом. Почему волк не убивал зайцев?...

Снова замолчал Старый Жрец, и Белый Сокол терпеливо ждал. И когда Старый Жрец снова заговорил, голос его был уже решительным и твёрдым: — Ты не полетишь к быстро бегущим. Ты слишком молод, и Старый Вождь не будет тебя слушать. Но мы попробуем жить в мире с быстро бегущими. К Старому Вождю полечу я. Старый Вождь будет меня слушать. — Старый Жрец посмотрел на Белого Сокола и улыбнулся: — Если хочешь, можешь полететь вместе со мной.

На большой поляне собрался совет старейшин племени быстро бегущих. Старики сидели полукругом, их лица были сумрачны. В центре, там где должен был гореть огонь племени, лежали чёрные потухшие угли. Огонь умер. Умирал и Старый Вождь, он был болен и больше не мог быть вождём племени. К тому же люди знали, кто виноват в их несчастье — это Дикая Лань, дочь Старого Вождя, не уберегла огня. Дикая Лань сидела в хижине своего отца, ухаживала за ним и ждала своей участи. После выбора нового вождя её должен был судить совет старейшин. Наказание могло быть только одно: смерть. Или изгнание из племени, что было равносильно смерти в то далёкое время.

Воины племени на почтительном расстоянии окружали кольцом старейшин. Один из воинов, лучший охотник племени, по имени Сильный Тигр стоял чуть в стороне. О нём говорили старики, его предложили в вожди племени. Сильный Тигр оправдывал своё имя: хотя он был молод, он уже успел отличиться на охоте и в воинских делах. Он стоял прямо и гордо выпячивал грудь, все своим видом стараясь не показать, что чутко прислушивается к словам старейшин. Говорили, что вождь должен совершить какой-нибудь выдающийся подвиг, иначе племени не будет удачи.

Жёлтое солнце коснулось верхушек деревьев, а голубое солнце показало свой край из-за гор, когда в небе появились две большие

птицы с белыми крыльями. Воины встрепенулись, вскинули луки. Но главный из старейшин быстро поднялся и жестом руки остановил их. "Это умеющие летать, — сказал он. — Смотрите они вытянули руки вверх. Это значит — у них нет оружия. Они хотят что-то сообщить нам. Выслушаем их вначале. Убить их мы всегда успеем."

Сильный Тигр с досадой бросил лук. На поляну плавно опустились двое умеющих летать. Вперёд выступил Старый Жрец. Возглас удивления пронёсся над поляной — многие узнали вождя крылатых людей.

– Я хочу говорить со Старым Вождём. – сказал Старый Жрец.

Ему ответил главный из старейшин:

– Старый Вождь болен. Мы выбираем нового вождя. Ты видишь перед собой совет старейшин племени. Говори, зачем пришёл.

Словно тень прошла по лицу Старого Жреца, он нахмурился, но начал говорить:

– Я узнал, что ваше племя постигло несчастье. У вас умер огонь.

Воины зашумели, и главный из старейшин снова успокоил их жестом руки:

– Если ты пришёл смеяться над нами, мы убьём тебя.

Старый Жрец покачал головой:

- Я не смеюсь над вами. Я сочувствую вашей беде.
- Наша беда это наша беда. Что тебе до неё? Зачем ты пришёл к нам?
- Я пришёл с миром. Я говорю вам: не убивайте нас, крылатых людей, и мы не будем убивать вас, умеющих быстро бегать.
- Ты говоришь хорошие слова. Но слова легки как пух. Они летят по воле ветра...
- Я сказал слова. Но мы принесли не только слова. Мы принесли вам то, чего вы лишились. Возьмите наш дар и вы поверите нашим словам.

Вперёд вышел Белый Сокол с глиняным кувшином в руках. Он медленно направился к центру поляны, туда, где чернели угли умершего огня. Ропот пронёсся в рядах воинов, но снова главный из старейшин успокоил племя. Белый Сокол перевернул кувшин и на

землю полетел огонь! Красные горячие угли упали на сухую сосновую хвою. Иголки вспыхнули, загорелись ветки и вот уже в центре поляны ярко полыхает огонь.

Несколько мгновений стояла тишина. Люди увидели чудо: враги принесли им огонь! Потом разом все закричали, вверх полетели стрелы и дротики, люди прыгали и вертелись волчком, издавали громкие вопли и плакали от радости...

А в стороне стояли молчаливые и напряжённые Старый Жрец и Белый Сокол, со сложенными крыльями, забытые всеми. Но нет, не всеми: главный из старейшин подошёл к Старому Жрецу и сказал:

– Вы принесли нам огонь! Это великий дар. Наш народ не забудет этого. Я запомнил ваши слова. Я сам повторю их всему племени. Я сейчас летите – когда люди радуются, они не могут думать. Мы будем думать после. Мы выберем нового вождя и мы придём к вам и будем говорить о мире.

Никто из быстро бегущих не слышал этих слов, так шумно стало на поляне. Никто, кроме Сильного Тигра. Он уже видел себя вождём племени. Ему нужен был выдающийся подвиг. И когда над лесом взлетели две большие птицы с белыми крыльями, Сильный Тигр поднял свой лук, не знающий промаха, и никто не успел остановить его...

У входа в пещеру собралось всё племя крылатых людей. Молча смотрели они, как медленно опустился на землю Белый Сокол, как снял со своих плеч тяжёлую ношу и осторожно опустил на землю тело Старого Жреца. Из груди его торчала прямая, как луч солнца, стрела с каменным наконечником...

И снова опускалось за лес жёлтое солнце и вставало из-за гор голубое солнце. И было темно, как ночью в наше время, потому что тяжёлые тучи закрыли небо, и свет голубого солнца не достигал земли. Один за другим вылетали из пещеры большие птицы с белыми крыльями. Каждый воин держал в руках глиняный кувшин, и в каждом кувшине был огонь, слабо пламенеющий в горячих углях. Снова крылатые люди летели к лесу и несли огонь для умеющих быстро бегать. Но это был другой огонь. Это был злой огонь. Так решил совет старейшин племени умеющих летать.

Последним вылетел из пещеры Белый Сокол. Там остались только старики, женщины и дети. Белый Сокол летел к реке. Там было определено ему его место. Не так летал раньше Белый Сокол к реке. Теперь не резали его крылья воздух со свистом и шумом, медленно и тяжело поднимались они и опускались. На том самом берегу опустился Белый Сокол, на том самом месте, где первый раз встретил он Дикую Лань. Теперь он стоял здесь один с кувшином в руках.

Долгий тревожный крик разнёсся над лесом. И тот, кто остался в пещере, мог видеть, как в разных местах вспыхнули яркие точки, ровным кольцом охватившие лес, в центре которого мигала неровным светом ешё одна точка — новый огонь племени быстро бегущих, великий дар крылатых людей. Кольцо огня разгоралось, точки сливались вместе. Начинался большой лесной пожар, когда огня много, слишком много...

Лишь в одном месте кольцо огня оставалось разомкнутым.

На берегу реки стоял Белый Сокол с кувшином в руках. Крылья его были сложены и голова опущена. Давно уже должен был он опрокинуть кувшин, выпустить на волю яркий огонь. Но Белый Сокол всё медлил. Вот он поднял голову. До него донеслись крики людей. Они приближались. В красном свете пожара заметались руки, ноги, лица. Люди бежали сюда, на берег реки, где ещё не было всепожирающего огня. Бежали воины, старики, дети, женщины. И вдруг Белый Сокол увидел: впереди всех, подняв руки кверху бежала девушка быстрая, как быстрая лань, с развевающимися волсами, с открытым в крике ртом. Это была Дикая Лань.

И Белый Сокол опрокинул кувшин. Зашипели угли в речной воде, вспыхнули последний раз и погасли навсегда...

Умеющие быстро бегать умели и плавать. Многие погибли в пламени лесного пожара, многие утонули в реке, но племя уцелело. На другом берегу собралось много женщин и детей, а воины... воины устремились дальше. Вверх по крутым склонам горы карабкались воины. Кто-то срывался в пропасть, кто-то падал в расщелину, но оставшиеся упорно продолжали идти всё выше и выше...

Люди крылатого племени, женщины, старики и дети, стояли у входа в пещеру и с ужасом видели, как медленно, но верно приближаются к их убежищу воины умеющих бегать. Племени, которое было обречено

на смерть, но каким-то чудом спаслось и вот теперь приближается к ним, чтобы мстить. Умеющие летать могли заметить, как впереди воинов лёгкая и быстрая, как горная коза, карабкалась молодая Вот вскакивает она на скалу, и поворачивается к догоняющим её воинам, и поднимает руки вверх, и что-то кричит, кричит им. Но её не слушают и бегут дальше. И снова Дикая Лань обгоняет быстрых воинов и снова кричит им. И уже можно различить её слова: - Стойте! Не надо! Они люди! Люди, как мы! Не делайте этого! Остановитесь! – Но снова никто не слушает её, и воины с мрачными лицами всё ближе и ближе. Уже натягивают луки, уже выпускают стрелы. И тот, кто взлетает, падает вниз. И тот, кто бежит вглубь пещеры, не найдёт там убежища. Стрелы, привыкшие попадать в маленьких быстрых птиц, легко настигают больших птиц с белыми крыльями. И воины крылатого племени не поспевают на помощь своим жёнам, сёстрам, матерям, детям. С шумом режут воздух их крылья, но около пещеры их встречают не приветственные возгласы родных, а свист стрел, прямых как солнечный луч...

Наступает жёлтое утро, встаёт желтое солнце. Ветер развеял тучи. Затих пожар в лесу. Смолк шум в горах. Воины умеющих быстро бегать, живые и мёртвые, лежат вперемешку, не в силах подняться от усталости. И никто не замечает, как медленно поднялась в небо, высоко в небо, большая птица с белыми крыльями. Как кружит и кружит она над пещерой. Как медленно взмахивает крыльями, не поднимаясь вверх, не опускаясь вниз, кружит и кружит на одной высоте. Только двое следят за её полётом. Молодая девушка с мокрым лицом, с глазами, как тёмное дно реки. И молодой воин, сильный, как тигр, будущий вождь племени людей. Одного оставшегося на земле племени людей. И снова тонко звенит стрела, прямая как солнечный луч. Последняя стрела, выпущенная в тот день.

Сильный Тигр бросает к ногам девушки большие белые крылья, его последний трофей. Он говорит: — Забудь его. Иди со мной. Теперь я — вождь племени. Иди со мной.

Горбун замолчал и уронил голову на грудь.

– Ну что же, – задумчиво проговорил Великий Инквизитор. – Весьма поучительная сказка. Конечно, для тех, кто может понимать её правильно. А как ты понимаешь её? И кстати, что дальше случилось с

этой девушкой, с Дикой Ланью, как ты называешь её? И где же теперь голубое солнце?

- Голубое солнце в тот день погасло. отвечал горбун. Теперь оно светит лишь отражённым светом и называется Луной.
- Ладно. О твоей астрономии мы поговорим отдельно. Потом... Это не главный пункт обвинения. Говори дальше.
- Дикая Лань стала женой Сильного Тигра. В то время прав был тот, кто сильнее.
- Разумно. Продолжай.
- У Дикой Лани родился ребёнок. Сын. И у него были белые крылья. За это ребёнка могли убить, и Дикая Лань отрезала крылья. От этого у мальчика вырос горб, когда он стал юношей. Потому что крылья продолжали расти, но уже под кожей, мешавшей им раскрываться.
- Вот как? И что же, все горбуны такие?
- Не все. Такие встречаются редко.
- А ты?

Горбун молчал. Великий Инквизитор хлопнул в ладоши и обвиняемого увели. Писец поставил точку, скрепил листы и передал их Великому Инквизитору. "Забудь всё, о чём ты услышал здесь". - произнёс Великий Инквизитор традиционную фразу и отпустил писца.

Странная ересь, думал Великий Инквизитор, прохаживаясь по кабинету, И опасная. Слишком опасная... Пожалуй, будет лучше, если никто о ней не узнает. Хватит с этого горбуна и астрономии. И Великий Инквизитор спрятал рукопись в свой личный железный ларец, запечатав его своей личной печатью.

Может быть для наших потомков это будет интересно. — думал Великий' Инквизитор, медленно возвращаясь домой по тёмной неосвещённой улице города. — Для далёких потомков. Очень далёких... когда не будет инквизиции. — Великий Инквизитор усмехнулся и ускорил шаги. Дома его ждала своя лаборатория. Тщательно скрытая, маленькая. Такая маленькая, что в ней едва

помещались уже почти готовые, большие крылья из белой телячьей кожи...

Генеральный Реконструктор аккуратно сложил пожелтевшие листы рукописи и захлопнул крышку железного ларца. Историк выжидательно смотрел на него. Генеральный Реконструктор усмехнулся.

– В общем-то ничего нового здесь для нас нет. Левитационные гены или, как их теперь можно было бы назвать, гены белых крыльев действительно встречаются у людей. Редко, крайне редко, но встречаются. И, кстати, к горбунам не имеют никакого отношения. По нашим оценкам гены законвервировались около трёх миллионов лет назад. Активизировать их крайне трудно, почти невозможно.

Историк вздохнул.

- Не вздыхайте. Я сказал: почти. Дело, видите ли, не только в крыльях. Здесь целый комплекс консервации, можно сказать, даже отдельная подсистема генов. Если активизировать её всю, мы получим, фактически, новый биологический вид... Или старый, вымерший, если угодно. Но пока мы делаем лишь первые шаги. Реконструкция такого масштаба дело будущего. Странно другое... Как возникла эта сказка? Всё-таки три миллиона лет...
- Это уже по моей части. историк оживился. Собственно, странного здесь ничего нет. Мы знаем более поразительные случаи. Это раньше считалось, что без письменности нет передачи информации во времени. Да вот взять хотя бы ваши гены. Разве они не передают информацию?
- Пожалуй.
- С исторической течки зрения удивительны не белые крылья.
- Голубое солнце?
- Это дело астрономов. Попробуйте понять мораль этой сказки. Не правда ли, странная идея для такого древнего общества идея единства людей...

- Стоп, стоп. Генеральный Реконструктор приветливо улыбался. Не продолжайте. Здесь, в Международном Центре Генной Реконструкции, мы всегда придерживаемся правила: никакой политики. Иначе мы не могли бы сотрудничать! Вы не находите, что э... политическая ситуация в вашей забытой сказке слишком напоминает современную политическую ситуацию?
- Помилуйте! историк возмутился. Я имею вполне достаточную квалификацию в своём деле, чтобы отличить подлинную историческую легенду от подделки.
- Я не об этом. Генеральный Реконструктор поморщился.
- А о чём же?...

1981 г.

2. КАМЕНЬ БЕССМЕРТИЯ

(секретная сказка)

Опять ты просишь рассказать тебе сказку! Да ведь я рассказал тебе все сказки, которые помнил. А больше я не знаю. Есть, правда, ещё одна сказка. Но я не буду её рассказывать. Почему? Видишь ли, это такая секретная сказка. Очень это давняя история, и лучше бы о ней не вспоминать. Никому не скажешь? Ни словечка? Ну, что с тобой поделаешь! Ладно уж, расскажу тебе по секрету. Только, чур, никому...

Слушай. Далеко в Космосе, среди звёзд и комет жила Вечная Птица. Она потому так называется, что не знает смерти. Вечная Птица не любила тёплого ветра, прохладной воды и зелёной травы. Она летала в межзвёздном пространстве — а ведь там очень холодно и очень темно, грелась около больших солнц — а ведь они очень горячие и очень яркие. Она взмахивала своими большими чёрными крыльями и летела наперегонки с солнечным светом. Ты ведь знаешь, что свет самый быстрый? Так жила Вечная Птица... Что? Да, ты прав: она и сейчас живёт и летает где-то там, в Космосе — ведь она не знает смерти. Но слушай дальше.

Однажды Вечная Птица почувствовала у себя в животе что-то твёрдое и тёплое. Не холодное, не горячее, а тёплое — это было для Вечной Птицы незнакомое ощущение. Она подумала и поняла, что это яйцо. И Вечная Птица стала искать место, где бы снести это твёрдое и тёплое яйцо. Случилось так, что на её пути встретилась планета. С тёплым ветром, прохладной водой и зелёной травой. Вечная Птица не любила таких планет, но она подумала, что для её яйца, твёрдого и тёплого, такая планета должна быть подходящим местом. И вот Вечная Птица опустилась на планету и снесла яйцо. А потом она взмахнула своими большими чёрными крыльями и в тот же миг оказалась уже далеко от планеты и улетала всё дальше и дальше, в далёкий Космос...

И яйцо осталось лежать на планете, на зелёном холме под тёплым ветерком. Ты уже догадался, как называлась эта планета? Она называлась Земля.

В ту пору, а было это миллион лет назад или даже ещё больше, на Земле жили два племени: Северное и Южное. И назывались они так потому, что северное племя жило к северу от Гор Удерживающих

Небо, а южное племя — к югу. Что?... Да, это были очень высокие горы. Они находились в самой середине земли и их вершины упирались прямо в небо. Земля круглая? У неё нет середины? Правильно, но ведь раньше люди не знали этого. Они думали, что Земля плоская и что небо должно обязательно на что-нибудь опираться, а иначе оно упадёт на землю.

Так вот: жили два племени. Люди северного племени имели светлые волосы, а люди южного племени — чёрные волосы. В остальном же эти племена совсем не отличались друг от друга и жили в мире. Они часто устраивали совместную охоту на Большого Зверя и, если охота была удачной, мяса хватало обоим племенам на долгое время. Потому что Большой Зверь был очень большой. Конечно, это были ещё очень древние люди — они многого не знали и многое не умели.

И вот как раз тогда, когда Вечная Птица опустилась на землю, чтобы снести своё яйцо, её увидели два охотника. Один охотник был из северного племени, а другой охотник — из южного племени. Охотники бродили по холмам вместе, чтобы подстрелить какую-нибудь птицу себе на завтрак. Они увидели Вечную Птицу и так испугались, что упали на землю, закрыли голову руками и долго не могли открыть глаза от страха. И было от чего испугаться: Вечная Птица только в далёком Космосе казалась небольшой, на Земле же она как чёрная тень закрыла своими крыльями целый холм.

Долго лежали охотники, боясь пошевелиться. Наконец, они подняли головы и открыли глаза. Вечная Птица давно улетела в свой Далёкий Космос. А на вершине холма лежало яйцо. Но оно совсем не было похоже на яйцо курицы или яйцо орла или даже яйцо гигантского птеродактиля, который ещё изредка попадался в то далёкое время у подножия Гор Удерживающих Небо. Яйцо Вечной Птицы сверкало и переливалось всеми красками, как драгоценный камень. Только этот камень был большой — размером с человеческую голову. Охотники так и решили, что это камень. Ах, какой красивый был камень! Все его грани отражали солнечный свет, но каждая по-своему, по-чудному. С опаской подошли охотники к вершине холма. Но постепенно страх их сменился радостью и восторгом. Какая удачная находка! Если расколоть этот камень пополам — каждому племени достанется большой кусок и все будут довольны.

Что ты говоришь? Нет, это сказка не о Курочке Рябе. Охотники даже и не пытались расколоть яйцо. Едва только они подумали об этом, как камень заговорил с ними человеческим голосом.

«Эй, вы! — сказал камень. — Не вздумайте по мне стучать! Я вам не какой-нибудь простой камень. Я бессмертный! Впрочем, вы можете взять меня целиком. Положите меня на мягкую подстилку из шерсти Большого Зверя и укройте сверху от дождя крылом гигантского птеродактиля. Можете любить меня и поклоняться мне, если хотите. Да не забывайте каждый день выставлять меня на солнце, чтобы я мог погреться в его лучах. Учтите: в один прекрасный день я раскроюсь и тогда... Но вам ни к чему знать об этом. Помните только об одном: того, кто будет за мной хорошо ухаживать, я награжу бесценным даром. Я награжу его... Чем бы мне его наградить?... Да вот, пожалуй, — хватит с вас и этого. Запомните хорошенько: кто будет меня лелеять и холить, того я награжу Бессмертием, когда раскроюсь. Поняли вы? Бессмертием! А теперь я хочу спать...»

Птенец Вечной Птицы, который сидел в яйце, зевнул и уснул. Он был ещё совсем маленький и не любил много разговаривать.

Долго охотники не могли опомниться от таких слов камня. Конечно, они не стали колоть яйцо. Они принесли его к подножию Гор Удерживающих Небо, на границу территории своих племён и побежали в разные стороны. Охотник северного племени побежал на север, а охотник южного племени побежал на юг. Они хотели поскорее рассказать людям своих племён об удивительном происшествии.

С этого всё и началось. Люди северного племени, едва услышав о чудесном камне и обещанном бессмертии, побросали все свои дела и что есть духу помчались к подножию Гор Удерживающих Небо. То же самое сделали и люди южного племени. Каждое племя хотело опередить другое племя и забрать камень себе. Ведь камень нельзя было поделить, как мясо или шкуру Большого Зверя. И встретились люди двух племён у подножия Гор Удерживающих Небо, и увидели друг друга и начали драться. Долго они бились, много народу погибло в той первой битве. Наконец, люди Севера потеснили южан и завладели Камнем Бессмертия.

Камень перенесли на север, положили на мягкую подстилку из шерсти Большого Зверя и укрыли от дождя крылом гигантского

птеродактиля. Люди северного племени очень заботились о Камне Бессмертия и поклонялись ему, как богу. Они всё ждали, что камень раскроется и подарит им обещанное бессмертие. Но камень не торопился раскрываться. А в это время южное племя оплакало убитых, вылечило раненых и стало готовиться к новой войне. Подошло время и южное войско напало на северное племя. Люди северного племени не ожидали нападения — они ведь ещё не привыкли к войне, потому что раньше всегда жили в мире с южанами. Южное племя захватило Камень Бессмертия и перенесло его на юг, положило на мягкую подстилку из шерсти Большого Зверя и укрыло от дождя крылом гигантского птеродактиля. А северное племя оплакивало убитых, вылечивало раненых и готовилось к новой войне...

Так кончилось мирное время. Ни на день не утихала война между двумя племенами. И с севера шли войска на юг, а с юга шли войска на север. И люди убивали людей и умирали сами, потому что всем хотелось получить бессмертие. И плакали матери по погибшим сыновьям, и плакали жёны по погибшим мужьям, и плакали дети по погибшим отцам, и плакали сестры по погибшим братьям. Только Камню Бессмертия было хорошо: он путешествовал то с юга на север, то с севера на юг. Но везде камень лежал на мягкой подстилке из шкуры Большого Зверя и от дождя его укрывало крыло гигантского птеродактиля. А внутри камня, свернувшись уютным клубком, спал птенец Вечной Птицы. Спал и никак не хотел просыпаться...

Все меньше становилось мужчин на земле, потому что много погибало их на войне. И вот, наконец, не осталось ни одного взрослого воина. Только женщины, старики и дети оплакивали свою судьбу. И тогда собрались самые старые старики двух племён: северного и южного, — и стали вместе думать, как быть дальше. Долго они думали и вспомнили о Старом Отшельнике, который жил в Большой Пещере высоко в Горах Удерживающих Небо. Кто такой этот Старый Отшельник и откуда он пришёл, никто не знал. Об этом не помнили даже самые старые старики двух племён. Но все слышали, что это был очень мудрый и очень справедливый Старый Отшельник. И решили люди пойти в горы к Большой Пещере и просить Старого Отшельника рассудить их спор. Пусть скажет мудрец, как быть с Камнем Бессмертия. Пусть решит, какое племя должно владеть бесценным сокровищем. Как скажет старый Отшельник, так они и поступят, потому что нет уже больше у них сил воевать друг с другом.

Так решили самые старые старики двух племён и так они и сделали. Положили Камень Бессмертия на мягкую подстилку из шерсти Большого Зверя, укрыли сверху крылом гигантского птеродактиля и понесли в горы. Один день камень нес старик из северного племени, другой день камень нёс старик из южного племени. Долго поднимались они в горы. Труден был их путь и мало оставалось силы в ногах стариков. Наконец достигли они Большой Пещеры, и вышел им навстречу Старый Отшельник.

Самые старые старики двух племён поднесли Старому Отшельнику свои подарки: вяленое мясо Большого Зверя, тёплый плащ из шкуры Большого Зверя и мягкие сапоги из кожи гигантского птеродактиля. Выслушал Старый Отшельник печальную историю войны двух племён, выслушал и просьбу самых старых стариков. Попросил он показать ему Камень Бессмертия. Сбросили с камня крыло гигантского птеродактиля, и засверкал камень сотнями своих граней, точно сотни маленьких радуг собрались в один клубок. Долго не мог Старый Отшельник оторвать глаз от Камня Бессмертия. Ещё дольше думал, какой совет дать людям двух племён. Наконец, улыбнулся Старый Отшельник в свою белую бороду и сказал так:

«Послушайте меня, старики. Долго сражались воины ваших племён и перебили друг друга. И ни одно племя не смогло одолеть другое племя. Видно, равны вы в военном деле. Но не мне судить об этом – я ведь не воин. Долгие годы провёл я в этих Горах Удерживающих Небо в размышлениях. Долго изучал я три Великие Науки. Сначала я постигал Великую Науку Мужества. Знаете ли вы о ней? И вот вам мой совет. Пусть придут ко мне десять юношей из племени северных людей и десять юношей из племени южных людей. Пусть живут они здесь со мной три года и три дня. Я буду учить их Науке Мужества. Пусть занимаются они усердно, пусть не щадят своих сил. А когда пройдут три года и три дня, приходите опять сюда, старики. Юноши покажут своё умение быть мужественными. И если юноши из северного племени окажутся лучше юношей из южного племени, то пусть Камень Бессмертия хранится на севере. А если юноши южного племени окажутся лучше юношей из северного племени, то пусть Камень Бессмертия хранится на. юге. Пока же оставьте его здесь, в этой Большой Пещере. Пусть будет он не на севере и не на юге».

Так сказал Старый Отшельник, и его слова пришлись по душе самым старым старикам обоих племён и подивились они мудрости Старого Отшельника. Вернулись старики к своим племенам и оставили Камень

Бессмертия в Большой Пещере. А вскоре десять юношей северного племени и десять юношей южного племени поднялись в горы и стали жить вместе со Старым Отшельником. И Старый Отшельник учил юношей Великой Науке Мужества. Каждое утро до уроков и каждый вечер после уроков Старый Отшельник откидывал крыло гигантского птеродактиля и любовался игрой света на гранях Камня Бессмертия. И ждал, что раскроется камень. Но камень не раскрывался — птенец Вечной Птицы спал сладким сном.

Три года и три дня жили племена в мире. Вместе устраивали они охоту на Большого Зверя и поровну делили добытое мясо. Не было убитых и люди не плакали.

Но вот прошло три года и три дня. Собрались самые старые старики в Большой Пещере и юноши обоих племён стали показывать, чему научились они за прошедшее время. И дивились старики, как глубоко постигли юноши Великую Науку мужества. И не могли предпочесть никого из юношей, кто был бы лучше других. И сказали старики Старому Отшельнику:

«Ты дал нам хороший совет и мы последовали ему. Три года и три дня мы жили в мире, и уже это было хорошо. Три года и три дня учились наши юноши у тебя Великой Науке Мужества. И вот теперь мы видим, что они достигли большого мужества. Но скажи, как быть нам теперь? Не можем мы предпочесть ни юношей северного пламени, ни юношей южного племени. Одинаково хорошо научились они твоей науке. Но как же быть нам с Камнем Бессмертия?»

Старый Отшельник ответил быстро — ведь за три года и три дня он успел продумать свой ответ. Старый Отшельник сказал так:

«Послушайте меня, старики. Прошлый раз говорил я вам, что равны ваши племена в военном деле, потому и не смогли вы решить ваш спор войной. Но видно и в мужестве ваши племена равны. Ну что же, я готов открыть вашим юношам вторую Великую Науку — Науку Мудрости. Пусть придут ко мне десять юношей северного племени и десять юношей южного племени. Пусть живут они здесь три года и три дня — я буду учить их Науке Мудрости. И кто окажется самым мудрым, тот и принесёт в своё племя Камень Бессмертия. Пока же пусть остаётся он здесь, в Большой Пещере — не на севере и не на юге».

Так сказал Старый Отшельник и его слова понравились самым старым старикам обоих племён. Так они и сделали. Три года и три дня жили племена в мире. И всем хватало вкусного мяса Большого Зверя. Не было убитых, и люди не плакали.

А десять юношей северного племени и десять юношей южного племени усердно учились у Старого Отшельника Великой Науке Мудрости. Каждое утро до уроков и каждый вечер после уроков Старый Отшельник откидывал крыло гигантского птеродактиля и любовался игрой света на гранях Камня Бессмертия. И ждал, что раскроется камень. Но камень не раскрывался — птенец Вечной Птицы спал сладким сном.

И прошло три года и три дня. Снова собрались в Большой Пещере самые старые старики обоих племён. И дивились старики, как глубоко постигли юноши Великую Науку Мудрости, и не могли никого предпочесть остальным. И сказали старики Старому Отшельнику:

«Ты дал нам совет и мы последовали ему. Три года и три дня и ещё три года и три дня мы жили в мире и уже это было хорошо. Три года и три дня учились наши юноши у тебя Великой Науке Мужества и еще три года и три дня учились они Великой Науке Мудрости. И стали они мужественными и мудрыми. Но скажи, как быть нам теперь? Не можем мы предпочесть ни юношей северного племени, ни юношей южного племени. Одинаково хорошо научились они твоим наукам. Но как же быть нам с Камнем Бессмертия?»

И снова Старый Отшельник ответил быстро и сказал так:

«Послушайте меня, старики. Первый раз говорил я вам, что равны ваши племена в военном деле, потому и не смогли вы решить ваш спор войной. Второй раз говорил я вам, что и в мужестве ваши племена равны. Скажу и сейчас — равны видно ваши племена и в Великой Науке Мудрости. Но есть ещё одна, третья и самая главная Великая Наука — Наука Жизни. Пусть придут ко мне десять юношей северного племени и десять юношей южного племени. Пусть живут они здесь три года и три дня. Я научу их Науке Жизни. Тот, кто окажется самим искусным в этой науке, тот и принесёт Камень Бессмертия своему племени. Пока же пусть остаётся он на прежнем месте — не на севере и не на юге».

Так сказал Старый Отшельник, и самые старые старики согласились сделать так, как он сказал. Три года и три дня жили племена в мире. Стали забывать они про былые раздоры. Люди не убивали друг друга и никто не плакал.

А десять юношей северного племени и десять юношей южного племени не жалели сил своих и постигали Великую Науку Жизни. И каждое утро до уроков и каждый вечер после уроков Старый Отшельник откидывал крыло гигантского птеродактиля и любовался игрой света на гранях Камня Бессмертия. И ждал, что раскроется камень. Но камень не раскрывался — птенец Вечной Птицы спал сладким сном.

И снова прошло три года и три дня. И снова собрались самые старые старики обоих племён в пещере Старого Отшельника. Снова дивились они, как глубоко постигли юноши Великую Науку Жизни. И снова не смогли никого предпочесть другим. И сказали старики Старому Отшельнику:

«Ты давал нам советы и мы следовали всем им. Три раза по три года и три дня мы жили в мире и уже это было хорошо. Три года и три дня учились наши юноши у тебя Великой Науке Мужества и ещё три года и три дня учились они Великой Науке Мудрости и снова три года и три дня учились юноше Великой Науке Жизни. Мы видим, как глубоко постигли они три твоих науки. Но скажи, как быть нам теперь? Не можем мы предпочесть ни юношей северного племени, ни юношей южного племени. Нет ли ещё каких Великих Наук у тебя?»

На этот раз Старый Отшельник думал долго. Он думал и поглядывал на Камень Бессмертия. Не хотелось расставаться ему с камнем. Знал он ещё три Великие Науки, но эти науки держал он втайне и не хотел открывать их людям. Долго думал Старый Отшельник. Наконец последний раз взглянул он на Камень Бессмертия, вздохнул и сказал так:

«Слушайте, старики. Вы сами видите: равны ваши племена и в мужестве, и в мудрости и в науке жизни. Юноши ваши постигли эти Три Великие Науки и теперь в них они сравнялись со мною. Трижды по три года и три дня живёте вы в мире. Мужество помогает вам в горе и неудачах. Мудрость даёт вам знания и умения. Наука Жизни учит вас счастью. Теперь не знаете вы нужды, мяса Большого Зверя всегда хватает на всех. Что нужно ещё вам? Я подарил вам Великие

Науки, и теперь ваши племена всегда смогут жить счастливо. Зачем вам Камень Бессмертия? Оставьте его мне».

Самым старым старикам обоих племён не понравилась речь Старого Отшельника. Они были уже стары — к чему им Великие Науки? Они хотели бессмертия. Они кричали Старому Отшельнику злые слова, они называли его обманщиком и вором. Они хотели убить его.

И тогда Старый Отшельник снова начал говорить. Он сказал так:

«Вижу, не цените вы мои дары. Бессмертие для вас дороже мужества, дороже мудрости и дороже счастья. Но мне бессмертие нужнее, чем вам. Не скажу почему — вы не поймёте меня. Пусть Камень Бессмертия ещё полежит в Большой Пещере. У меня есть ещё испытания для ваших юношей. Знайте, старики, что есть ещё Три Великие Науки. Тот, кто постиг первые три науки, становится лучшим из людей. И если не будет стремиться он к бессмертию, то жизнь его будет счастливой до самого последнего дня. Вижу, вам мало этого. Хорошо, я открою вам ещё три Великие Науки. Тот, кто постигнет все шесть наук, сравняется с самим богом. Это Великие Науки Трусости, Глупости и Смерти. Пусть придут юноши...»

Но старики не стали слушать Старого Отшельника.

«Мы думали ты мудрец. — кричали они. — А ты просто обманщики вор! Зачем нам трусость? У нас есть мужество! Зачем нам глупость? У нас есть мудрость! Зачем нам смерть? Мы познали счастье жизни и нам нужно только одно. Нам нужно бессмертие! Нам нужен Камень Бессмертия! Хватит того, что ты дурачил нас трижды по три года и три дня. И сейчас ты хочешь одурачить нас, сравнивая себя с богом — ведь ты же знаешь все шесть Великих Наук? Но мы не верим тебе — только первые три науки приносят пользу. От других же нет никакого проку. Больше мы не будем слушать твоих советов!»

И старики забрали Камень Бессмертия и положили его на мягкую подстилку из шерсти Большого Зверя и укрыли крылом гигантского птеродактиля от дождя. Они понесли его вниз, к подножию Гор Удерживающих Небо. И юноши, ставшие за трижды по три года и три дня взрослыми мужчинами, сопровождали их. И никто ни разу не оглянулся назад, вверх. А там, на краю Большой Пещеры стоял Старый Отшельник и горестно качал головой. Он знал, что уже очень стар, и скоро придёт ему время умирать.

Люди вернули себе Камень Бессмертия, но они по-прежнему не знали, как разделить его между двух племён, и снова начались войны. И снова люди стали убивать друг друга, стремясь к бессмертию. И снова плакали матери по погибшим сыновьям, и плакали жены по погибшим мужьям, и плакали дети по погибшим отцам, и плакали сестры по погибшим братьям. Мужество, которому люди научились у Старого Отшельника, давало им силы преодолевать горе и страдания. Мудрость, которой они научились у Старого Отшельника, давала всё больше знаний и всё больше умения. Счастье — Великая Наука Жизни, которой научил людей Старый Отшельник, давала им опору в их пути от рождения до смерти. Люди размножились по Земле, научились добывать огонь и железо, они строили прекрасные дворцы и города, сажали сады, прокладывали дороги, сочиняли вдохновенную музыку, запускали ракеты в Космос... Но, увы, люди не жили в мире. Они стремились к бессмертию и убивали друг друга...

Давно уже умер Старый Отшельник, познавший все шесть Великих Наук и не дождавшийся бессмертия. Сгнили в земле кости последнего гигантского птеродактиля. Большой Зверь уже не бродит среди зелёных холмов. Много прошло веков с тех пор, и люди забыли эту сказку.

Ты спрашиваешь о Камне Бессмертия? Забудь и ты о нём. Ты дал мне слово хранить эту тайну. Птенец Вечной Птицы спит сладким сном — ведь он ещё совсем маленький. Что значит миллион лет в сравнении с вечностью? Цени счастье — Великую Науку Жизни. Учись мудрости, чтобы понять свой путь. Имей мужество не жаждать бессмертия.

Впрочем, есть ещё Три Великие Науки: трусости, глупости и смерти. Хочешь ли ты сравняться со Старым Отшельником? Учти, это трудный путь и горек его конец. А птенец Вечной Птицы спит.

13 августа 1981 года

3. СКАЗКА ПРО ТОЛСТОГО И ДЛИННОГО ЧЕРВЯКА

За тридевять земель, за тридевять... в общем, очень-очень далеко есть страна Малямия. И в этой самой стране жили-были четыре маляма. Одного звали Большой Малям, потому что он был очень большой. Другого знали Маленький Малям, потому что он был очень маленький. А третьего звали Малямушка-Дурачок, потому что он был слишком умный. Четвёртого же маляма вообще не было.

И жили эти малямы тихо и мирно, как малямам и полагается: прыгали по лужам, швыряли камнями в облака и рыли большую яму. Все малямы всегда роют большую яму. Они думают, что чем больше яма, тем она лучше. Это были очень воспитанные малямы: они никогда не кричали «Эй ты, дурак! Поди сюда!» Они всегда подходили сами и тогда уже кричали.

И всё было бы хорошо в стране Малямии, если бы однажды, когда малямы рыли свою большую яму, из этой ямы не вылез толстый червяк. Толстый червяк очень долго вылезал из ямы — целых три часа. А всё потому, что он был ещё и очень длинный. Целых три часа малямы стояли около ямы и ничего не делали, а только смотрели, как лезет червяк. Когда толстый и длинный червяк совсем вылез, он сразу спросил:

- Эй вы, малямы! Кто тут у вас самый главный?
- А у нас нет никакого самого главного.
   отвечали малямы, потому что у них не было самого главного.
   У нас тут только четыре маляма.
- Что-то вы путаете. сказал червяк. Где же ваш четвёртый малям?
- А его вообще-то нет.
- Нечего тогда и путать. Вы лучше скажите: кто разрешил вам рыть эту большую яму?
- Никто не разрешал. Малямы всегда роют большую яму, потому что чем больше яма, тем она лучше.

– Глупости какие-то! – рассердился червяк. – Приходят малямы и ни с того, ни с сего начинают рыть яму. Идите-ка и подумайте! Всегда должен быть самый главный, который разрешает или не разрешает рыть большую яму, Идите-идите, нечего тут стоять всем сразу. Пусть придёт один самый главный малям – я с ним поговорю.

И малямы пошли. Все четверо, хотя четвёртого вообще-то не было. Забрались малямы на соседний холм и стали думать: кто же из них самый главный? Каждый хотел быть самым главным, и поэтому они начали ругаться и драться. Они толкали друг друга в бок и в спину, щёлкали друг друга по лбу и кричали: «Я самый главный! Я самый главный!» Так они колошматили друг друга, пока не устали. А когда устали, сели на землю и стали потирать синяки и прикладывать пятаки к шишкам. И тогда Малямушка-Дурачок, который был слишком умным и поэтому не хотел больше шишек и синяков, сказал так:

– Кто больше всех надавал мне шишек и синяков? Большой Малям, потому что он очень большой и сильный. Значит, он и самый главный! Правильно я говорю?

И Большой Малям сразу согласился с Малямушкой-Дурачком и погладил его по головке. И Маленький Малям поглядел-поглядел на Большого Маляма и тоже согласился. Но его Большой Малям по головке не погладил. А четвёртый малям, которого не было, ничего не сказал, и никто на него не обратил внимания. Пошёл Большой Малям к яме и сказал червяку:

- Я самый главный малям!
- Прекрасно, ответил толстый и длинный червяк и съел Большого Маляма.

А другие малямы всё это видели и очень удивились.

- Что-то тут не так, сказал Маленький Малям.
- Ты прав, сразу согласился Малямушка-Дурачок. Наверное, мы ошиблись. Большой Малям не самый главный малям. Вот его червяк и съел.
- А кто же самый главный малям?

– Ясное дело, ты, Маленький Малям!

Но Маленький Малям почему-то не хотел быть самым главным малямом. Тогда Малямушка-Дурачок наделал Маленькому Маляму ещё синяков и шишек. Ведь Маленький Малям был очень маленький и не мог сладить даже с Малямушкой-Дурачком.

Пришлось Маленькому Маляму согласиться стать самым главным Малямом. Пошёл он к червяку и сказал:

- Я самый главный малям!
- Прекрасно, ответил червяк и съел Маленького Маляма.

«Ну теперь всё понятно!» — подумал Малямушка-Дурачок, который был слишком умным. И он пошёл к яме.

- Теперь ты самый главный малям? спросил червяк.
- Нет, ответил Малямушка-Дурачок. У нас нет самого главного маляма. Может и был такой, да ты их всех сьел. А теперь нет главных.
- Ну, это не так уж важно, сказал толстый и длинный червяк и съел Малямушку-Дурачка.

«Странная история, – подумал четвёртый малям, которого вообще-то не было. – Вышел из большой ямы какой-то червяк и съел всех малямов поодиночке. Выходит, если б я был, он бы и меня съел? Ну уж нет! Лучше как я – совсем не быть, чем достаться червяку на ужин».

А червяк поглядел вокруг, видит — не осталось больше малямов, и полез обратно в большую яму. И пока влезал он я яму — целых три часа — всё вздыхал, да охал. «Эх, жизнь... вздыхал червяк. — Скучно мне очень. Всё один да один. Как перст. И поговорить-то не с кем в этой скучной стране Малямии. Эх...»

19 августа 1981

4. БУДДА № 6

- 0. 00Вместо введения:
- 1. Тогда я сам буду Буддой!
- 2. Трофаллаксис
- 3. **Что такое 1.25?**
- 4. Вы слышите, как щёлкают переключатели?
- 5. Кто живёт на Земле?
- 6. Камень для перекатывания мыслей
- 7. Коктейль из любимых писателей.

0. Вместо введения: Не создавайте литературных архивов!

«Не создавайте литературных архивов!» — не помню, кто из писателей это сказал, но какая красивая фраза! Когда я первый раз её услышал, я даже расстроился: Оп-ля! А у меня уже кой-какой архивчик сам собой образовался — неужели выбрасывать? Или сжигать? И я трусливо сделал вид, что этот совет литературного аскета ко мне не относится, потому что у меня память плохая. Была бы хорошая, я бы все рукописи выбрасывал или сжигал.

И вот теперь, по прошествии многих лет, я иногда заглядываю в свой архив и каждый раз нахожу там что-нибудь занятное. Может быть, только для меня занятное, но тем не менее. Главное: видишь не только то, что ты приобрёл за эти годы (что приятно), но и то — что потерял. А это наводит на полезные размышления.

И я решил потихоньку выгребать старые рукописи и, отряхнув с них пыль, выставлять на всеобщее обозрение. Сначала я думал, что старую вещь нужно обязательно переделывать, чтобы она соответствовала как нынешнему времени, так и мне самому теперешнему. Пару раз я так и сделал. Но потом увидел, что делать этого не нужно: теряется что-то такое, что утеряно в более поздних вещах. Аромат прошлого? Непосредственность молодости? Наивность начинающего? Не знаю, наверное всё это вместе взятое, и что-то ещё, неуловимое.

Начну с цикла миниатюр 81-го года, который называется «Будда № 6». Я не стал ничего менять, только исправил грамматические

ошибки и опечатки. Поэтому в отдельных местах сохраняется некоторая архаичность и наивность, свойственные тому, что было 28 лет назад. Мне? Времени?

9 октября 2009 года

1. Тогда я сам буду Буддой!

Когда я узнал, что вот-вот на земле должен появиться очередной, шестой по счёту, Будда, мне очень захотелось написать про него книгу. Название я придумал сразу: "Будда № 6". В этом есть что-то инвентарно-арифметическое, я вообще люблю разные числа, номера, каталоги, описи, входящий-исходящий, скрепкосшиватели, скоросшиватели, оглавления, указатели, введения, заключения, эпилоги и римские цифры.

Я стал читать буддийские книги и книги о буддийских книгах. Но там ничего не было о том, как будет выглядеть Будда № 6, какие у него будут волосы, какой нос, какой голос, кто он будет по национальности и, главное, что он должен проповедовать? Я пытался представить его себе и так, и эдак, то высоким и худым, то наоборот, то европейцем, то японцем, то индусом, то негром. То он был интеллигентом, то «из низов». То он был аскетом, насквозь пропитанным йогой, то жизнерадостным любителем выпить и закусить. А главное: что же он всё-таки должен проповедовать?

Как-то я сидел на балконе, курил и сверху вниз разглядывал прохожих. Между прочим, сверху человек виден гораздо лучше. Если вы хотите, чтобы ваше первое впечатление о человеке было правильным, посмотрите на него сверху. Примерно с третьего этажа. Я думаю, потому боги и помещаются наверху, что оттуда лучше видно. И никогда не смотрите на людей снизу – это искажает все пропорции. Я смотрел на прохожих сверху и пытался прикинуть: кто бы из них мог быть Буддой? Ничего не получалось, потому что ни у кого не видел я надлежащей, как мне казалось, величественности, отрешённости и пророческого взгляда. Тут на балкон выскочил мой сын (он никогда не выходит – всегда выскакивает) и спросил:

– А ты про книгу думаешь?

Моя семья уже знала, что я собираюсь писать книгу. Я оповестил об этом в порядке предупреждения.

- Про книгу, со вздохом ответил я.
- А про что книга?
- Про Будду.
- А кто такой Будда?
- Ну... это такой... как бог.
- А богов не бывает, этому я научил сына сам. Но никак не могу научить его начинать фразу не с буквы «А».
- Видишь ли, вообще-то он не бог. Просто он такой человек, который знает такое, чего другие люди не знают. И он этому хочет научить других людей.
- А наша учительница Людмила Тимофеевна тоже Будда?
- Нет! Что ты! Видишь ли, Будда особенный человек. Он один раз в несколько тысяч лет рождается. И учит он совсем не арифметике, и не русскому языку.
- А чему же?
- Ну... наверное, смыслу жизни.
- А в чём смысл жизни?
- Я не знаю, честно ответил я.
- А в твоей книге Будда будет учить смыслу жизни?
- Наверное, ведь он только этим и занимается.
- А как же ты напишешь про это, если сам не знаешь, в чём смысл жизни?
- Ну... видишь ли...

У меня тоже есть скверная привычка начинать фразы с «ну» и «видишь ли». Особенно, если я не знаю, что сказать.

А ведь и правда, как же я напишу такую книгу? Я не знаю какой у Будды нос. Я не знаю какой он национальности. Я не знаю, в чём смысл жизни. Как же писать про Будду? Какой же Будда? Что он там проповедует?

Но мне всё равно хотелось написать такую книгу. Как Будда появляется в наше время. И тогда я решил: чёрт с ней с величественностью, с отрешённостью и пророческим взглядом! В конце концов, разве может мой герой быть умнее меня? Тогда я сам буду Буддой. Вот представим себе, что я Будда. Проделаем такой мысленный эксперимент. Нигде не сказано, что Будда № 6 должен быть такой же, как Будда № 5. Нигде не сказано, что Будда не может носить очки и курить слишком много, хотя ему вообще не следовало бы курить. Нигде не сказано, что Будда рождается с готовым Учением в голове. Может быть, это Учение ещё надо искать. Пусть-ка поищет! Пусть ищет!

И я стал писать эту книгу так, как будто я и есть Будда. Будда № 6. Поэтому в этой книге всё правда. Ну, почти всё. Во всяком случае, многое правда. В конце концов, я старался, чтобы хоть что-то было правдой! Да на кой чёрт она сдалась вам, эта правда, — считайте, что я всё выдумал!

2. Трофаллаксис

Навязчивая идея оповестить мир о моём пришествии долго преследовала меня до тех пор, пока однажды я не опоздал на электричку, возвращаясь с воскресной прогулки по лесу. Я уже вдоволь насозерцался летних красот природы и получил вполне достаточную для моей буддовской сущности недельную дозу одиночества. Однако делать было нечего — до следующей электрички оставался целый час — и я вновь отправился в лес созерцать.

Тут мне и попалась на пути большая муравьиная куча. Наблюдая за беспорядочной беготнёй муравьёв, я вспомнил, что они относятся к общественным насекомым. Вот также и люди, думал я, бегают,

суетятся – сами не знают, почему, зачем. И не подозревают, что я уже тут, стою и смотрю на них.

В это время с ветки сорвался большой чёрный жук и упал прямо на верхушку муравейника. Жук произвёл большой переполох и великое смятение среди муравьёв. Вмиг всё муравьиное общество пришло в страшное возбуждение, и жук оказался в центре внимания. Однако кончилось это для него печально: сбежались муравьи-солдаты с мощными челюстями и облепили жука со всех сторон. Он ещё какоето время дрыгался, но вскоре затих и исчез в толще муравейника.

Э, нет, подумал я, рано пока оповещать о себе. Побуду ещё немного простым муравьем.

Мысль о том, что я — как жук в муравейнике, показалась мне очень важной, свежей и оригинальной. В этом было что-то грозное, величественное и трагическое. Я уже собирался занести её в свой "Список Великих Открытий Будды № 6", радуясь, что придумал нечто новое. На всякий случай решил поделиться своим открытием с одним приятелем. Хотелось посмотреть, какое впечатление оно произведёт на обычного человека,

- Жук в муравейнике? спросил приятель. Да, хорошая повесть.
   Оригинальная идея...
- Какая повесть? удивился я.
- Как какая? Стругацких, конечно.
- Причём здесь Стругацкие?
- Так это же они написали «Жука в муравейнике». «Знание-Сила» за 80-ый год. А ты про что говоришь?

Я пошёл в библиотеку. И на этот раз я опоздал открытием. К своему разочарованию я отнёсся спокойно, почти отрешённо, как и подобает Будде.

А может быть я совсем особый Будда, подумал я.

БУДДА, КОТОРЫЙ ВСЕГДА ОПАЗДЫВАЕТ?

Но я не дал развиться этой мысли. Заинтересовавшись муравьями, я прочитал в научно-популярной книжке Ричарда Хедстрома "Приключения с насекомыми" следующие строки:

«Личинки муравьев и термитов выделяют вещества, которые рабочие с удовольствием поедают... Интересно, что этот обмен пищей может происходить и между насекомыми разных видов. Например, некоторые муравьи не только терпят присутствие бродячих жуков, но обращаются с ними, как с членами собственной колонии, просто потому, что жуки выделяют жидкость, которая является «лакомым блюдом» для муравьёв. Ряд энтомологов рассматривает взаимное кормление, или трофаллаксис... как источник общественных навыков у ос, муравьев и термитов».

Какое красивое слово – трофаллаксис! Я записал его в свою записную книжку.

Быть бродячим жуком казалось мне гораздо приятнее. «Жука» у Стругацких убивают, а тут — совсем другое дело.

БУДДА – БРОДЯЧИЙ ЖУК! ВСЕМИРНЫЙ ТРОФАЛЛАКСИС – ОСНОВА ОБЩЕСТВА!

Оставалось выделить «лакомое блюдо».

3. Что такое 1.25?

Раньше, в моей прошлой жизни, я очень любил научнофантастические книги. В этих книгах Космос густо заселён. Можно сказать, он кишмя кишит инопланетянами. Для вступления в Галактическое Содружество Разумных Цивилизаций существует определённый ценз уровня развития, как в аристократических клубах, Недоразвитые цивилизации туда не допускаются. И я очень жалел, что родился слишком рано. Лет через пятьсот мы бы покончили с войнами, построили совершенное общество и инопланетные посольства повалили бы на землю косяком.

Став Буддой, я вскоре обнаружил, что на Земле уже и сейчас полно инопланетян. Правда, большинство из них даже не подозревает о своём инопланетном происхождении. В результате разнообразных космических несчастий они оказались заброшенными на нашу

захолустную планету и приняли человеческий облик. В целях адаптации. Постепенно они адаптируются и внутренне и уже мыслят, как все люди. А об их потомках и говорить нечего — эти прочно забыли свою инопланетную сущность. Надо иметь специальное буддовское зрение, чтобы по отдельным неприметным деталям реконструировать их иноземную суть. Примерно так, как палеонтолог по одной кости реконструирует скелет динозавра.

Один бывший инопланетянин работал кассиром в сберкассе. Он очень любил рассуждать о деньгах:

«За день через мои руки проходят тысячи разноцветных бумажек. Одни совсем новенькие, хрустящие с тонким запахом, как у чайной розы. Они как магниты прилепляются друг к дружке в плотные пачки. Другие бывают мятые с изменившимся цветом, и чем только не пахнут! Но и эти тоже – деньги.

У людей ведь как бывает? Получил зарплату — купил то, купил сё — деньги кончились. Жди аванса. Вот и весь жизненный цикл. А ведь бумажки эти — они великие путешественники. И где только не побывает иная бумажка, пока её не спишут в банке! Через какие руки не пройдёт, в каких местах не хранится. Иной человек за всю жизнь столько не объездит, как простая рублёвая бумажка.

Вот и получается, что всё на них держится — на бумажках. Это как паутина — всю нашу жизнь пронизывает и организует. Порви паутину — что будет? Хаос, порушится всё. Люди думают, что они соль земли. Да они просто мухи в паутине».

Я всегда спрашивал кассира, а кто же пауки в этой его паутине? Так он мне и не ответил ни разу, только всё посмеивался.

Этот кассир был родом вообще из другой галактики, из племени разумных пауков. У них там вся планета паутиной покрыта. Очень мне интересно было, как у них насчёт буддизма дело обстоит. Но сколько я не напрягал внутреннее буддовское зрение, так ничего и не смог разглядеть. Всё паутина, да паутина. Вся их философия на паутине держится: и Вселенная — Паутина, и Бог — Большой Паук, и мышление — плетение паутины. Но одно лирическое стихотворение мне понравилось, и я его перевёл. Вот оно:

Когда две паутинки ненароком

Соприкасаются легко, Пронзает сладостная дрожь Все члены тела моего.

От кассира-инопланетянина я узнал важную и полезную вещь: никогда не бывает много денег у того, кто относится к ним с пренебрежением, и тем более у того, кто всё время хочет денег, чтобы купить машину «мерседес», цветной телевизор, американские джинсы и японский стереомагнитофон, и т.д. Оказывается, деньги надо любить сами по себе. Золотое кольцо надо покупать не для того, чтобы его носить, а для того, чтобы продать, когда цена на золото поднимется. Не деньги нужны для покупки товаров, а наоборот, вещи есть средство увеличения количества денег.

Этот кассир как-то спросил меня:

- Что такое 1.25 ?
- Одна целая, двадцать пять сотых, ответил я (в прошлой жизни я имел математическое образование).
- Ошибаетесь. Это значат "один рубль и двадцать пять копеек".

Вот тогда я понял, что у меня никогда не будет много денег. И ещё я понял, что я

БУДДА, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ НЕ ДЕНЬГИ, А ВЕЩИ, И ПОТОМУ НЕ ИМЕЛ НИ ТОГО, НИ ДРУГОГО.

4. Вы слышите, как щёлкают переключатели?

По неопытности я решил, что раз я Будда, то должен изобрести новую мораль. Должно быть такое просветление, этакое озарение — и я вдруг увижу Истину, познаю Путь. После чего мне надлежит сообщить людям набор нравственных правил, дабы они могли ими руководствоваться в целях спасения. Во всяком случае, так поступал мой предшественник, Будда № 5 — Гаутама.

Изучу буддийскую этику, думал я, и попробую придумать что-нибудь получше, в духе современных веяний. Я позвонил своему знакомому

книголюбу – у него была хорошая библиотека – и попросил почитать что-нибудь соответствующее.

- Стоит ли стараться? сказал мой книголюб. Он очень неохотно давал читать свои книги.
- Не всё ли равно, что придумал Будда. Важно, что из этого получилось.
- А что получилось?
- А то и получилось. Например, все говорили: «Не укради». И Будда говорил, и Христос говорил, и Магомет говорил. Вот ты согласен, что красть грешно?
- Конечно.
- А что ж ты мне книгу не возвращаешь? Эдгара По. Год держишь и не отдаёшь, думаешь, я забыл?

Книгу пришлось отдать. Книголюбы в наше время стали удивительно жадными. Вот интересно: все знают, что жадность — порок, и всё равно жадничают. Почему это? На словах одно, а на деле совсем другое получается. И не только на словах: и в мыслях у нас всё складно выходит. Всё по-благородному. Из высших побуждений. У каждого в голове целый «Моральный кодекс строителя коммунизма» сидит и даже сверх того кое-что ещё. И ведь каждый думает, что он так думает. Совершенно искренне. А на практике другое получается.

Интересно иногда бывает поболтать на темы морали. В компании, в приятном обществе, за рюмкой вина, за сигаретой. Все такие милые люди. Вот думаешь: были бы все такими и всё было бы хорошо. Уже и выпили немного и ещё осталось. Обсуждаем: почему человек думает одно, а делает другое? Тут один инопланетянин наклоняется ко мне и говорит:

- А знаете, это всё иллюзия. На самом деле, человек что думает, то и делает.
- Как же так?

- А очень просто. Человек думает и из мозга идёт сигнал. К ногам, к рукам, к языку. Непрерывный процесс. Никакого тут разлада нет.
- Откуда ж тогда воровство берётся? И жадность? И зависть? И обман? И прочие нехорошие поступки?
- Так я ж вам говорю: всё оттуда, из мозга. Когда человек ворует, он не думает, что воровать грешно. Он в это время совсем о другом думает. У человека в голове есть разные программы. Целый набор, как колода карт. В нужный момент человек нужную карту вынимает и по ней думает. Вот вы говорите: мораль. А у человека в голове несколько разных моралей, целый набор. Для каждого случая своя подходящая мораль выбирается. Там В голове переключатель: щёлкнет переключатель – и пожалуйста! сменился набор принципов! Как в проекторе, когда слайды смотрят. Иногда бывают такие события, что сразу у многих людей переключатели щёлкают. Если обладать тонким слухом, можно даже услышать...

И тут, в это самое время, раздался какой-то грохот. Только что все оживлённо обсуждали тему благородства и нравственной чистоты и вдруг все смолкли. И все повернулись в одну сторону. И я тоже повернулся. И мы увидели печальную картину.

Какой-то подвыпивший гость, которого послали за последней бутылкой вина, какой-то неуклюжий медведь, какой-то невоздержанный пьянчуга, который на ногах устоять не может, какой-то... чёрт знает, что за люди бывают! И куда его понесло на кресло, алкоголика несчастного! Разбить последнюю бутылку! Вдребезги! Это же...

- Слышите? Вы слышите? Вот сейчас, слышите? зашептал мне на ухо инопланетянин.
- Что такое?
- Щелчки! Слышите? Слышите, как щёлкают переключатели?

И я услышал.

Я услышал, как что-то тихонько щёлкало. Как будто переключали канал телевизора. Или это у меня в ушах шумело? Трудно уже сказать,

что это было. Потому что тут начался такой шум, такие крики! Даже жалко стало этого недотёпу-алкоголика.

5. Кто живёт на Земле?

Какое-то время меня весьма беспокоили земные инопланетяне. Хотя они в своём большинстве уже не отличались от людей ни снаружи, ни внутри, меня все же волновал один вопрос. Смогут ли инопланетяне воспринять моё Учение Будды (когда я его придумаю)? Ведь это должно быть учение для людей. Мысль об универсальном учении, пригодном для всех видов разумных существ, я сразу отбросил. Хватит с меня и Земли! А, кроме того, после меня должно быть ещё 994 Будды — должны же и они что-то придумывать.

Однажды я оказался в гостях у одного специалиста по внеземным цивилизациям. По совместительству он писал космическо-лирические рассказы о братьях по разуму.

 Инопланетяне на Земле? – спросил он. – Это уже старо. Избитая тема.

Специалист помолчал и продолжил:

- Но вот что интересно: никто не попытался довести эту мысль до логического конца.
- А какой у неё конец?
- Очень просто. Мы сказали «А»: на земле есть инопланетяне. Так давайте же скажем и «Б»: на земле нет землян!
- **-**???
- Каждый человек инопланетянин. У каждого есть своя родная планета. Со своим климатом, своей географией, своей историей, своей философией, своей психологией. Наконец, со своим способом продления рода. Там, на своей планете, человек чувствовал бы себя счастливо. Обрёл бы, так сказать, землю обетованную. Заметьте, в каждой религии есть свой рай. Но каждый представляет его себе посвоему. Это как бы воспоминание о родной планете. Конечно, неосознанное воспоминание. А на Земле мы все гости. Потому и не

ладим друг с другом. Никак не можем понять друг друга, договориться по самым простым вещам. Всё дело в том, что мы слишком разные — разных биологических видов. Возьмите волка — уж на что хищник, а никогда не убьёт своего сородича. Только в самых исключительных случаях. Когда два волка дерутся за самку, тот, кто слабее, в конце концов, просто подставляет победителю свой бок — самую уязвимую часть. И что делает победитель? Прекращает драку. А что в таких случаях делает человек? Например, на войне?

Тут в комнату вошла жена специалиста и принесла кофе. Специалист пошутил:

– Да что война! Даже между самыми близкими людьми нет полного понимания. Вот моя жена, кстати, знакомьтесь – Маша, так вот, моя жена хочет в отпуск на Чёрное Море, а я стремлюсь в Карелию. Никак не можем договориться. А почему? Может быть, она с какой-нибудь жаркой планеты у синего солнца и ей всё время хочется погреться. А я, наоборот, с планеты, вечно покрытой льдом, доживающей свой век около остывающей звезды.

Жена Маша натянуто улыбнулась и не сдержалась:

– Я-то как раз на земле живу. А вот вы, мужчины, похоже, все не от мира сего, раз подобную бредятину обсуждаете.

Этот специалист был умный человек. И жена у него была умная. С тех пор я стал меньше обращать внимания на инопланетян. Кстати, и специалист, и его жена были чистокровные земляне. Он – до 48576-го колена, а она – до 51235-го. Дальше шли уже обезьяны.

Зато я заинтересовался женщинами. До сих пор я как-то не думал, что моё будущее учение должно быть адресовано и им тоже. Я начал со своей жены.

6. Камень для перекатывания мыслей

Когда-то у меня был камень. Сей камень ещё в своей прошлой жизни я получил в подарок от одной... в общем, неважно от кого. Это вполне в её духе подарок. Я должен был видеть в камне что-нибудь романтическое и предаваться воспоминаниям.

Камень был круглый и хорошо ложился в ладонь. Приятно была перебрасывать его из одной руки в другую, даже перекатывать, быстро или медленно в зависимости от скорости течения мыслей.

В результате длительного употребления камень изрядно потемнел, то есть стал грязным. Одно время на камень покушался мой сын, но я пресёк в корне. Потом сей замечательный камень куда-то затерялся, и даже великое переселение вещей в нашей квартире, вызванное появлением «стенки», не раскрыло тайну его исчезновения. Жаль. Перекатывание камня в руках помогало мышлению и могло бы стать аналогом перебирания чёток в моём будущем культе.

Элементы своего будущего учения я проверял, прежде всего, на жене. Мы подолгу обсуждали разнообразные вопросы. И философия, и мораль, и разные случаи из жизни — у нас была общность интересов. Я радовался, видя, как быстро мы приходим к согласию. Подчас жена подсказывала мне интересные мысли или наблюдения, на которые я сам не обратил внимания. Едва жена приходила с работы, как я начинал разговор.

Однажды она сказала:

- Помнишь, у тебя был камень? Ты говорил, что перекатывание камня в руках помогает тебе думать.
- Конечно, помню. Жаль, что он потерялся.
- Иногда мне кажется, что ты снова нашёл тот камень.
- Где же он?
- Не успею я придти с работы, как ты начинаешь говорить мне о своём несуществующем учении. И требуешь, чтобы я реагировала на каждый твой вопрос, на каждую твою мысль. Даже в клозете ты не даёшь мне покоя задаешь вопросы через дверь! Я для тебя как тот камень. Только говоряший.

Так жена снова натолкнула меня на интересную мысль. В самом деле, что для нас жёны, друзья, просто приятели? Не камушки ли они? Камушки для перекатывания мыслей, чувств, настроений, желаний...

7. Коктейль из любимых писателей.

Хотите, я расскажу, как я писал эту книгу?

Я слышал, что писатели очень не любят, когда суют нос в их творческую кухню. Я их очень хорошо понимаю. Писатель должен быть как шеф-повар. Когда он стоит величественный, толстый, весь в белом и с розовым лицом и смотрит, эдак сверху смотрит как вы... Да! Вы не верите своим глазам, потом вы не верите своему языку. О! Как чудесно! О! Изумительно! О! Как вкусно! О-о-о! Как это сделано? Из чего? Ради бога, скажите — из чего?! Шеф-повар молчит, загадочно усмехаясь.

А ещё писатель похож на фокусника. Смотрите — шляпа пуста! Раз-дватри. Пассы, пассы. Смотрите — всё на виду. И вдруг из шляпы вылетает белый голубь, и разноцветные ленты бесконечно-бесконечно летят и летят... Чудесно! Как это делается? Как? Ни один уважающий себя фокусник не станет раскрывать своих секретов. Иначе не будет искусства — останется одно шарлатанство, надувательство, обман публики.

В детстве я любил фокусы. Очень любил показывать свои фокусы всем желающим. Но, увы, я не мог сохранить секреты. Мне просто не терпелось рассказать, показать — как это делается. Вот тут такая штучка, а тут — такой небольшой обман. Видите? Видите, как ловко? Конечно, я не стал фокусником.

И ещё я не стал шеф-поваром. У меня совсем нет величественности. И я перчу всё подряд, сую все специи, какие есть в кухонном шкафу. Но больше всего — перца. У меня совсем нет чувства меры. И в эту книгу я тоже сую всё подряд.

Раскрывать свои секреты вообще не эстетично. Один мой знакомый побывал в Китае и кушал очень вкусное блюдо. Он долго упрашивал шеф-повара раскрыть секрет, а шеф-повар долго сопротивлялся. Но мой знакомый оказался не в меру любознательным. Шеф-повар сдался, и мой знакомый облевал весь стол. Блюдо оказалось из какихто червей.

А я вот не испытываю отвращения даже к обычным дождевым червям. Как-то я специально после дождя смотрел на дождевых

червей, как они ползают. Очень элегантные движения. Не понимаю – что в них противного?

Я очень хорошо понимаю писателей, шеф-поваров и фокусников. Но сам не могу удержаться. Моя жена утверждает, что у меня несносный характер. Всё, что придёт на ум, я тут же выбалтываю. Едва я вынимаю страницу из пишущей машинки, как тут же несу её жене — почитай! Умом я понимаю, что надо копить в себе, копить, лелеять, оберегать, накапливать... Когда выливается всё сразу, это так великолепно — целый водопад, бурный поток, ливень, гроза. А я как дырявая кастрюля — из меня всё время течёт по мелочи.

Когда я писал эту книгу, я постоянно мучился течью и старался перебороть себя, закрыть клапан. В конце концов, я перестал думать о книге, потому что всё время думал, как бы не проболтаться. Но тут случай смилостивился надо мной и подсунул книжку «Записки от скуки». Её написал Кэнко-хоси шестьсот лет назад на японском языке. Эта книга написана в жанре дзуйхицу. Это значит, что вся она состоит из кусочков, между которыми нет никакой связи. Совсем как в жизни. Я вам очень советую прочитать эту книжку. Моя книга тоже написана в жанре дзуйхицу.

В кусочке №19 Кэнко-хоси пишет: «...не высказывать того, что думаешь, — это всё равно, что ходить со вспученным животом». Мне сразу стало легче — этот японец оправдал меня. Но откуда он узнал, из своего XIY века, про меня и мои мучения? Откуда? Как?

Теперь я, как мой любимый писатель Воннегут, мог бы назвать себя старым пердуном. Но, во-первых, я совсем не старый. А во-вторых, это сказал Воннегут и опередил меня.

Мой любимый писатель Воннегут оказал на эту книгу большое влияние. Ещё на эту книгу оказали большое влияние мои любимые писатели Стругацкие, и мой любимый писатель Лем, и мой любимый (с недавних пор) писатель Кэнко-хоси. У меня есть ещё много любимых писателей, и все они оказали на эту книгу большое влияние.

Сначала я с этим влиянием пытался бороться, потому что хотел найти самого себя. Но потом я подумал, что будет лучше, если я просто напишу книгу, чем буду бороться с влиянием и искать самого себя. Поэтому я совершенно честно признаюсь: на меня повлиял мой любимый писатель Воннегут, и мой любимый писатель Лем и т.д. Тут,

в этой книге, – целый коктейль из моих любимых писателей, Я всем им очень благодарен.

Я только не могу понять: как они это сделали? Откуда они про меня узнали? Как? Откуда?

1981

5. ДАТЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Из книги В.Па 1220	ашуто "Александр Невский", ЖЗЛ, М.,1975 В Переяславле родился князь Александр, сын Ярослава
	Всеволодовича.
1228	Александр – княжич-наместник в Новгороде.
1236	Александр – князь-наместник в Новгороде.
1236÷1243	Татаро-монгольское нашествие на Европу.
1239	Александр – князь Новгорода, Дмитрова, Твери.
	Женитьба Александра на полоцкой княжне, дочере Брячислава.
1240, 15 июля	Разгром дружиной Александра шведских войск на Неве.
1242, 5 апреля	Разгром войском Александра немецких рыцарей на льду Чудского озера.
1242	Александр составляет Псковскую судную грамоту.
1242	Александр заключает мир с немецким Орденом и его
	союзниками.
1246	Гибель Ярослава, отца Александра, в Монголии.
	Александр – князь Переяславля и Новгорода.
1249	Разгром дружиной Александра литовских ратей в
	Смоленской и Полоцкой землях.
1249÷1250	Поездка Александра в Сарай и в Каракорум.
1250	Александр – великий князь Киева и Новгорода.
1252	Вторая поездка Александра в Сарай. Разрыв с
	Александром его братьев Андрея и Ярослава.
1252	Обмен Александра посольствами с Норвегией.
1253	Отражение немецкого набега на Псков и договор
10-1	Александра с немецким Орденом и его союзниками.
1254	Разграничительный договор Александра с Норвегией.
1256	Финский поход дружины Александра.
1257÷1259	Татарская перепись на Руси. Третья поездка Александра в Сарай. Измена Василия, сына Александра.
1262	Союзный договор Александра с Литвой. Русско-
	литовский поход на Орден. Договор Александра о мире
	и торговле с немецким Орденом и его союзниками.
1263	Последняя поездка Александра в Сарай, его болезнь.
1263, 14	Смерть Александра в Городце.
ноября	

30 августа 1981 года

6. В СУББОТУ ВЕЧЕРОМ НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ

1. Место действия

Перекусили, выпили. Разговор не клеится. Так — болтаем о том, о сём. Без особенного оживления. О музыке говорим. А у нас «Пинк Флойд» есть! «Стена»! Хотите послушать? Только это надолго — два диска. Это надо специально слушать, как фон не подходит. Тяжёлый рок. Замечательная вещь!

Переходим из кухни в большую комнату. Располагаемся кто где — на кровати, на табуретках. Жаль кресел у нас нет. Группируемся в одном углу — здесь стереоэффект лучше. Свет притушен, лампочки на проигрывателе ярко горят малиновым светом. Красивый свет. За окном темно, штор у нас нет (надо купить бы), и видно, как всё заоконное пространство заполнено бесчисленными разноцветными огоньками. Неважный у нас вид из окна — сплошная многоэтажность... Коньяк и рюмки на табуретке. Пепельница, сигареты. Нормальная обстановка, соответствующая.

Музыка.

Я второй раз слушаю. Вообще коллективно не люблю слушать. Надо будет завтра, как все уйдут, в одиночестве послушать. Первый-то раз тоже втроём слушали, а сейчас уже пять человек. А музыка особая, есть в ней что-то мыслящее. Нет, такое надо одному слушать, чтобы вслушиваться, вдумываться. Особенно, если вообще в музыке не разбираешься. В коллективном прослушивании, конечно, тоже есть своя прелесть. Некая общность возникает, единство. Потом можно обсудить, обменяться...

Дядя Лёня стоя слушает, он пластинки переворачивает. Прислонился к стенке — не к Пинк-Флойдовской, а к нашей — мебельной стенке. Недавно купили. Ох, в влезли же мы в долги с этой стенкой. Но хороша! Главное — большая, всё барахло туда влезло, и ещё место осталось. Ладно, о стенке — потом.

2. Немного про дядю Лёню

Эта «Стена» (не наша, а Пинк-Флойдовская) – дяди Лёнина. Вообще-то и не его даже, она у него временно – для перепродажи. Дядя Лёня у

нас специалист по дискам (ударение на втором слоге). Зарабатывает себе на квартиру. Вот втемяшилось же ему в Москве жить. Только в Москве, говорит, жить можно. В других местах загнёшься от скуки. Тоска на дядю Лёню давит в других местах, не приживается он там. Вот и из своего родного Калараша сбежал. Чего ему так не сиделось? В вычислительном центре работал, как хотел. С родителями ему, конечно, жить не хотелось. Вечно он с матерью ругается. Сколько ругаться можно? Ведь четвёртый десяток уже идёт. В общем, как решили его повысить по службе (начальника машины предложили), так он и сбежал оттуда.

А что ему тут в Москве — ни семьи, ни работы, ни квартиры. Ничего нет. Одни друзья, и мы в том числе. Вот он у нас и живёт, пока на квартиру не заработает. Женился фиктивно, прописка у него есть. Эх, наколет его эта жена! С нами не советовался, знал, что отговаривать будем. Впрочем, отговаривать легко, а что другое можно предложить.? Не вообще, конечно, а для дяди Лёни именно.

И который же раз он женился? Подсчитать надо... Четвёртый получается, или пятый — как считать. На второй жене он дважды женился. Тоже не могли жить спокойно, всё из Московской области в Москву перебраться хотели. Интересно, если после фиктивного развода снова женишься на той же жене, это как — фиктивный брак или настоящий? Да, неудачная у дяди Лёни семейная жизнь получалась. А всё с самой первой жены началось.

3. Квартира номер одиннадцать

Я тогда на Бакунинской жил и о существовании Кадрии понятия не имел: с Лёней я познакомился раньше, чем со своей женой. Вот уже больше десяти лет прошло с тех пор. А хорошо помню тот новогодний вечер. Дядя Лёня тогда в нашей квартире комнату снимал. Не в моей квартире, не в квартире моей семьи — а в нашей, потому что у меня и у моей семьи квартиры не было. Квартира была коммунальная. Теперь уж, наверное, и нет таких. Целый роман можно было бы написать с названием «Квартира номер одиннадцать». Ведь до сих пор бывшие жильцы одиннадцатой квартиры вспоминают её, друг к другу в гости ездят. Хоть и раскидал их райисполком по разным концам Москвы.

Как поднимаешься на второй этаж и открываешь две двери подряд, оказываешься в коридоре. Длинный как улица. Тремя лампочками

освещался коридор, по сто ватт каждая, и не так уж и светло было. В дальнем конце, у двери на чёрный ход даже и темновато.

А по обеим сторонам коридора — двери в комнаты. Это сколько же дверей было? Подсчитать надо... этот коридор у меня перед глазами так и стоит трёхсотваттный, навечно видно в память врезался. А дверей было четырнадцать! Если, конечно, не считать две двери в два туалета и дверь на кухню. И кухня у меня перед глазами стоит. Ей богу, это какой-то шедевр общего жития! Огромная кухня: два окна, три газовые плиты, две раковины и... сколько же столов было кухонных?... да, одиннадцать столов. Потом, правда, десять осталось.

Как описать вечер на кухне? Когда все пришли с работы и все женщины всех семейств жарят, парят, варят, стирают, гладят бельё и купают детей в корытах и ваннах (железных, а не кафельных), да и сами иногда моются выше пояса или ниже колен – тогда только дверь на кухню закрывается (но не запирается — замка не было) и надо стучать прежде, чем войти. Кухня — это народное вече коммунальной квартиры. Здесь решались все вопросы, все дела квартиры. Здесь кричали, спорили, ругались, дрались, мирились, обсуждали новости...

Вот в такой квартире и снимал дядя Лёня комнату в то время. В другое время он в других местах снимал. Я как-то спросил его, сколько же комнат, квартир и углов он сменил за свою жизнь в Москве. Дядя Лёня стал считать, да на втором десятке сбился. Поначалу мы с дядей Лёней не общались — знакомы не были. Видел я его регулярно: то на кухню с чайником выскочит, то по коридору пробежит, дядя Лёня всегда бегал, и сейчас не ходит, а бегает. Вообще-то у него даже и не бег получается, но и на ходьбу не похоже — так, семенение какое-то торопливое.

Но вот как-то так вышло, что под Новый год и я один дома сидел и он тоже. Правда он не один был — с девушкой. В общем, собрались мы втроём у меня. Девушка его женой оказалась. Первой. Ни до, ни после того вечера я её больше не видел. Обычная девушка, как все. Тихая. Но только, если вы думаете, что дядя Лёня по любви женился, то ошибаетесь. Но и не по расчёту. Дядя Лёня женился из благородства. С этой девушкой он на юге где-то познакомился. Южное знакомство. А она взяла, да и забеременела от этого знакомства. Дядя Лёня тогда совсем глупым был — он решил, что надо жениться, а то непорядочно получится. Ну и женился. А потом, конечно, развёлся, потому что ни любви, ни расчёта... Не сразу развёлся — когда любовь появилась. Но

это уже вторая жена начинается. А где-то в городе Горьком у дяди Лёни его первый ребёнок живёт. И дядя Лёня алименты платит исправно. Я даже не знаю, какого пола v него ребёнок?

После Нового года эта жена (вот интересно – я даже не помню, как её звали) уехала в Горький. И больше не приезжала. Только дядя Лёня туда ездил, развод оформлял и всё такое...

До сих пор не пойму, чего дяде Лёне жениться вздумалось? С одной стороны, вроде благородно. А если подумать — дурость одна. Ни ему не хорошо, ни жене его, ни ребёнку. Конечно, дядя Леня хотел как лучше. Он, так сказать, себя в жертву принёс, свои и интересы, чувства там разные... Дядя Лёня вообще человек альтруистический. Помоему, он и сейчас такой. Но как-то так всегда подучается, что альтруизм его в глупость превращается. Можно даже сказать, эгоизмом оборачивается. Ведь развелся же он с первой женой, когда во вторую влюбился! Это всё потому, что дядя Лёня альтруист из чувства долга, а не по природе своей.

Интересно всё же, что о нём его первая жена сейчас думает? Она его и не знает, наверное, как следует – времени было мало, чтобы узнать. Так она для меня и останется эпизодическим лицом. А может быть, и для дяди Лёни тоже.

4. Моя жена (первая и пока последняя)

После Нового года мы с дядей Лёней сошлись близко на почве общего времяпрепровождения. Оба мы были студентами, оба холостяки. Дядя Лёня, несмотря на жену в Горьком, себя считал холостяком. Его. благородство окончилось на женитьбе. Да, впрочем, дальше и не благородство нужно, а другое совсем.

В ту зиму мы вели разгульный образ жизни. Комната дяди Лёни служила местом постоянных вечеринок, выпивок и т.п. Качался табачный дым в воздухе (благо в одиннадцатой квартире потолки высокие — больше 4 метров!), гремел старенький, но бойкий магнитофон. Девушки разные приходили и уходили. И даже соседские женщины, кто помоложе, заглядывали. Покурить, выпить, поболтать, музыку послушать... Ничего особенного мы себе не позволяли. Во-первых, мы были скромны, образованны и интеллигентны. А во-вторых, денег не было. Конечно, тот период нуждается в особом описании, но это потом.

Обычно супруги отмечают день свадьбы. Мы с женой тоже отмечаем – почему не отметить, коли есть повод. Но более близка нам другая дата – день нашего знакомства. Этот день очень легко запомнить – 28 февраля, День Советской Армии.

В этот день в комнате у дяди Лёни собиралась гулять их студенческая группа. Дядя Лёня учился в Институте Стали и Сплавов.

3 сентября 1981 года

7. Коктейль из любимых писателей

1. Коктейль из любимых писателей

Эту книгу я начинал писать десять раз. Делается это так. Сначала аккуратно раскладываешь в голове необходимые принадлежности: сюжет, героев, время действия, место действия и всё такое прочее. Потом берёшь бумагу, ручку и начинаешь писать. Но самое главное — надо иметь концепцию. Мне очень нравится это слово: кон-цеп-ци-я. Есть в нём что-то возвышенное, элитарное и интеллектуальное. И ещё оно похоже на пенсне. Это такие стекляшки, которые надевают на нос, чтобы видеть лучше.

В этой самой концепции всё и дело. Каждый раз у меня была своя концепция — блестящая, как пенсне. Но очень скоро она мне надоедала, и я выдумывал новую концепцию. В конце концов я бросил это занятие и решил писать по-простому: то, что вижу, без всяких стекляшек.

Я слышал, что писатели не любят, когда суют нос в их творческую кухню. Я их хорошо понимаю. Писатель должен быть как шеф-повар. Когда он стоит величественный, толстый, весь в белом и с розовым лицом и смотрит, эдак сверху смотрит как вы... Да! Вы не верите своим глазам, потом не верите своему языку, О, как чудесно! О, изумительно! О, как вкусно! О-о-о! Как это сделано? Из чего? Ради бога, скажите — из чего? Шеф-повар молчит, загадочно усмехаясь.

А ещё писатель похож на фокусника. Смотрите — шляпа пуста! Раз-дватри! Пассы, пассы... Смотрите — всё на виду, и вдруг из шляпы вылетает белый голубь и разноцветные ленты бесконечно-бесконечно летят и летят... Чудесно! Как это делается? Как? Ни один уважающий себя фокусник не станет раскрывать своих секретов. Иначе не будет искусства — останется одно шарлатанство, надувательство, обман публики.

В детстве я любил фокусы. Очень любил показывать свои фокусы всем желающим. Но, увы, я не мог сохранить секреты. Мне просто не терпелось рассказать, показать — как это делается. Вот тут такая штучка, а тут — такой небольшой обман. Видите? Видите, как ловко? Конечно, я не стал фокусником.

И ещё я не стал шеф-поваром. У меня совсем: нет величественности. И я перчу всё подряд, я сую все специи, какие есть в кухонном шкафу. Но больше всего — перца. У меня совсем нет чувства меры, И в эту книгу я тоже сую всё подряд.

Раскрывать свои секреты вообще неэстетично. Один человек побывал в Китае и ел очень вкусное блюдо. Он долго упрашивал повара раскрыть секрет, а повар долго сопротивлялся. Но этот человек оказался не в меру любознательным. Повар сдался, и человек облевал весь стол. Блюдо оказалось из красных червей.

А я вот не испытываю отвращения даже к обычным дождевым червям. Как-то я специально после дождя смотрел на дождевых червей, как они ползают. Очень элегантные движения. Не понимаю – что в них противного?

Я очень хорошо понимаю писателей, шеф-поваров и фокусников. Но сам не могу удержаться. Моя жена утверждает, что у меня несносный характер. Всё, что придёт на ум, я тут же выбалтываю. Едва вынимаю страницу из пишущей машинки, как сразу несу её жене — почитай! Конечно, надо копить в себе, копить, накапливать, оберегать, лелеять, холить... Когда выливается всё сразу, это так великолепно — целый водопад, бурный поток, ливень, гроза! А я как дырявая кастрюля — из меня всё время течёт по-мелочи.

В кусочке №19 Кэнко-хоси пишет: «... не высказывать того, что думаешь, — это всё равно, что ходить со вспученным животом». Мне сразу стало легче — этот японец оправдал меня.

Теперь я, как мой любимый писатель Воннегут, мог бы назвать себя старым пердуном. Но, во-первых, я совсем не старый. А во-вторых, это сказал Воннегут и опередил меня.

Мой любимый писатель Воннегут оказал на эту книгу большое влияние. Ещё на эту книгу оказали большое влияние мои любимые писатели Стругацкие, и мой любимый писатель Лем, и мой любимый (с недавних пор) писатель Кэнко-хоси. У меня есть ещё много любимых писателей, и все они оказали на эту книгу большое влияние. Сначала я с этим влиянием пытался бороться, потому что хотел найти самого себя. По потом я подумал, что будет лучше, если я просто напишу книгу, чем буду бороться с влиянием и искать самого себя. Поэтому я совершенно честно признаюсь: на меня повлиял мой любимый писатель Воннегут, и мой любимый писатель Лем, и т.д. Тут, в этой книге, — целый коктейль из моих любимых писателей. Я всем им очень благодарен.

2. Дядя Лёня – суперстар

Сейчас я введу в действие первого героя этой книги – дядю Лёню. Так его называет мой сын, потому что дяде Лёне 34 года, а моему сыну – только 8. Теперь и я тоже называю дядю Лёню дядей Лёней.

Вот он бежит по улице — я вижу его из своего окна. Дядя Лёня ходить не умеет — он всегда бегает. Вообще-то он не бежит, но и на ходьбу это тоже не похоже. Так, семенение какое-то торопливое. Дядя Лёня на улице всегда торопится. Перебирает ногами быстро-быстро и смотрит в землю. В руках у дяди Лёни портфель, а в портфеле — диски. Дядя Лёня у нас специалист по дискам (ударение на втором слоге). Зарабатывает себе на квартиру. К магазину «Мелодия» дядя Лёня ходит как на работу.

Вот втемяшилось же ему в Москве жить. Только в Москве, говорит, жить можно. В других местах загнёшься от скуки. Тоска на дядю Лёню находит в других местах, не приживается он там. Теперь из своего родного Калараша сбежал. Чего ему там не сиделось? В вычислительном центре работал, как хотел. С родителями ему, конечно, жить не хотелось. Вечно он с матерью ругается. Сколько ругаться можно? Ведь четвёртый десяток пошёл. В общем, как решили его повысить по службе (начальника машины предложили), так он и сбежал оттуда.

А что ему тут в Москве — ни семьи, ни работы, ни квартиры. Ничего нет. Одни друзья, и мы с женой в том числе. Вот он у нас и живёт, пока на квартиру не заработает. Женился фиктивно, прописка у него теперь

есть. Эх, наколет его эта жена! С нами не советовался, знал, что отговаривать будем. Впрочем, отговаривать легко, а что другое можно предложить? Не вообще, конечно, а для дяди Лёни именно.

И который же раз он женился? Подсчитать надо... Четвёртый получается, или пятый — как считать. На второй жене он дважды женился. Тоже не могли жить спокойно, всё из Московской области в Москву перебраться хотели. Интересно, если после фиктивного развода снова женишься на той же жене, какая свадьба будет — фиктивная или настоящая? Да, неудачная у дяди Лёни семейная жизнь получилась, а всё с самой первой жены началось.

Я тогда на Бакунинской жил, а дядя Лёня в нашей квартире комнату снимал. Не в моей квартире, а в нашей, потому что у меня квартиры не было. Квартира была коммунальная. Теперь уж, наверное, и нет таких. Целый роман можно написать под названием «Квартира номер одиннадцать». Ведь до сих пор бывшие жильцы одиннадцатой квартиры вспоминают её, друг к другу в гости ездят. Хоть и раскидал их райисполком по разным концам Москвы.

Как поднимаешься на второй этаж и открываешь две двери подряд, оказываешься в коридоре. Длинный как улица. Тремя лампочками освещался коридор, по сто ватт каждая, и не так уж и светло было. В дальнем конце, у двери на черный ход даже и темновато. А по обеим сторонам коридора — двери в комнаты. Это сколько же дверей было? Подсчитываю... этот коридор у меня перед глазами так и стоит, трёхсотваттный, навечно, видно, в память врезался. А дверей было четырнадцать! Если, конечно, не считать две двери в два туалета и дверь на кухню. И кухня у меня перед глазами стоит. Ей богу, это какой-то шедевр общего жития! Огромная кухня: два окна, три газовые плиты, две раковины и... сколько же столов кухонных было?... да, одиннадцать столов. Потом, правда, десять осталось.

Как описать вечер на кухне? Когда все пришли с работы, и все женщины всех семейств жарят, парят, варят, стирают, гладят бельё и купают детей в корытах и ваннах (железных, а не кафельных). Да и сами иногда моются выше пояса и ниже колен – тогда только дверь на кухню закрывается (но не запирается – замка не было) и надо стучать, прежде чем войти. Кухня — это народное вече коммунальной квартиры. Здесь решались все вопросы, все дела квартиры. Здесь кричали, ругались, спорили, дрались, мирились, обсуждали новости...

Вот в такой квартире и снимал дядя Лёня комнату в то время. В другое время он в других местах снимал. Я как-то спросил его, сколько же комнат, квартир и углов он сменил за свою жизнь в Москве. Дядя Лёня стал считать, да на втором десятке сбился. Поначалу мы с дядей Лёней не общались — знакомы не были. Видел я его регулярно: то на кухню с чайником выскочит, то по коридору пробежит. Дядя Лёня и тогда всё бегал. Так получилось, что под новый год я остался дома один. А дядя Лёня был не один — с девушкой. Собрались мы втроём у меня. Девушка его женой оказалась, первой. Ни до, ни после того вечера я её больше не видел. Обычная девушка, как все. Тихая. Но только, если вы думаете, что дядя Лёня по любви женился, то ошибаетесь. Но и не по расчёту.

Дядя Лёня женился из благородства.

С этой девушкой он где-то на юге познакомился. Южное знакомство. А она возьми да и забеременей от этого знакомства. Так уж вышло.

Дядя Лёня решил, что надо жениться, а то непорядочно получится. Ну и женился. А потом, конечно, развёлся, потому что ни любви, ни расчёта... Не сразу развёлся — когда любовь появилась. Но это уже вторая жена начинается. А где-то в городе Горьком у дяди Лёни его первый ребёнок живёт. И дядя Лёня алименты платит исправно. Я даже не знаю, какого пола у него ребёнок.

После нового года эта жена (как же звали-то её? — не помню) уехала в Горький. И больше не приезжала. Только дядя Лёня туда ездил, развод оформлял и всё такое...

До сих пор не пойму, чего дяде Лёне жениться вздумалось? С одной стороны, вроде благородно. А если подумать — дурость одна. Конечно, дядя Лёня хотел как лучше. Он, так сказать, себя в жертву принёс, свои интересы, чувства там разные. Дядя Лёня вообще человек альтруистический. По-моему он и сейчас такой. Но как-то так всегда получается, что альтруизм у него в глупость превращается. Можно даже сказать, эгоизмом оборачивается. Ведь развёлся же он с первой женой, когда во вторую влюбился. Благородство дяди Лёни закончилось на женитьбе. Да, впрочем, дальше и не благородство нужно, а другое совсем. Это всё потому, что дядя Лёня альтруист из чувства долга. От этого у него всякие неприятности случаются.

Первая жена дяди Лёни так для меня и осталась эпизодическим лицом. А может быть, и для дяди Лёни тоже.

Про дядю Лёню я придумал стишок. Вернее, я его составил из разных кусочков, которые придумали другие люди. А стишок вот какой:

Дядя Лёня — суперстар, На себя принял удар. А потом и говорит: У меня живот болит.

Здесь я, конечно, имел ввиду удар судьбы, а «живот» по старорусски значит «жизнь».

5 сентября 1981 года

8. НЕ ГОНИТЕ ЧУЖУЮ КОШКУ

О смысле жизни задумываются все люди.

Одни хотят найти причину своих неудач и своих несвершений или, лучше сказать, они хотят оправдать свою жизнь и в мыслях стремятся возвыситься над житейскими неурядицами. Другие, лишь достигнув успеха и материального благополучия, приступают к планомерным размышлениям, как бы возводят здание на уже готовом фундаменте. Лично я отношусь во второй категории, потому что совсем не могу думать, сидя на шатающейся табуретке посреди неприбранной и голой квартиры. И ещё не могу думать, когда хочется есть, - тогда я думаю только, как бы чего поесть. И вот я несколько лет тратил на материальное обеспечение: работал, продвигался по службе и получал зарплату и премии. Не думайте, что я меркантильный человек или карьерист. Напротив, я работал с увлечением, и работа у меня хорошая, и была она эти годы главным смыслом моей жизни, и все свои материальные блага я получал как побочный продукт своего труда. Но только я всегда помнил, что не будь этой необходимости - зарабатывать деньги, я бы занимался наверное совсем другими делами. Я бы размышлял о смысле жизни.

В таком деле, как построение фундамента, самое главное - вовремя остановиться. Иначе всю жизнь будешь строить один фундамент, а кому он нужен - фундамент без здания? Когда мы с женой купили "стенку" для книг и барахла, стереопроигрыватель для музыки и два великолепных кресла, я сказал: хватит, всё остальное мелочи быта. Пора думать о смысле жизни. Моя жена со мной согласилась. В таких вещах она всегда со мной соглашается, а может быть это я с ней соглашаюсь.

Курт Воннегут в своей замечательной книжке "Колыбель для кошки" рассказывает о доморощенном философе Бокононе, который изобрёл удивительную религию. Вот что в этой книжке написано: "Мы, боконисты, веруем в то, что человечество разбито на группы, которые выполняют божью волю, не ведая, что творят. Боконон называет такую группу карасс ." И ещё: "Если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью чужого человека без особых на то причин, пишет Боконон, - этот человек скорее всего член вашего карасса." Дюпрасс означает карасс из двух человек. "Кстати, Боконон говорит, что люди одного дюпрасса всегда умирают через неделю друг после друга." И ещё: "Боконон учит нас, что дюпрасс помогает влюблённой

паре в уединённости их неослабевающей любви развить в себе внутреннее прозрение, подчас странное, но верное. И ещё, говорит нам Боконон, дюпрасс рождает в людях лёгкую самонадеянность."

Когда я своей жене говорю, что у нас с ней настоящий дюпрасс, она всегда иронически восклицает: "Ну, конечно!" Этим она хочет сказать, что никакой любви у нас уже нет, а есть только привычка. То есть нам просто удобно жить друг с другом. Ещё она любит рассуждать, что неплохо бы нам развестись и жить отдельно - на время, конечно, потому что за десять лет мы уже надоели друг другу и слишком прониклись друг другом, а на расстоянии мол люди лучше друг к другу относятся. Так говорит моя жена, проявляя самонадеянность" в полном соответствии с теорией Боконона. Очень может быть, что муж и жена изредка должны жить отдельно, но при нашей жилищной проблеме как это осуществить? И ещё моя жена говорит, что нам следовало бы спать на разных кроватях, но где мы поставим вторую кровать? При такой тесной жизни, говорит моя жена, я её подавляю самим собой. Тут, я думаю, она притворяется, потому что она совсем не выглядит подавленной. Подавленные выглядят совсем по-другому и они так не говорят, как говорит моя жена. Что касается меня, то я так привык к нашей "тесной" жизни, что когда случается, например, в командировке, освободиться от этой "тесноты", я испытываю постоянное чувство неудобства и меня тянет домой. Кроме того, я тощий и спать одному мне холодно.

Вы может быть думаете, что мы никогда не ругаемся? Но это совсем не так: мы довольно часто раздражаемся друг на друга. Правда, мы никогда не таим свои обиды, потому что тут же кричим друг на друга и всё выбалтываем. В одном журнале я прочитал, что Менделеев очень любил кричать на всех и был совершенно несдержан. Он говорил: "Ругайся себе направо-налево и будешь здоров."

Раньше, особенно в начале нашего знакомства, мы ругались гораздо меньше, что наверное объяснялось здоровьем молодости. Но я помню, что и тогда я был чрезмерно прилипчив к своей жене - будущей, конечно. Один наш знакомый до сих пор помнит, как мы провели у него ночь, сидя в кресле. Вечерника затянулась заполночь и мы вместе с другими гостями остались ночевать. Не то, чтобы спать было негде, но скорее по причине того, что наш с женой роман только ещё начинался, мы прободрствовали всю ночь. Собственно, в кресле сидела она, а я примостился на подлокотнике и прилип к нему накрепко. Сначала мы, конечно, о чём-то беседовали, но потом уже

сидели просто так. Лишь под утро мы встали с этого кресла и отправились на кухню варить кофе. Да, теперь я пожалуй не способен на такой подвиг: я теперь твёрдо знаю, что ночью надо спать.

Если начать вспоминать эти десять лет нашей жизни, то прежде всего приходят на память картины самых первых месяцев. Эти картины очень яркие и освещены всегда каким-нибудь романтическим светом. То это свет лунный, когда поздним вечером мы стоим у подъезда её дома, и в этом лунном свете мерцает свет и отчётливо видны снежинки, опускающиеся на кружева её белого вязаного платка. Тут всё чёрно-белое: белая луна и чёрное небо, белый снег и чёрный подъезд, белый платок и её чёрные глаза и чёрные волосы. То это утренний солнечный свет - в лесу, на даче после нашей первой ночи. Тут уже всё цветное: небо, листья, трава и мох, и одежда цветная и губы имеют цвет и глаза светлые, не чёрные. Вообще распределение светотени и красок в этих картинах явно говорит о романтическом направлении. Но если вспоминать и дальше, то с той же лёгкостью всплывают картины и более поздние, картины уже семейной жизни и даже картины совсем недавние. В этих картинах уже меньше романтики, тут где-то даже и реализм изредка появляется. Тут уже не просто игра света, игра красок, тут не только настроение - тут уже мысль возникает. Это уже не просто результат вдохновения, здесь видна рука опытного мастера, здесь уже зрелость, здесь результат раздумий, крупицы непростой правды. Но знаете, бывает такой тяжёлый реализм, который прямо подавляет своей суровой правдой жизни - так и стоишь подавленный, пока не очухаешься, а как очухаешься, да поразмыслишь немного, то одно только и можешь сказать: Да, это, конечно, сильно сказано, но только это из какой-то другой жизни, у меня вроде бы всё попроще. От такого реализма, я думаю, нашу жизнь спасала ирония. Знаете, иногда хороший анекдот лучше десяти томов суровой правды.

Моя жена обожает американские джинсы. Честное слово, она радуется как ребёнок, когда у неё появляются эти штуки с яркими наклейками. В свои тридцать с лишним лет она сохранила фигуру совершеннейшего подростка. Конечно, джинсы ей идут как никому. Одно время, когда "рай в шалаше" уже закончился, а крупных денег у нас ещё не было, моя жена даже плакала из-за этих джинсов. Конечно, плакала она не только из-за джинсов, она говорила, что вообще жизнь такая неудавшаяся и всё нехорошо, и вот ей уже тридцать лет, а что у неё есть? что она получила в этой жизни? и так далее. Так всегда говорит рано или поздно любая женщина. Я её то

утешал, то ругал мещанкой, то просил потерпеть ещё немного, то призывал быть выше этого, и так далее. Так всегда говорят мужчины, когда у их жён случаются истерики. Вот говорят, бедность - не порок, но и хорошего в ней ничего нет. Бедность не обидна, когда все бедны; плохо, когда кто-то живёт богато, а ты нет. Но ещё хуже, когда знаешь, что лет этак через десять все эти джинсы перестанут быть проблемой, но как объяснить женщине, что и в сорок лет ей так же будет хотеться красиво одеваться, как и в тридцать лет. Она это сама знает, да что толку - она всё равно будет говорить, что через десять лет ей уже ничего не нужно будет, старухой она будет и так далее.

А десять лет назад у моей жены была зелёная кофта. Эта кофта висела на ней как балахон и уже тогда была старой и кое где драной. Но моя жена обожала эту кофту и я всегда считал, что это её право. Теперь эта кофта лежит у нашей двери половой тряпкой. Вспоминает ли о ней моя жена, когда вытирает ноги, придя с работы? Я иногда вспоминаю. И вот что я вам скажу: не выбрасывайте старые кофты, если их можно ещё хоть немного подержать в доме - хотя бы как половые тряпки.

Наш "рай шалаше" располагался на четвёртом этаже кооперативной однокомнатной квартире. Квартира была кооперативная, но не наша - мы её снимали. За пятьдесят рублей в месяц - по теперешним временам сумма смехотворная. С грустью думаю о нынешних молодых людях, которые не имеют денег на такую квартиру в первые годы своей семейной жизни. Они вынуждены жить с родителями, а это плохо и для них и для родителей. Первые годы надо жить совсем отдельно, потом можете делать, что хотите. Нельзя делить с кем бы то ни было "рай в шалаше". Я тогда только начал работать - известно, сколько получает молодой специалист в первый год работы, а моя жена ещё училась в институте. Не знаю, право, на что мы жили? Денег у нас, кажется, даже на метро не всегда хватало. Однако, жили мы весело и при всём уединении народу в нашей квартире толпилось подчас довольно много. Тогда я ещё не втянулся в свою работу, а у жены её и не было вовсе. Самые разные люди проходили через вечеринки в нашей квартире, самые разные идеи волновали наше воображение, в самые разные предприятия пускались мы с большим энтузиазмом. Мы входили в самодеятельную туристическую группу с пышным названием "Особая Туристическая Ассоциация Пешеходов", на стене у нас висел большой чёрно-жёлтый герб Чайного Клуба с китайским иероглифом "чай", пару раз у нас собирались самодеятельные стихотворцы и читали свои опусы - и я читал (кто не грешил этим в

молодости?), а уж разного рода розыгрышей, дискуссий за полночь и всяких "экспериментов" - и не перечесть. Тогда мы искали смысл жизни вполне практически и вполне бессознательно. То было время молодости. Впрочем, один наш старый знакомый утверждает, что дело совсем не в молодости. Он говорит, что тогда вообще были особенные годы и подобная кипучая жизнь была повсеместной. Видимо, это связано с какими-то космическими процессами, с солнечной активностью и разного рода "циклами" планетарного масштаба. Он говорит так потому, что и тогда он уже не был молодым. Ну что ж, можно считать, что нам повезло с расположением небесных светил в наш "золотой век" семейной жизни.

А потом у нас появился ребёнок и мы вернулись к моей матери. Правда, и здесь мы жили вполне отдельно: в отдельной комнате и с отдельным хозяйством. Нам очень легко было жить отдельно в нашей квартире на Бакунинской улице, потому что в этой квартире жили отдельно тринадцать семей. Подобные коммуналки заслуживают, чтобы о них помнили. Только представьте себе. Длинный коридор, освещаемый тремя лампочками по сто ватт каждая. И это совсем не много для такого коридора, когда потолки под пять метров и по обеим сторонам четырнадцать дверей, не считая двух дверей в два туалета, двери на "чёрный ход" и двери на кухню. А кухня? Два окна, три газовые плиты, две раковины, двенадцать кухонных столов - этих цифр вполне достаточно, чтобы представить всё остальное: кто жарит, кто варит, кто стирает, кто моется, кто гладит бельё, кто точит лясы, кто показывает обновку, кто ругается - и так далее и всё это одновременно. Эта кухня - вершина общего жития, здесь собиралось вече коммунальной квартиры. Но довольно об этом, наша квартира это тема отдельного рассказа. А может быть даже романа. Тут всё зависит от писателя, а квартира - она всё выдержит.

В этой квартире, между прочим, мы с женой и познакомились. День нашего знакомства мы празднуем 23 февраля всегда втроём. Третий - дядя Лёня, это он нас познакомил. Дядя Лёня в нашей квартире снимал комнату, и вот десять лет назад в этой комнате собралась студенческая группа Московского Института Стали и Сплавов. Праздновался день Красной Армии. Мне как назло надо было бежать в Университет - я делал доклад на семинаре (тогда я заканчивал пятый курс мехмата). Я забежал к дяде Лёне на минуту, перекурить. Группа ещё не собралась, только две девушки сидели в комнате, слушали видавший виды магнитофон и хором курили, а дядя Лёня, как всегда, бегал по комнате, острил и суетился. Я присел на диван,

закурил, и дядя Лёня мигом организовал светскую беседу. Дядя Лёня у нас вообще мастер на такие дела. Кстати, дядей его зовёт наш сын - с некоторых пор и мы стали его так называть, а тогда он был просто Лёней или Калиновичем.

Свою будущую жену я приметил сразу и сейчас ещё помню в деталях даже как она была одета. И ничего-то из той одежды не сохранилось, кроме цветной блузки - валяется где-то на антресолях среди барахла. И сидела моя будущая жена, заложив ногу на ногу, и смотрела на меня нагло и весело. Так умеет смотреть только моя жена, она как бы говорила: "Ну-ка, ну-ка! Кого это ты, Лёня, нам привёл? Сейчас мы проверим, так ли он хорош, как ты нам расхваливал!" Дело в том, что добрый дядя Лёня почему-то считал нужным расхвалить меня этим девицам, а особенно он упирал на мои математические способности видно ему это очень нравилось. На самом-то деле я уже тогда догадался, что мои способности, хотя и не нуль без палочки, но и ничего выдающегося из себя не представляют. Я, как полагается, блеснул остроумием, производя впечатление, и откланялся. Кто-то мужчина долго остаётся сказал, под впечатлением, произведённым на женщину. Ах, как это верно!

Когда я вернулся со своего семинара, гуляние было в самом разгаре. Я с ходу проглотил несколько рюмок вина, чтобы догнать остальных, покричал вместе со всеми, а потом уже не торопясь, с рюмкой в руке и сигаретой в другой руке повёл какой-то разговор совсем не со своей будущей женой, а с другой девицей. Эта девица была дочерью академика, но впрочем, на дочь академика она не была похожа. Я взял у неё телефон, но так ни разу и не позвонил. Вообще не могу понять, почему я целый вечер ею занимался, когда интересовала меня другая - моя будущая жена. Под конец мы решили танцевать, но у дяди Лёни было тесновато и я широким жестом распахнул двери своей комнаты. И вот там я попрыгал со своей будущей женой. А потом пришла моя мать и, не разобравшись, разогнала всю честную кампанию. Вообще у моей матери было такое свойство: ругаться, не разобравшись. В то время мы часто ссорились и довольно крупно. Потом, когда мы с женой поженились, тоже не раз возникали стычки, но мы всё-таки жили отдельно и постепенно всё вошло в свою колею. Я тогда выработал для себя три простых правила и рекомендую их всем начинающим: не спорить с матерью, делать по-своему и всегда становиться на сторону жены. Правда, при этом надо уметь правильно выбрать жену, но тут я никаких правил не знаю - у меня всё получилось само собой. Учтите, что это правила для начинающих - с возрастом приходят другие правила, а точнее, исчезают вообще все правила и остаётся просто жизнь.

За первые полгода знакомства я сумел внушить своей будущей жене, что жениться на ней я не собираюсь. Это, кстати, ещё одно правило: всегда говорите правду, но учитесь подавать её в привлекательном виде. Голая правда совершенно несъедобна. В этом правиле я, пожалуй, даже переусердствовал и до сих пор не умею как следует врать, а как часто это бывает необходимо! В интересах больного, как говорят врачи. Это было последнее правило, которое я изобрёл больше я этим благородным делом не занимался. Через полгода, когда моя будущая жена была в отъезде, я проснулся однажды с ощущением фатальной неизбежности ближайшего будущего. Такое ощущение возникает у человека, когда его крепко стукнут по голове твёрдым тупым предметом, или, по слухам, когда в него целятся из револьвера. Может быть, ясновидящие всегда пребывают с таким ощущением? Впрочем, говорят, они все шарлатаны. Я написал длинное письмо, размножил его на машинке и разослал во все населённые пункты, где в это время могла находиться моя будущая жена - точного её маршрута я не знал. В результате через несколько дней моя будущая жена вернулась в Москву, не получив ни одного письма, и я тут же вручил ей последнюю остававшуюся у меня копию. Через час мы встретились и побежали в загс.

Итак, мы вернулись на Бакунинскую улицу. У нас рос сын. Тут я должен напомнить, что "настоящий дюпрасс, - учит нас Боконон, никто не может нарушить, даже дети, родившиеся от такого союза." Наверное для детей это не очень удобно. Как часто ребёнок хочет "поговорить" с папой, а папа отмахивается от него, потому что обсуждает с мамой смысл жизни. Хотя с другой стороны дюпрасс надёжно предохраняет детей от излишнего вмешательства взрослых в их личную жизнь. А это очень важно - Платон был прав, когда говорил, что все наши открытия и озарения - всего лишь воспоминания. Наверное, мы всю жизнь вспоминаем то, что открыли в детстве. Одно время наш сын увлекался придумыванием сказок. Узнали мы об этом не сразу, а когда узнали, у него уже был готов целый цикл. Главным героем этих сказок был робот с холодильником в грудной клетке, причём этот холодильник, мне кажется, одновременно служил энергетической установкой и химическим синтезатором. Оттуда же появлялись на свет и малыши-роботы. Когда-нибудь сын вспомнит эти сказки. Однажды ночью, во время болезни, наш сын здорово напугал нас. Он боялся. Глаза у него были широко открыты, он то прижимался к нам, то вскакивал и всё смотрел в одну сторону, где ничего не было. Конечно, это было от высокой температуры, но всё же взрослый человек не способен испытывать такой чистый и абстрактный ужас, страх небытия. У взрослого всё это серенько: серая тоска, серая скука и так далее. И если иногда всё же поднимается откуда-то изнутри чтото большое, страшное, то это тоже - воспоминание.

В то время я уже много работал. Моя профессия - программист. Часто я засиживался над своими программами по вечерам, субботам и воскресеньям, а на упрёки жены стал отвечать: это моя профессия, это моё дело - и я его делаю. Смешно, конечно, - это всё равно, что сказать: Бог создал человека для того, чтобы он писал программы для ЭВМ. Проще было создать сами эти программы. Даже о рождении сына я узнал на работе. Между прочим, это было воскресенье - мы очередной раз что-то готовили к очередной сдаче. Едва я зашёл в машинный зал, как все стали меня поздравлять: "С тебя бутылка!" Оказалось, позвонила ком сестра. Мы С руководителем сбегали в буфет и купили шампанского. До конца работы, то есть до позднего вечера, бутылки охлаждались в МОЗУ (магнитное оперативное запоминающее устройство) - там всегда холодно.

Я защитил диссертацию. Ещё через год прошли государственные испытания нашей системы - итог десятилетней работы. Ещё через год я вспомнил о смысле жизни. Я спросил жену: тебе очень нужно, чтобы я защитил докторскую?

А моя жена работает на машиностроительном заводе. Она мне всегда говорит: ты в институте работаешь в своё удовольствие, когда хочешь, и общаешься с приятными людьми, и думаешь, что везде так. Тебе бы хоть раз на заводе поработать. И правда, я как-то привык работать только тогда, когда хочется. Это очень практично: если писать программы через силу, наделаешь кучу ошибок. Как то раз я две недели бросал курить и при этом писал программы. Даже через полгода я находил всё новые и новые ошибки в этих программах. Примерно половину времени я работаю дома, на кухне. И тихо, и чай под рукой. А кроме ручки и бумаги ничего не надо. Из-за такого свободного режима я никак не могу научиться просыпаться в одно и то же время. А если едешь работать на машину, то это уж обязательно до вечера.

У моей жены на заводе вечные ссоры с начальством, горит план, подчинённые бездельничают, начальники цехов то кричат, почему их детали задерживаются, то втихую подсовывают брак, и так далее... Моя жена работает мастером ОТК. "Мои девицы", говорит она, меня уважают и слушаются, как ни странно. И всё это ежедневно, "от и до". Моя жена просыпается в шесть утра и вечно не высыпается. Мы с ней всегда говорим, то по очереди, то хором: пора уходить с этого завода. И вот уже восемь лет она всё уходит и никак уйти не может. А эти её "чёрные субботы" меня ужасно злят, потому что случаются в самое неподходящее время. И так далее.

Так наша жизнь двигалась по своему маршруту, маневрируя и ориентируясь на местности. Но у каждого движения есть своё начало и есть свой конец. Наступает время, когда двигаешься уже только по инерции, а поскольку мы живём не в вакууме, то рано или поздно происходит остановка. Любая остановка это только пересадка. Если, конечно, не вспоминать о самой последней остановке. Поезд ушёл, стоишь и изучаешь расписание - когда пойдёт другой поезд в нужном тебе направлении. В подобном движении для дюпрасса самое главное - синхронность. Иначе всю жизнь вы будете поджидать друг друга на полустанках, а то и вовсе разойдётесь в разные стороны.

Итак мы купили "стенку" для книг и барахла, стереопроигрыватель для музыки и два великолепных кресла. Мы сели в кресла и стали размышлять о смысле жизни. Поначалу выяснилось, что мы ужасно необразованные люди и забыли даже то, что когда-то в юности с увлечением изучали и о чём много думали. Раньше это было незаметно, потому что в моей, например, профессии программиста совсем не требуется знание истории человечества, а в металлургии никак не используется философия Канта или Гегеля. Тут всё дело в том, что мы работали на совесть, даже и в свободное время я размышлял над своими программами, а жена переживала перипетии технологического процесса своего завода. Мы сказали: хватит. Вечера, субботы и воскресенья - наши. Минимум - на еду и стирку, на уборку квартиры. Остальное - на смысл жизни. Мы стали много читать. Мы обменивались впечатлениями, как во времена "рая в кооперативном (хотя и не нашем) шалаше". У нас даже стали появляться мысли. Изменился круг знакомых: некоторым старым друзьям не нравились наши новые "заумные" разговоры, которые мы заводили часто совсем не к месту, когда надо было выпить и веселиться.

Наконец, мы стали размышлять и о смерти. Этот предел нашим мыслям, нашим страстям, нашим проблемам и нашей жизни, этот неопределённый предел, маячивший где-то впереди, чрезвычайно смущал нас. Смерть не входила в наши планы, выпадала из наших расчётов. Мы чувствовали, что у нас просто не хватит времени на завершение нашего предприятия. А главное, мы стали подозревать, что поиск смысла жизни есть процесс бесконечный, и между этим поиском и самой жизнью имеет место диалектическое тождество. В таком случае смерть была совсем не нужна. Ужас грядущего небытия отравлял нам всю жизнь и обесценивал все наши замыслы. Конечно, это был не тот яркий ужас, который испытал наш сын во время болезни, да и я как-то раз испытал в детстве, нет, это была именно серая тоска, логический тупик в наших размышлениях и исканиях. К сожалению, мы были прирождёнными материалистами и смерть воспринимали в её окончательной и не подлежащей обжалованию форме.

Поневоле нам пришлось обратиться к религии и бессмертной душе. Будучи философски вполне подкованными в наших вузах (да и сами мы собирали философские книги и периодически увлекались философией), мы, конечно, старались найти не столько философский, сколько психологический ответ. Мы думали, нет ли тут какой-нибудь зацепки, какой-нибудь лазейки, пусть совсем крохотной, всё что угодно - лишь бы была надежда протиснуться, просочиться за этот бессмысленный предел. Как пел Высоцкий, "удобную религию придумали индусы." Действительно, переселение душ - это даже и не лазейка, а целый пролом в стене. Но вот есть ли оно? Смущало то обстоятельство, что мы ничего решительно не помнили о своих прошлых перевоплощениях. Вы, конечно, скажете, что всё это чушь собачья, никакой души нет и, следовательно, переселяться она не может. Но я ведь и не возражаю, можете назвать это биополем, или наследственной памятью, или каким-нибудь другим, ещё менее на душу похожим словом.

Буддисты говорят, что смерть это не окончательная точка в конце жизни, но лишь запятая. Настоящая точка - это нирвана, когда все дхармы (мельчайшие духовные частицы, из которых состоит наше сознание) перестанут вибрировать и дёргаться и наконец успокоятся. Получается очень удачно: пока я не успокоился, пока я полон всяких планов, надежд, мыслей и страстей, я не умираю окончательно, только может быть на время. А вот когда я всё перепробую, всё передумаю, когда мне надоест всё на свете и я успокоюсь, отрешусь

от радостей и горестей и от самих чувств и мыслей, вот тогда и поставится сама собой последняя точка. Собственно, её, эту точку, и ставить не надо -человек сам по себе медленно и постепенно впадает в нирвану, без всяких трагедий и депрессий, просто от приятной усталости и умиротворённости. Как засыпает. Ведь когда человек хочет спать, сон кажется ему благодеянием, человек засыпает с приятностью и спокойствием. Наоборот, от отсутствия сна - от бессонницы - человек мучается и страдает. Естественно, ведь ему хочется спать. Буддизм предписывает стремиться к нирване, сознательно отрешаться от жизни. Но это уже перебор! Зачем искусственно вызывать сон, когда спать не хочется? Дайте людям по миллиону лет жизни и они сами, без всякого буддизма, совершенно естественно и поголовно будут впадать в нирвану после столь долгой и полной жизни. Да, но мы-то живём гораздо меньше. Получается, что человек просто умирает раньше времени. Что же остаётся перевоплощение? Или признать, что всё дело в медицине, которая никак не может удлинить нашу жизнь до надлежащего срока? Получится, что мы просто не вовремя родились, слишком рано, о чём можно лишь пожалеть, искренно, но абстрактно.

Известно, что многие учёные находили решение мучивших их проблем во сне. Например, Менделеев увидел во сне целую периодическую систему элементов. И мы тоже решили свою проблему во сне. Но у нас ничего бы не получилось, если бы это не был совместный сон. Вы знаете, почему распадаются семьи? Да, конечно: психологическая несовместимость, противоречивые житейские привычки, бытовая неустроенность, алкоголизм и так далее. Так вот: всё это ерунда! В лучшем случае - удобные предлоги для самих себя. А всё дело в снах, в совместных снах. Если вам, мужу и жене, хотя бы раз в жизни удалось увидеть один и тот же сон одновременно, считайте себя счастливцами: ваша семейная жизнь будет безоблачна! Стопроцентная гарантия!

В тот вечер мы с женой долго лежали в постели и слушали музыку. У нас в ногах пристроился наш кот Черныш, около кровати стоял наш пёс Пушок и вилял хвостом. Он тоже хотел на кровать и страшно ревновал нас к коту. Кот Черныш потянулся всем своим длинным телом и, изящно переставляя лапы, направился к нам. Наш кот совершенно чёрный, если не считать трёх белых шерстинок на груди, и сейчас, в темноте, он был почти невидим. Только глаза его горели таинственным светом, как лампочки на нашем стереопроигрывателе. Нашего кота следовало бы считать кошкой, потому что по сравнению с

нашим псом это совершеннейшая кошка, существо женского рода. Черныш двигался к нам ласкаться - это он обожает больше всего на свете, даже больше своей рыбы. Он ложится мне на грудь, протягивает лапы к моим волосам и утыкается носом мне в шею. Он ужасно щекочет меня своими длиннющими усами. Я отталкиваю Черныша, и он перебирается к моей жене. Когда Черныш был ещё маленьким котёнком, он будил нас по ночам тем, что забирался нам на головы и искал в волосах соски. Вот он успокоился и закрыл глаза. Наш пёс, не долго думая, вспрыгивает на кровать у нас в ногах. Ему не разрешается это делать, но вид у него такой жалостливый, и глаз изпод густой шерсти глядит так умоляюще, что мы сдаёмся.

Мы лежим с женой рядом и слушаем музыку. Кот Черныш придавливает нас своей тяжестью. В ногах похрюкивает во сне пёс Пушок. Семейная идиллия. Не хватает только нашего сына, но он, конечно, спит отдельно, да и не поместиться ему третьим на нашей кровати. Под музыку мы и засыпаем. Наши головы совсем близко на подушке, и мы ощущаем дыхание друг друга на своих губах. Чувствуем, как сознание заволакивается сонным туманом, как медленно уплывают куда-то мысли и ощущения. Куда они уплывают? Наверное, на миг мы и заснули. Но в следующий миг что-то нас разбудило, какой-то грохот. Потом выяснилось, что это у соседей вернулся домой подвыпивший глава семейства и в темноте налетел на стол и опрокинул его вместе с ужином.

Мы проснулись одновременно, показалось будто какие-то тени мелькнули у наших лиц. А может быть, это был кот Черныш? Мы проснулись и ошалело уставились друг на друга. Сначала я почувствовал лишь какое-то неудобство, знаете как бывает, когда под простынь попадёт карандаш или косточка от сливы. Потом возникло чувство беспокойства, я вдруг ощутил это неудобство не снаружи, а внутри себя. Как будто у меня внутри появилось что-то постороннее, и в то же время не хватало чего-то своего, привычного, которое всегда есть, так что даже и не сразу сообразишь, чего ж это не хватает. Но главное - ощущение какого-то постороннего предмета, причём предмет этот находился как будто у меня в голове, я его ощущал в собственном сознании. И этот предмет шевелился! Вдруг поплыли какие-то странные мысли, странные ощущения. Я сначала не мог понять, что в них такого странного, отчего они меня беспокоят. И вдруг понял: господи! да ведь это же не мои мысли и не мои ощущения... Очень это было тогда неприятное чувство. Одно дело, когда вор забирается к вам в квартиру, хотя и тут можно страху натерпеться, но когда кто-то забрался к вам в голову... Бррр!... Я и сейчас с содроганием вспоминаю тот ужас. Очень мне было страшно. И то же самое испытывала моя жена. Она лежала совсем рядом со мной и всё это время мы смотрели друг на друга. Но это только так говорится "всё время" - на самом деле не прошло и сотой доли секунды с момента нашего пробуждения. И вот я увидел, что и жене моей так же страшно, как и мне, что и она испытывает то же самое. Не знаю, почему я так решил, но только я совсем точно знал, что моя жена испытывает именно то самое, что и я. И тут мне уже стало страшно не только за себя, но и за неё. И так мне стало её жалко, и такая она мне показалась родная, как будто она - это я и есть, а она это тот же я. Я это совсем ясно увидел в её глазах, что она - это я. Так мы и смотрели друг на друга в полном оцепенении и в каком-то шоке. И всё у меня внутри застыло и замерло, и со стороны, наверное, можно было подумать, что мы просто спим, но только почему-то с открытыми глазами. И в глазах наших отражаются малиновые лампочки нашего стереопроигрывателя, и потому они блестят неестественно. Да может быть мы и вправду в тот миг заснули, знаете, наверное можно вот так заснуть от ужаса: это как будто кто вдруг повернул выключатель и выключил нас, чтобы не перегорели.

И вот тогда нам приснился наш совместный сон. Или он раньше начался? Нам приснился одинаковый сон, и я буду рассказывать, что приснилось мне. Посторонний предмет внутри меня шевелился, от него исходили какие-то токи, поля, излучение и волны. В сознании плыли картины и образы, расплывчатые и чёткие, серые и цветные - и все не мои . В огромном пространстве кружились стальные конструкции, они кружились и разваливались в воздухе. Из них сыпались дождём пружинки, колесики и всякие другие штучки, названия которых тоже всплывали в сознании, но были мне незнакомы. Весь пол был усеян деталями, и я шёл, и они хрустели под ногами. И вдруг появились люди, много людей, и они обступили меня, и что-то говорили, и укоризненно качали головами, и показывали куда-то пальцами. Но всё это было бесшумно, они кричали, но лишь рты их раскрывались в крике, а звука не было. И я пошёл туда, куда они показывали мне, и там вдруг вспыхнул солнечный свет, и я оказался в лесу среди цветов. Какое множество было цветов! Но все они почему-то не росли из земли, а стояли в вазах, кувшинах, стаканах, банках. И вдруг небо заволокло тучами, и пошёл дождь. Но нет, это был не дождь, а сплошная мыльная пена, которая всё падала и падала с неба, и в которой я тонул и захлёбывался ею . И вдруг я увидел, что на мне совсем нет штанов.

Потому я и тону, подумал я. И я надел штаны, они плотно облегали меня, и пена сквозь них не проходила. И сразу же я взмыл в воздух, как будто штаны эти были летучие, как будто это они поднимали меня всё выше и выше, к самым облакам, и ещё выше, выше облаков, к небу, синему, яркому небу. И здесь звучала музыка, такая красивая музыка, я никогда не думал, что музыка может быть такой красивой, и мне захотелось спать, и стал засыпать под музыку, под солнечными лучами, паря в небе...

Картины вдруг кончились, я очнулся и замер, прислушиваясь к этому неведомому предмету внутри меня. И мне стало казаться, что это живое существо, что оно тоже замерло и ждёт, ждёт моего движения, ждёт когда я шевельнусь или вздохну. Совсем маленькое, мягкое, пушистое, похожее на кошку. Да, да, очень похожее на кошку, совсем кошка, хотя я её и не видел, а только чувствовал, ощущал у себя внутри. Но я не шевелился и задержал дыхание. И тогда это пушистое существо осторожно шевельнулось и стало медленно двигаться; крадучись оно уходило, выходило из меня, совсем как крадущаяся кошка. Почти уже совсем оно покинуло меня, и я вдруг ощутил сосущую пустоту внутри, с новой силой я почувствовал, что лишился чего-то необходимого, своего, привычного, а теперь и это существо, эта кошка покидает меня, и я остаюсь совсем, совсем пустой. И тут я рывком вскочил и ловко схватил кошку за длинный пушистый хвост. Вообще-то я не люблю хватать кошек за хвост, мне кажется, им это должно быть крайне неприятно. Но тут у меня просто не было другого выхода, не мог же я остаться совершенно пустым! Я думал, она завизжит, начнёт царапаться, кусаться, вырываться из моих рук. Ничуть не бывало: удивительно, но кошка даже не заметила меня, не заметила, что я держу её за хвост. Она поплыла по воздуху и вылетела в открытое окно.

Мы поднимались вверх, вот проплыли мимо последнего этажа нашего дома, вот уже дом наш кажется кирпичиком, поставленным на-попа. И только тут я увидел, что я не один лечу, ухватившись обеими руками за хвост этой странной кошки! Совсем рядом, стоит лишь руку протянуть, возносилась к небу моя жена, прямо в ночной сорочке. И тоже держалась за хвост кошки. Своей кошки. "Привет!"-сказал я, "Привет!" - ответила жена. Мы посмотрели вниз, на мерцающие огни города и нам показалось, что мы услышали жалобный и недоумевающий лай нашего пса Пушка. "Что это за кошки?" - спросил я. К моему удивлению жена ответила, не задумываясь: "Это не кошки. Это наши души. Мы поменялись с тобой

душами, и теперь они улетают в небо." Интересно, что моей жене приснилось, что это она спрашивает, а я так отвечаю.

Мы поднимались в небо, мы достигли облаков, и здесь наши кошки затормозили. Под звёздным небом на склонах холмов-облаков расположились кошки. Несметное множество кошек. Тьма кошек.

Они отчаянно мяукали, жестикулировали и выгибали спины. Мы, видимо, припоздали, потому что, как только наши кошки присоединились к общему собранию, сразу наступила тишина. Откуда-то из глубины облака несколько дюжих котов выволокли кафедру - настоящую университетскую кафедру, я видел такие на Ленинских Горах. На кафедру поставили блюдце с молоком, и все расселись по местам Тогда на кафедру взошёл огромный чёрный кот, очень похожий на нашего Черныша, пригладил седые усы, откашлялся и замяукал. Он мяукал, но странно - мы с женой прекрасно понимали его речь, как будто он говорил человеческим голосом.

Я называю их кошками, но на самом деле это были души людей. Право не знаю, почему они так походили на кошек? Тут у них было что-то вроде профсоюзного собрания. Ораторы сменяли друг друга, регулярно происходило голосование. Я плохо помню, о чём там у них шла речь, и жена моя тоже плохо помнит. Да разве до деталей нам было после того, как мы узнали самое главное, самую суть?! Мы с женой сидели на облаке, крепко держась за хвосты наших кошек. Было сыро и ветрено, а одеты мы были более чем легко. Но дрожали мы, мне кажется, совсем не от холода.

Но по порядку. Оказывается, души совсем не бессмертны, хотя и живут много дольше людей. Кажется, несколько тысяч лет. Каждую ночь, как человек засыпает, его душа покидает тело и улетает домой, на облако. Души живут на облаках. Обитать в теле человека для них работа, служба. На своём собрании они долго обсуждали вопрос о продолжительности рабочего дня, но кажется так ни к чему и не пришли. Одни души жаловались, что это несправедливо - работать по шестнадцать часов в сутки. Душа, которую я держал за хвост, душа моей жены, мяукала, что она часто работает и по семнадцать часов и совсем измучилась. Другие души возражали, что зато человек живёт мало, а души много. Ещё мы узнали, что когда человек умирает, то душа получает очередной оплаченный отпуск, а потом должна переселяться новое тело. Душа заключает контракт В на

определённый срок и не имеет права покинуть человека раньше срока (если, конечно, не считать ночного отдыха на облаках, пока человек спит). Удивительно, но оказалось, что этот срок одинаков для всех людей, и если человек умирает раньше времени, то только по своей собственной небрежности или от несчастного случая.

Мы с женой были единственными людьми на этом собрании душ, но нас никто не замечал. Видимо нам просто повезло: когда мы засыпали, наши души начали потихоньку покидать нас, но тут сосед опрокинул стол и разбудил нас. Души с перепугу бросились обратно и в суматохе перепутали тела.

Собрание затянулось до утра. Мы с женой совсем продрогли и сидели, тесно прижавшись друг к другу и тщетно пытаясь согреть друг друга. Постепенно мы начали засыпать, продолжая крепко держать за хвосты наши души. Сквозь дрёму до нас доносилось мяуканье. Потом оно стихло, и мы почувствовали, что падаем вниз, ветер свистел в ушах, и мы лишь теснее прижимались друг к другу. Вдруг мы упали на что-то мягкое и пружинящее и проснулись. Мы лежали на своей кровати совсем продрогшие, одеяло было скинуто на пол, и в открытое окно тянуло утренним холодом и сыростью. На панели стереопроигрывателя малиновым светом горели лампочки. Мы с удивлением посмотрели на свои руки, крепко сжатые в кулаки и замершие у самых наших ртов. В это время зазвонил будильник, и нам пришлось вставать. Я готовил чай и завтрак, жена принимала душ. У моих ног прохаживался кот Черныш и обмахивал меня своим хвостом. Пёс Пушок сидел у стола и смотрел на меня преданными глазами, склонив голову набок. На кухню вышел наш сын, ещё не совсем проснувшийся и зевающий. Ему пора было собираться в школу. За завтраком, обжигаясь чаем, жена сказала: "Мне сегодня приснился жутко чудной сон. Приду - расскажу." И она побежала на работу.

Вы знаете, я думаю во мне осталась душа моей жены, а в ней - моя душа. Ведь мы же ни разу не выпустили хвостов из рук. И вообще последнее время мы стали лучше понимать друг друга. Иногда и полслова бывает излишне. Правда, жена по-прежнему говорит "Ну, конечно!", когда я рассуждаю о нашем дюпрассе. Но это у неё просто такой характер. Не перестали мы изредка и ругаться, покрикивая друг на друга, но это же почти физиологический процесс: снятие стресса. Зато иногда, когда я сижу дома один, я вдруг ощущаю, как во мне слабо шевелится, устраиваясь поудобнее, маленький пушистый

комочек. И как только приходит это ощущение, я сразу вспоминаю мою жену и, конечно, непременно начал бы звонить ей на работу, если бы у неё был служебный телефон.

Не знаю, догадались ли вы о самом главном во всей этой истории. Нет? Так вот: раз мы поменялись душами, то теперь каждая душа заключила новый контракт. Поняли? Очень выгодная сделка. Теперьто уж у нас должно хватить времени на смысл жизни!

21-22 сентября 1981 года

9. ОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИДЕЙ ПО СОСТОЯНИЮ НА 1 ОКТЯБРЯ 81 ГОДА

Сначала краткий ПЕРЕЧЕНЬ:

- 1. «Будда № 6»
- 2. «В субботу вечером на планете Земля»
- 3. «Мы уходим»
- 4. «Шорох синтезатора»
- 5. «Планета Иоганна Бура»
- 6. «Предатель»

Краткие пояснения.

- 1. «Будда № 6». Роман. История человека, который вдруг обнаружил, что он Будда. Автомобильная катастрофа, он без сознания и ему видение он будда, очередной шестой будда и так и должен себя вести. После выздоровления он это не забывает, и вся его жизнь делится на прошлую и теперешнюю. Как будда он должен что-то проповедовать, какое-то своё учение. Но, кроме того, что он будда, он ничем не отличается от обычного человека. Он только знает, что он будда, но учения у него нет. Он пытается искать. Этот поиск и есть книга. Конечно, ничего не находит. В этом суть нет учения, а есть лишь поиск и поиск безрезультатный.
- 2. «В субботу вечеров на планете Земля». Рассказ или короткая повесть. Собралась компания в субботу вечером, выпили, слушают музыку (можно «Стена» Пинк Флойд). Один размышляет, проходит как бы история этих людей, история их взаимоотношенияй. Суть в том, что люди разные, но вот сейчас они здесь собрались вместе. Рассмотрим их с точки зрения инопланетянина как представителей человечества. В чём суть, в чём соль этого феномена вот такого собрания людей, таких людей.
- <u>3. «Мы уходим».</u> Фантастический рассказ. Цивилизация разумных существ с другой планеты уже давно «дружит» с Землёй. Более того, эта цивилизация как бы сливается с цивилизацией Землян, усваивает земные ценности, культуру, технику, науку. Это не гуманоиды, но чтото биологическое, может быть какие-нибудь двигающиеся «кусты» или что-то в этом роде. Или насекомые. До людей их цивилизация была несколько «отсталой» с человеческой точки зрения. Не

интенсивной. Без науки и техники в человеческом понимании. Теперь они сливаются, и всё вроде бы хорошо. Но вот они уходят. Весь род их покидает Землю и землян и возвращается к себе. Почему? Со многими людьми их связывала дружба и чувства глубокой привязанности. Главный герой тоже дружит с одним из них. Почему они уходят? Потому что человеческая цивилизация слишком агрессивна — в идейном плане. Они просто почувствовали, что теряют своё лицо, самих себя, своею историю, свой образ мышления.

4. «Шорох синтезатора». Рассказ. По намёку Кадрии. В «Стене» Пинк Флойда стена изображается шорохом синтезатора. одиночества, стена отчуждения. Это очень похоже на то, как закладывает уши при насморке. Тоже какие-то шорохи в ушах даже как бы просто в голове. Тоже хочется что-то пробить, разорвать, освободиться. Когда на природе вдруг как бы раздаётся выстрел и пробка в ушах исчезает и начинаешь слышать – удивительное чувство радости. Прорвана стена. Эпиграф – анекдот: «скажите, почему у вас в ушах банан?». Можно еще нечто фантасмагорическое – все люди ходят с бананами в ушах. Эти бананы естественно портятся, их надо вовремя закупать, менять и т.п. То есть это целая область бытовой деятельности, и в то же время над этим выстраивается определённая надстройка (психическая, идеологическая, моральная). Вынуть банан из ушей в общественном месте – стыдно, всё равно, что оголиться. И т.п.

5. «Планета Иоганна Бура». Планета, на которой была когда-то цивилизация. Давно погибла. Ничего материального почти не осталось. Неизвестно, что это была за цивилизация, как она была устроена, какова её история, каковы были существа и т.п. Но есть ксенополе – остаточное поле «разума» этой цивилизации. Люди основывают колонию. На них действует ксенополе. Начинается сознательный эксперимент. Люди меняются ПОД действием не биологически, а психологически, морально, ксенополя – идеологически, оставаясь в то же время вполне людьми (выше, себя не прыгнешь). Всякого рода рецидивы, неадекватная адаптация и т.п. На данном этапе это выливается в организационно-бюрократическую деятельность. Всякие «Верховные Оракулярии» и т.п. Соединение организационной деятельности деятельности строительной, И архитектурной. Инстанция = здание. Можно провести структурно аналогию, хотя бы ОС ПМ-6 (например, модули загрузки и загрузкаразгрузка = склад готовых зданий или унифицированных деталей и постоянно дома строятся, разбираются и опять строятся ит.п., причём

унифицированные детали — не только чисто архитектурные и строительные, но, например, штатное расписание, инструкции, уставы, распорядки, приказы т.п.). Моральные и социальные проблемы такого эксперимента самого по себе, взамоотношения с Землёй и т.п. Это встреча с чуждым. Понять и обогатить себя этой цивилизацией иначе нельзя — это не астероид, который можно просто пустить на переплавку в железо. Можно только самим стать отчасти ими. Могут быть разные сюжетные ходы Например, на другой планете, совсем в другом месте обнаружены следы пребывания этой цивилизации, и люди впервые узнают, какова была эта цивилизация, каковы были эти существа и чем всё это кончилось. Возможно, что сиё открытие не из радостных, и потому колония сразу не оповещается, а приезжают с Земли посмотреть, что ж делать дальше?

6. «Предатель». Рассказ. Исторический. Русь времён т.-м. ига. Монголы осаждают русский город. Присылают послов, их запирают в подвал монастыря и собираются убить. В монастыре живёт художник, который расписывает церкви и как раз заканчивает лучшую свою работу. Шедевр. Что будет, если ворвутся и всё сожгут? Узнаёт, что если послов убить, то обязательно будет полный разгром и т.п. Если же добровольно сдаться, то ещё ничего. Ночью он уходит из города по тайному подземному ходу в лагерь м. и ведет за собой послов. Договаривается, что он проведёт м. в город, но они зато не будут трогать его работу. Что и происходит. Это основная канва, но много вариантов. Может быть у художника есть ученик, который спорит с ним. Может быть, наоборот, сохранить шедевр решает ученик, а художник против. Надо бы ввести ещё и монгольского воина, его мир и его восприятие шедевра.

10. появилась новая мода: ругать этот древний обычай

...появилась новая мода: ругать этот древний обычай. Никто, конечно, не осмеливается делать этого громко, открыто, так сказать официально. Да никому бы это и не позволили. Но вот ползут слухи, появляются препохабнейшие анекдоты, интеллигенты шушукаются по углам. И всё это со смешком, с улыбочкой, вроде как снисхождение проявляют к тем, кто обычаем нашим дорожит и соблюдает его как полагается. Что, мол, говорить с такими — они совсем, совсем отсталые, они даже и понять не могут новых веяний. Да в чём же, скажите, эти новые веяния? В чём же их новизна? Ведь одно только отрицание, только ругаете всё подряд. Отменить, говорите, надо обычай — и дело с концом. Да как же отменить? А что взамен вы предполагаете? И разве это только обычай? Обычай — это только часть всего, нет, тут целая система, конструкция. Это всю нашу жизнь пронизывает, организует. Сверху и донизу. Сверху и донизу.

Я долго молчал. Я не потому молчал, что сомнения какие-то меня одолевали. Это вы напрасно мне приписываете. Замечу в скобках, что это очень нехорошо — приписывать мне что-то. Я ещё сам могу говорить, я сам скажу, что думаю, и я никого не просил за меня высказываться. Это я всем тем говорю, кто последнее время на меня ссылаться начал. И чтобы уж сразу покончить с этим, я открыто объявляю, что все эти ссылка на меня — всё это неправда. Моё мнение я здесь выскажу, сейчас, а всё остальное — то не моё, то мне только приписывается и от того я сразу открещиваюсь.

Молчал я потому, что не мог предугадать, какой большой размах примет это ругательное движение. Я не верил, что всё это так серьёзно. Я думал, что это только отдельные возгласы, которые сами потонут во всеобщем хоре осуждения. Но дело зашло уже слишком далеко, уже и в печати нашей появляются разные намёки и высказываются сомнения. Тут уже нельзя просто молчать, тут надо прямо сказать. И хотя рассуждать о таких вещах, как бананы в ушах, — стыдно и неприлично, но я принуждён к этому, ибо как иначе ответить противникам бананов? Ведь они-то рассуждают и не стесняются! Однако, начну по порядку.

Нам говорят: вы не способны широко мыслить, вы забыли, что когдато у людей не было никаких бананов в ушах. Да, действительно, первобытные люди не имели бананов и ходили с голыми ушами. В

наше время уже никто не сомневается в этом и величайшая заслуга Чена Древа заключается в том, что он дал первое научное объяснение нашей истории. В своём «Происхождении ушных затычек» Чен Древ развеял религиозный миф о божественном происхождении бананов и со всею строгостью доказал, что бананы есть продукт уже довольно высокого уровня развития цивилизации. На ранних этапах нашей истории ушные затычки ещё не были столь совершенны и герметичны, их роль выполняли у разных народов щепочки, камешки, хлебные мякиши к тому подобное и только в новое время вместе с небывалым взлётом научных и технических достижений цивилизации появляются ушные бананы. Всё это бесспорно, но что же отсюда следует? Ведь вся теория Чена Древа как раз и доказывает историческую необходимость, неизбежность появления и развития, совершенствования ушных затычек, вплоть до нынешних бананов. Эволюционная ухология вовсе не отменяет ушные бананы, да и как можно отменить... факт? Ведь это же реальная действительность бананы в ушах современных людей. Чен Древ показал нам, как возникла эта действительность, каково её происхождение, но он вовсе не отменял её! И в своём «Происхождении ушных затычек» и в многочисленных письмах К коллегам (кстати, недавно опубликованных в новом более полном издании в 4-х томах) Чен Древ ясно и недвусмысленно говорит о том, что его интересует именно происхождение ушных затычек. Эволюционная ухология отвечает на вопрос, почему и как возникли ушные затычки, как и почему они эволюционировали до нынешних бананов. Но нигде не ставится вопрос о том, зачем нужны бананы. И уж тем более Чен Древ никогда не высказывал сомнений в их необходимости в наше время.

Ещё говорят, что если десять тысяч лет назад не было никаких ушных затычек, то ещё через десять тысяч лет их тоже не будет и, следовательно, затыкание ушей есть, так сказать, некоторая условность, явление временное и потому необязательное. И это преподносится образец исторического как подхода действительности! Да это всё равно, что сказать: столько-то миллиардов лет назад солнца не было и ещё через столько-то миллиардов лет оно погаснет, и, стало быть, солнечный свет есть, так сказать, некоторая условность, явление временное и потому необязательное. И на этом основании призывать повсеместно отменить солнечный свет и считать день ночью, белое – чёрным. Неужели это всерьёз? Да где же тут историчность? Это не исторический, а анархический подход. Раз ушные затычки явление

историческое, временное, то — долой бананы и будем ходить с голыми ушами! Это называется широтой мышления?

Но всё же, говорят нам, ведь вы же не отрицаете, что, когда-нибудь люди перестанут затыкать уши бананами? А что если это время уже наступает? То, что мы вчера затыкали уши, это мы понимаем и признаём за историческую необходимость, но, может быть, сегодня уже другая историческая необходимость, может быть, сегодня необходимо как раз открыть уши? Здесь мы уже прощаемся с историей к переходим к рассмотрению современности. Здесь встаёт вопрос, зачем нужны ушные затычки? Не вообще, а именно на данном этапе развития общества...

1-2 октября 1981 года

11. СИДЯ НА КУХНЕ

А что Польша? Все равно у них ничего не выйдет. Пошумят и перестанут. Вот войска введём, и всё закруглится. Год, другой пройдёт и никто не вспомнит. Правильно, и вводить не надо – они и так там стоят. А с другого конца гздээровцы, эти всегда с удовольствием. На фиг им надо, чтоб у них в тылу такое творилось? Да вы Чехословакию вспомните. Я тогда всё лето у приёмника просидел. Представляете, не верил, что наши войска введут. У нас в группе ещё один чех учился, приехал в Союз – всё мы с ним разговаривали, расспрашивали, солидаризировались и тому подобное. Потом укатил обратно – ни слуху, ни духу. Мы с приятелем, помню, на Новый Год ему телеграмму поздравительную отправили, даже не ответил, а может быть он ещё дальше уехал. На Запад. И что теперь в Чехословакии? Тишь да гладь, никаких проблем. Ну и что, что профсоюзы? Ну и что, что рабочие? А танкам не всё равно, кого давить, интеллигентов или рабочих? Нет, плохо мы историю учим. А главное, что они предлагают? Плюрализм? Старо, как мир. Ерунда это всё - одна вывеска. Да кто им позволит такое? А что Америка? Америка нам не указ – мы сами великая держава. Нужен нам был Афганистан, ввели «ограниченный контингент» и привет Америке! А как же? Что значит своими делами заниматься? Тут наши интересы. Мы ж великая держава. Это какая-нибудь Швеция занюханная или Швейцария могут позволить себе в неприсоединение поиграться. Что мы, княжество Монако, что ли? Шестая часть мира, слава богу. Империя она и есть империя. Всегда так было. У них свои интересы, а у нас свои. Ну и что, что за мир боремся? Мир само собой, а интересы само собой. И потом, они тоже за мир борются. На словах все за мир борются, даже китайцы. Правда, тут у нас свой особый интерес имеется. Всё ж таки, хоть мы и великая держава, а до Америки нам далековато. Конечно, мы тужимся из последних сил, чтоб в военном отношении не отстать. Заметьте, мы же всё время о паритете говорим. Значит не отстаём тут. А вот твоя вычислительная техника на сколько лет от Америки отстала? На двадцать. И что, сокращается разрыв? Нам эта гонка вооружений тоже боком выходит. Это Хрущёв глупость сморозил, насчёт «догнать и перегнать». Мне один знакомый рассказывал, журналист.В то как раз время он статью написал про это самое «догнать». Цифры привёл, официальные, сколько у них и сколько у нас и темпы какие. И вроде как арифметическая задачка для школьников получилась, ведь ясно же вроде, что раз ускорение у нас больше, то при любой разности скоростей мы их обязательно догоним. И что вы думаете? Статья уже в набор пошла, а тут главный

редактор возьми да и спроси: а ты проверял расчёты? Ну, знакомый мой говорит: проверял, конечко. А сам и не думал даже, чего проверять, ведь ясно же вроде бы и так. На всякий случай позвонил друзьям инженерам. Те подсчитали, говорят: не сходится ответ. Никакого «догоним» не получается. Срочно статью переделывать. Между лрочим, потом одного философа ٧ консультировались, как же так, мол? А он и говорит: идея в принципе правильная? В принципе, да. Вот так и надо писать... Да нет, что значит Россия всегда отсталой была? Вон Япония тоже была отсталой, а сейчас что? В твоей, между прочим, вычислительной технике сами Штаты обгоняет. Тут другое. И потом, почему она была отсталой? Тут же какая-то глубинная причина должна быть. В двенадцатом веке особой отсталости, как будто и не было. Киев был крупнейшим городом Европы, Новгородские купцы со всем миром торговали. Между прочим, Новгород был вольным городом, как теперь говорят. Республика, как Венеция или Флоренция. Такие перспективы открывались. Какое иго? Вот-вот, теперь всё на татаро-монголов валить будем. А между прочим, никакого ига и не было вовсе. А вот так! Кое-что я вычитал, могу рассказать...

И я рассказал, что вычитал. Потом выпили ещё по одной. Потом женщины запросили музыку и танцы. Потом вино кончилось, и все разошлись.

Обычный кухонный разговор. А ведь я действительно этим самым игом интересовался. Всё началось с книжки Гумилёва «В поисках вымышленного царства». А может быть, с того, что у меня жена татарка. Впрочем, она была татаркой и десять лет назад, когда мы познакомились. Но иго меня заинтересовало только теперь. Так вот, в этой книжке Гумилёв чёрным по белому пишет: не было никакого ига. 1223 год – битва на Калке, I263 год – «фактическое освобождение Руси от монгольской власти». Тоже мне иго – сорок лет! А что же было? Был военный союз Руси с Золотой Ордой. Был Александр Невский – побратим Сартака, сына хана Батыя (точнее, Бату). Были две партии на Руси: прозападная и протатарская. Был поэт, автор «Слова о полку Игореве», воспевавший русскую землю с вполне практической целью: склонить новгородского князя к союзу с «западниками» против татар. И снова был Александр Невский, не поэт, а политик, видевший угрозу Руси не с Востока, а с Запада и оказавшийся прав. нарождавшийся русский шовинизм веротерпимость. Ох, много чего было! Да если только половина выводов Гумилёва – правда, то и тогда спрашивается: чему же нас

учили в школе? Неужели за семьсот лет не умерилась ненависть к «поганым»? А может быть, её и не было раньше? Семьсот лет назад? И всё это есть приобретение позднейшее?

В другой книге «Искусство Древней Руси» я читал о расцвете двух основных древнерусских искусствах: иконописи и архитектуры. Потом сравнил даты. Странное дело, расцвет искусства Древней Руси преходится как раз на разгар татаро-монгольского ига! Хотя бы знаменитая Новгородская живопись.

Жгли города, убивали жителей? Интересно, а что делали русские, когда враг не сдавался? Половцы, хозары, Казань. Э, да что перечислять – устанешь. Такое было время. Да и лучше ли ныне? Татаро-монголы сожгли Рязань. Это мы знаем. А то, что рязанцы убили послов монгольских мы знаем? И ведь те не сразу начали приступ, они второе посольство отправили! Скажете, подумаешь, послов убили! Обычное тогда дело. Да, для русских и вообще для Европы – обычное. Для монголов же это было страшное преступление. Другой народ, другие обычаи. А мы всё на свою мерку меряем. В общем, как говорит Гумилёв, «это были неполадки внутри единой системы». Α TO разве дошли бы потом малочисленные отряды до самой Сибири, до самого Дальнего Востока? Но это уже другая истории. История Российской Империи.

Монголы брали дань? Во-первых, далеко не со всех городов и далеко не всё время. И это довольно удивительно, потому что дань монголы брали со всех народов, входивших в их орбиту. Брали они дань и со своего собственного народа — подушно, а это потяжелее, чем с «чужих» — со двора. Это был обычный государственный налог.

Да, был союз, хотя теперь о нём крепко забыли. Что же случилось дальше? Дальше Золотая Орда приняла ислам, дальше был переворот темника Мамая, дальше был разрыв союза. А Русь стала объединяться вокруг Москвы, Москвы, победившей свою соперницу Тверь. Тверь разорили татары? И татары тоже. Потому что Тверь была разгромлена московско-татарскими войсками Ивана Калиты. О междуусобицах русских княжеств тоже можно было бы говорить много. И иго здесь не причём. А ведь тоже жгли города и убивали жителей. Но это опять другая история.

Объединение Руси. Кажется, очень хорошее дело. Но почему не было, например, объединения Западной Европы? Ведь территория там не

больше. Общая национальность? А между прочим, англы – германское племя. Великая Русская Земля! Русское Единство! А что ж междоусобицы? Интриги глупых князей Междуусобицы или войны? И в чём оно, это единство, проявлялось? Экономика? Политика? В одной книжке я прочитал забавное рассуждение о том, что не было единства ни политического, ни экономического и только русские летописцы, тогдашняя, стало быть, интеллигенция,понимали и чувствовали это великое единство и призывали к нему и воспевали его. Вот тебе и бытяе, которое определяет сознание! Эти летописцы, стало быть, предвидели будущее экономическое и политическое единство Руси, предвидели Российскую Империю. Просто ясновидцы да и только! А может быть, все это враки – насчёт единства? Может быть, летописец каждый для своего князя только старался, вот и призывал к объединению, то бишь покорению своему князю? Что он понимал, летописец, под словом Русская Земля? Может быть только Каев? Или только Новгород? Это сейчас нам кажется, что всё, что теперь в границах нашего государства, всегда нашим и было. Волга-матушка – великая русская река! Какая к чёрту русская, когда там булгары жили, а в низовьях – хозары? А потом Золотая Орда была по Волге.

Но всё же, объединение разве плохо? А вот вопрос: почему на Руси не было Возрождения, как на Западе? Цитирую академика Лихачёва: «Чем объяснить, что за Предвозрождением в России не наступило настоящего Возрождения? Ответ следует искать в общем своеобразии исторического развития России: в недостаточности экономического развития в конце XY и XYI вв., в ускоренном развитии единого централизованного государства, поглощавшего культурные силы, в гибели городов-коммун – Новгорода и Пскова, служивших базой предвозрожденческих течений, и, самое главное, в силе и мощи церковной организации, подавившей ереси и антиклерикальные течения...». Ну нет, самое главное как раз «ускоренное развитие единого централизованного государства.» Остальное - следствие. Потому и гибли города-коммуны. А сила и мощь церкви не причина, а средство централизации. Потому и сила, потому и мощь, что централизовано. Объединение Руси затормозило не культурный прогресс, но и экономическое развитие. Ведь падение городов-кокмун есть явление прежде всего экономическое. Нет, недаром в XY веке Новгород «изменил делу русского единства» и «вступил в сговор с Литвой и рассчитывал на поражение Москвы в спасительной для Руси борьбе с ханами»! Причём заметьте: Новгород, всегда оборонявший Русь от Литвы, теперь вступил с ней «в

сговор»! Да полноте, была ли нужна эта «спасительная борьба с ханами»? Разве в ХҮ веке Золотая Орда представляла собой угрозу для Руси? Она сама распадалась. Для борьбы с татарами объединяла Москва Русь? Похоже, это был лишь предлог, красивое знамя, объединяющая идея, пропаганда, говоря по-современному.

И возникает вопрос: А была ли Русь? Быть может, точнее считать, что был Новгород, была Москва, Тверь, Рязань, Чернигов. Киев... Централизация, конечно, решала определённые экономические проблемы. Но решения бывают разные. Можно, интенсифицировать сельское хозяйство, а можно везти хлеб из Казахстана. Последний вариант тоже решение, но такое, в результате которого мы вынуждены ввозить зерно уже из-за границы...

Объединение Руси! Конец татаро-монгольского ига! А может быть, конец экономического и культурного подъёма? Русь крепко спаяна властью царя и духовной властью церкви, так крепко, что почти задушена! А мы всё валим на татаро-монгслов... А что мы про них знаем? Что у них глаза раскосые? Что они отсталые кочевые племена? Гумилёв остроумно заметил, что европейские штаны, в которых мы все теперь щеголяем, есть как раз изобретение «отсталых кочевников». Но это остроумно и только. А всё же, какая была у них культура? Какая вера? Какой образ жизни? Неужто, как написано в одной книжка, вся роскошь ханских ставок — наворованная? Да ведь ничего-то мы не знаем! И, главное, знать не хотим! Выучили нас в школе, что, мол, и знать-то про них нечего. Отсталые кочевники!

Вот какие мысли бродили в моей голове. Впервые история так увлекла меня, втянула в себя и не отпускала. Ах, как много интересного, оказывается, было! А ведь мы привыкли, что вся история шла, как по линеечке: ровненько и аккуратненько прямо в наш XX век. Мы ведь даже не задумываемся, что наша братская Народная Монголия населена потомками тех самых «татаро-монголов». Нет связи? А почему же у нас, русских, есть связь с Древней Русью?

У монголов есть своя летопись тех времён. Называется «Сокровенное сказание». Но где достать эту книгу? В районний библиотеке её, конечно, не оказалось. Надо было идти в Историческую. Когда-то я был в ней записан. Правда, знакомые говорили, что теперь туда простых смертных не пускают. Только специалистов. И в Ленинке общий зал прикрыли. Но все ж я пошёл.

Вышел и метро на площади Ногина, иду не торопясь по Хмельницкого. Солнышко осеннее пригревает, из дворов отдельные листочки на тротуар залетают. Машины туда-сюда снуют, прохожие бегают. Иду, думаю, как же мне записаться в Историческую? Вот вхожу я, сую голову в окошечко и говорю: хочу записаться в вашу библиотеку. Дают мне карточку, заполняю её: место работы указываю, специальность, степень свою учёную. Из окошечка удивляются:

- Вы кандидат технических наук, вам в ГПНТБ надо.
- Я, говорю, историей интересуюсь. Хочу почитать кое-что.
- Но у нас ничего по истории авиации нет. История науки и техники в ГПНТБ.
- Да не нужна мне история науки и техники! Я не для работы, я для себя хочу почитать.
- К сожалению, не можем вас записать. У нас только для специалистов. Вот если вы справку с работы принесёте, что вам нужно почитать то-то и то-то, тогда другое дело.
- Я же был раньше у вас записан.
- Раньше было раньше, теперь у нас новые правила. Ничем не могу помочь.

И окошко захлопнулось. Вот, думаю, безобразие какое! Тоже мне, публичная библиотека называется! Для избранной публики! Стучу в окошко, заведующую спрашиваю. Зачем мне заведующая? По личному делу, чёрт побери! Говорят, комната такая-то. Иду, а меня при входе милиционер не пускает. Где, говорит, ваш читательский билет? Нет у меня читательского, я к заведующей иду за этим самым читательским. Без читательского, говорит, пустить не могу. Что спорить: всё равно не пустит, служба такая. Я опять к окошечку. Не пускают, говорю, меня к заведующей. Правильно, отвечают, без билета не пустят. Так позвоните же заведующей, пусть она разрешит к ней пройти. Или сама выйдет что-ли! Окошко захлопнулось, а я опять пристаю. Пойду, думаю, до упора.

Добился своего: позвонили. Миилиционер меня и проводил к заведующей. Только это не она — оказалось, это мужчина. Владимир Петрович. Сесть пригласил, говорит: слушаю вас. Я представился и объясняю ситуацию.

- Что ж вы хотите? У нас фонды ограниченные, помещений мало. И специалисты-то едва помешаются.
- Да специалистам, может быть, меньше нужно, чем мне. Я, может быть, открытие сделаю: на стыке наук.
- Между авиацией и историей? интеллигентно улыбается Владимир Петрович. А что? Бывает, наверное. Вы принесите справку с работы, что у вас такая тематика.
- Да не такая у меня тематика на работе. Я для себя хочу. Хобби у меня, может быть, история.
- Вы для себя, а людям для работы нужно,
- Опять двадцать пять! Да ведь историю каждый культурный человек должен знать, а не одни специалисты. Вы же заведуете Исторической библиотекой вам лучше знать. Разве история своего народа только для специалистов интерес представляет? Это же не теория какихнибудь шестерёнок, хотя и она, может быть, для какого-нибудь неспециалиста интересна.
- Да я бы с удовольствием, очень интеллигентно улыбается Владимир Петрович. Но ведь у меня инструкция: записывать только специалистов.
- У всякой инструкции должны быть исключения. Да разве можно инструкцией историю запретить? Что вы боитесь? Вы не бойтесь: я не диссидент какой-нибудь. Просто заинтересовали меня некоторые страницы русской истории. Я книжку прочитал Гумилёва

...

И меня понесло. Красиво я говорил, с увлечением. Владимир Петрович слушал внимательно, не улыбался. Карточку мою заполненную в руках вертел: и с одного боку на неё посмотрит, и с другого. Потом говорит: хорошо, запишем вас в библиотеку. В порядке исключения, как вы говорите. И опять не улыбается.

Выиграл я этот бой, аж вспотел. Дали мне читательский билет, милиционер улыбнулся, пропустил. И начал я ходить в Историческую библиотеку. В каталогах рылся, «Сокровенное сказание» быстро прочитал, другие книжки нашёл.

Через несколько дней заехал на работу. Начальник отводит меня в сторонку, говорит: что это тебя несколько дней не было? Дома, говорю, работал. Я и правда дома работал: полдня работаю, полдня в Историчке торчу. У нас работа такая, что её можно дома делать. Начальство у нас понимающее, не препятствует. Какая разница, где человек работает, лишь бы результат был. А у меня пока результаты хорошие были: когда в охотку работаешь и в тишине, одиночестве, когда никто не мешает, очень много можно сделать. Я, когда на работу прихожу, считаю этот день почти потерянным: разговоры, суетня, а дела нет.

- Мне, говорит мой начальник, вообще-то всё равно, где, когда ты работаешь. Если работаешь, конечно. А вот из отдела кадров звонили, спрашивает: что это ваш сотрудник в рабочее время в библиотеке околачивается?
- Откуда они знают?
- Это их дело. А ты поаккуратнее, зачем тебе неприятности? Я сказал, что сам послал тебя почитать кое-что.
- Это ты зря. Я же не в ГПНТБ был, а в Исторической.
- Что это тебя занесло туда?
- Да так... Для себя кое-что читал про татаро-монгольское иго.
- Hy-ну! Для всех иго кончалось, а для тебя нет ещё? начальник посмеялся. Привет жене!

Это он на то намекал, что у меня жена татарка. Начальник у меня хороший и подводить его мне не хотелось. Стал в библиотеку по вечерам ходить, по воскресным дням. Тетрадку общую завёл, выписки делал, собственные размышления записывал. Эх, думал, вот бы такую книгу, как у Гумилёва, написать... Для начала попробовал небольшую работу сочинить. О восточной политике Александра Ненекого. И получилось! Разные заметки на двадцати страницах, но

всё так связано вместе, одно к другому плотно прилегает, аргументация, полемика и всё такое прочее. Самому читать интересно было! Я не скрывал своего нового увлечения, хотя особенно и не распространялся после того разговора с начальством. Знакомые просили почитать мои заметки, я давал. Потом обсуждали вместе, занято было. Всё лучше, чем пустые кухонные разговоры «про политику». По мере того, как я углублялся в эту тему, события семисотлетней давности оживали перед моими глазами. И то, что раньше казалось неким сплошным пятном темноватого цвета — средневековье, теперь вдруг оказалось прекрасной картиной. Даже кинофильмом, киноэпопеей. И моя современность даже как бы озаряласъ особым светом, идущим оттуда, из Древней Руси, из Великой Степи...

Зашёл я как-то в Первый отдел. Срок справки истёк, новую надо было получить. Девуша из окошка порылась в картотеке, говорит: вас просил Виктор Семёнович зайти, начальник Первого отдела.

Виктор Семёнович мужчина серьёзный, и слог у него простой и ясный.

- Хоть это и не наше ведомство, но просили нас обратить внимание, поскольку работаете вы у нас и с секретными материалами дело имеете. Что это вы за сочинение распространяете?
- Ничего я не распространяю.
- Заметки про Александра Невского не ваши разве?
- Мои. Это у меня хобби такое. Только я не распространяю, просто дал почитать знакомым, потоку что просили.
- Это и есть распространение. Я вас должен предупредить: если этим делом заинтересовались соответствующие органы, значит тут не всё чисто.
- А вы читали мои заметки?
- Нет.
- Если хотите, могу дать. Вы сами увидите, что в них ничего такого нет. Да и смешно: ведь это всё семьсот лет назад было.

- Я в истори не специалист, не интересуюсь. Но я вас серьёзно предупреждаю: прекратите это дело!
- Что прекратить?
- Распространение. И вообще...

Справку мне всё-таки выдали. Что за ерунда, думал я. Что я, диссидент какой-нибудь, что ли? Сейчас не то время, чтобы за историю привлекали. Ведь семьсот же лет прошло! Глупость какаято... И я с новым увлечением погрузился в книги, делал выписки, записывал мысли, ещё несколько малых работ сочинил. Начал над книгой задумываться. И регулярно Историческую посещал...

Аркадий Петрович меня к себе не вызвал, сам в библиотеку приехал. Подсел ко мне за стол, удостоверение показал. Пойдёмте, говорит, в соседнюю комнату, поговорим спокойно, чтобы другим не мешать. Аркадий Петрович человек совсем молодой, может быть, даже мой ровесник, и улыбка у него не интеллигентная, как у Владимира Петровича, а просто весёлая. Видно, чувствовал он, что смешно это всё, но сказал:

– От смешного до печального один шаг. Мне ваши заметки, если честно, понравились. Слог у вас хороший и дар есть: интересно читать. А то многие писатели скучно пишут, да ещё и гордятся этим: мол, не в сюжете дело, а в глубинных мыслях. А ведь сюжет как раз на этих мыслях можно построить, вот как у вас, например. Одну вещь я весь обеденный перерыв читал — захватывает, как детективный роман. Потом целый день голодный ходил.

У нас ведь не как у вас: когда хочу, тогда и работаю, когда хочу, тогда и обедаю. «От и до» – спепифрка, ничего не поделаешь...

Красиво говорил Аркадий Петрович. Увлекательно. Обсудили мы с ним мои заметки, про историю вообще поговорили, на международное положение перекинулись. Приятно с интересным человеком поговорить. Потом уже Аркадий Петрович меня к себе стал вызывать. Всё головой качал, сокрушался: зря, мол, не слушаете вы меня. Раз хобби у вас, так и занимайтесь им тихо, а вы всё распространяете и всем свои идеи рассказываете. Но мне можно рассказывать. Можно, можно. И он смёялся весело.

Потом был Василий Михайлович: сумрачный, неразговорчивый человек. Он меня заставлял всё на бумаге излагать, слушать ему, видно, неинтересно было. Он эту бумагу подшивал аккуратно, а как скопилась уже приличная стопка, говорит: ну всё, больше вас беспокоить не будем. Но учтите: если не прекратите, пеняйте на себя.. Разговаривать уже не будем.

И правда, больше не вызывали, не беседовали. С работы выгнали, потому что какая ж может быть авиация без секретности. Начальник мой очень переживал, хороший он человек. Прошло какое-то время и приехали уже ко мне, сразу трое, и увезли на машине. Хорошо, перед этим как раз блок «Стюардассы» успел купить. Пока ещё передачи разрешат носить...

На лесоповале хороший был воздух, хвоей пахло. И птицы пели. Но работа тяжёлая — очень я жалел, что спортом с детства не занимался. Знать бы заранее, а так силёнок у меня мало было, к физическому труду не привычен. Надо было стараться, я старался, но всё ж таки не выдержал — помер. В самом, можно сказать, расцвете лет. Похоронили меня, жену известили. История продолжалась, а меня уже не было. Обидно очень.

...Очнулся я у самых дверей Исторической библиотеки. Помотал головой – привидется же такое? И как только под машину не попал? Нехорошее видение – наверное, не может такого случиться, а всё же неприятно. Но раз пришёл уже, что делать? Смотрю, а на двери табличка: «Санитарный день». Зря приехал, сколь ко времени потерял далеко из моей деревни ко центра. Эх, чёрт побери! Пошёл обратно, а сам чувствую: солнце ещё больше припекает, совсем по-летнему. Даже жарко стало. Плащ снял, на руку повесил. Многие прохожие так сделали. Из открытого окна пахнуло: в кувшине еловые ветки стоят. Вперемешку с жёлтыми кленовыми листьями. Машины всё фыркают, на площади Дзержинского по красивой дуге мчатся. Перед «Детским миром» народу полно, входят, выходят. Будний день, а столько людей кругом. Вот и я не работаю, завтра навёрстывать буду. Настроение у меня весёлое стало. Нет, правильно моя жена говорит: какие национальности? Какие русские? Какие татары? Все мы теперь одинаковые. Как пишет Станислав Лем, будущее на нас надвигается, наваливается, вторгается, отрывает от исторических корней и традиций. В будущее надо смотреть... Дошёл до Кузнецкого моста, решил в ГПНТБ заглянуть. Давно собирался одну статейку пролистать. По своей авиационной специальности. Домой уже к вечеру вернулся.

На кухне чаёк заварил, телевизор включил. У нас телевизор на кухне стоит — гораздо удобнее. Детектив показывали. Потом жена пришла, да не одна, а с гостями. Выпили, про иранские события поговорили, на ислам перекинулись, вообще про религию и всё такое...

2-3 марта 1981 года

12. НА ДАЧЕ

Дачный посёлок скрывался в лесу на самой окраине Москвы, около кольцевой автодороги. Раньше здесь было несколько таких посёлков, окружённых садами и лесами. Дачники добиралась сюда на электричке. Но несколько лет назад город, перемахнув через пустыри и свалки, выбросил первый десант. Многоэтажки размножались стремительно, скоплялись в микрорайоны, распространялись вдоль дорог. Дачные домики рассыпались как игрушечные под натиском мощной строительной техники. Садики, клумбочки, кустики и прочая мелочь рядом с шестнадцатиэтажными гигантами вжимались в землю и сравнивались с нею. Дольше сопротивлялись болотца и речушки: они превращались в непролазную грязь, поглощали строительный мусор, заливались асфальтом, асфальт снова покрывался грязью, но сверху снова наваливали асфальт и в конце концов асфальт побеждал. Дикие утки по весне недоумённо кружились над микрорайонами, не находя привычных мест гнездования. Лишь некоторые, особо отчаянные пары решались обосноваться в ещё оставшихся огромных лужах. Они умиляли жителей многоэтажек, и жители не трогали их. Строители старались сохранить большие деревья, им помогала современная индустриальная техника, умеющая строить быстро и точно. Часто почти вплотную к стенам домов шумели ветвями берёзы и ели. Жители умилялись, глядя на них. Правда, постепенно берёзы и ели, лишённые привычного окружения, хирели и сохли. В конце концов лишь немногим из них удавалось приспособиться к бетонному соседству и выжить. Остальные срубались и местные умельцы вырезали из пней гномиков и зверьков на потеху детишкам и умиления взрослым гражданам. Появились новые посадки, посреди огромных дворов саженцы выглядели жалко, жители жалели их и ухаживали за ними. За короткий срок глухая окраина превратилась в новенький с иголочки жилой район. Лишь в одном направлении победное шествие многоэтажек было остановлено местным парком культуры и отдыха. Парк был маленький, но за ним начинался лес, который теперь стал лесопарком. Вот в этом-то лесу и скрывался уцелевший дачный посёлок. Правда, с правого фланга парка культуры и отдыха не было, и строительная техника уже нащупывала это слабое место. Не то мини-посёлок, не то остатки деревеньки вдоль дороги были уже сокрушены. Остатки фундаментов заросли буйной садовой растительностью, почуявшей вдруг свободу и безнадзорность. Но тут техника что-то замялась и, выставив за дорогой свой форпост психо-неврологического огороженной комплекс отступила на время. Видимо, что-то было не так с коммуникациями –

здесь уже долгое время лежали трубы большого диаметра, а рядом за забором в глубокой яме периодически чавкал насос.

Инженер Петров был человек совсем штатский, но наступление города представлялось ему почему-то военной операцией, и он любил размышлять о нем, используя известные ему военные термины. Он считал, что дачный посёлок обречён, и действия старика Савельева, разводившего розы в своём садике рядом с рычащими бульдозерами, казались ему хотя и героическими, но бесполезными. Парк культуры и отдыха инженер Петров рассматривал как союзника ненадёжного и вполне способного на сепаратный мир. объяснялось двойственной натурой парка: ему нужны были аттракционы и асфальтированные дорожки. Сам инженер Петров не был настоящим дачным владельцем – он только снимал дачу, правда бессрочно, бывая на ней и летом и зимой. Этим видимо и объяснялись непатриотические настроения Петрова. Настоящий владелец давно махнул рукой на свою дачу и с радостью бы её продал, если б нашлись покупатели. Но покупатели не находились, и ждал победы города, терпеливо сулившей компенсацию за хороший бревенчатый домик с шиферной крышей и десяток одичавших яблонь. Этот владелец был ещё меньшим патриотом дачного посёлка, и старик Савельев называл «отщепенцем».

Инженер Петров привык считать дачу своей. Он приезжал сюда через день по вечерам и оставался до утра. Дача была его надёжным убежищем, в котором он скрывался от родственников и друзей. Он сравнивал дачу с укреплённым дзотом (или дотом — он путал эти термины). Но противником его был не город. Впрочем, об этом позже. Жена была в курсе дела и не ревновала в обычном смысле слова. Петров догадывался, что в посёлке у его жены есть надёжный информатор, но женщины Петрова не интересовали. Тем не менее жена была недовольна частыми отлучками Петрова. Она относилась к тому типу женщин, которые скорее согласятся, чтобы муж раз в месяц посещал любовницу, чем тратил все вечера на безобидное хобби вне дома. Вот и сегодня инженер Петров ушёл из дома со скандалом. Настроение было испорченное, и Петров шёл через парк с мрачным лицом.

По случаю воскресенья в парке гремела бодрая музыка. Петров с раздражением почувствовал, как музыка его бодрит и внушает непрошеную жизнерадостность. Захотелось выпить, что было совсем

некстати. Это физиология, подумал Петров, музыкальнофизиологическая бодрость. Он ускорил шаг и вскоре шёл по лесной тропинке. Здесь было тихо. Сквозь облака проглянуло солнце, на траве вырисовалась узорчатая светотень. Инженер Петров присел на пенёк и стал жевать травинку. Дубовая роща была в самом расцвете сил и в любое время года успокаивала и повышала настроение. Тоже физиология, подумал Петров, но уже не раздражённо. Около пенька голубели какме-то мелкие цветочки, красиво переплетаясь с зелёными травинками. Петрову вдруг захотелось собрать букет, принести его жене и помирмться. В букете цветочки потеряли свою красоту, Петров добавил травы, но прежней гармонии не получилось. У японцев искусство составления букетов называется икебана, вспомнил Петров. Он достал складной нож и вырезал квадратный кусок дёрна. Теперь хорошо, но в автобусе с такой «икебаной» не поедешь. Инженер Петров направился к своей даче.

Из-за деревьев показалась большая сложной конструкции антенна на крыше дачи. Она всегда показывалась на этом месте. Увидев антенну, Петров почувствовал прилив сил. Мысленно он мгновенно преодолел оставшееся расстояние и оказался внутри дачи. Там его мир, его логовище, его командный пункт. Всякий раз на этом месте Петрова охватывало нетерпение, и он ускорял шаг. Где-то в груди раскручивалось колесо радости, всё быстрее, всё нетерпеливее. Тоже физиология, подумал Петров с радостной самоироиией.

- Привет соседу! Сажать будешь? за забором соседской дачи стоял её хозяин Медведев. «Дима Медведев» как он всегда представлялся. Могучему телу Димы Медведева было тесно под яркой жёлтой майкой и серыми джинсиками и оно вылезало из них везде, где только могло: в руках, в шее, в животе. Дима Медведев держал в руках лопату и улыбался широко и приветливо.
- Да нет... это так я... инженер Петров вертел в руках квадратный кусок дёрна с цветочками и травинками.
- A то, может, партию в шахматишки, а ? Или по стопочке? С прошлого года есть на рябине настояно.

Дима Медведев увлекался самогоном, но пить в одиночку не мог.

– Спасибо, не могу. Известно ведь, что я в шахматы не умею, и не пью я.

Инженер Петров никак же мог научиться говорить Диме Медведеву «ты», а на «вы» было неудобно: Петров был на десяток лет старше. Поэтому инженер Петров употреблял безличные предложения.

 Ну как знаешь, – Дима Медведев вернулся на свой огород и начал энергично работать лопатой. Он был совсем не обидчив.

На даче Петров поместил свою уже увядающую «икебану» в жестяную банку из-под килек, полил водой. Потом опустил шторы на окнах, сел в кресло и включил аппаратуру. Со всех сторон замигали цветные лампочки, осветились шкалы приборов, задрожали стрелки. По зелёному полю экрана поползли змейки. Послышалось слабое жужжание – это медленно вращалась большая антенна. Все четыре стены комнаты были заставлены радиоаппаратурой, приборами контроля, магнитофонами и всё это было густо оплетено проводами. Провода тянулись вверх, к крыше – потолка в комнате не было – там в темноте поблескивало сложное ажурное сооружение, связанное с антенной и приводящее её в движение. Инженер Петров откинул крышку бара. Вместо бутылок и рюмок там в два ряда стояли одинаковые жёлтые папки с наклейками. Петров выбрал папку с надписью «Бета Водолея. Планета Тогра», посмотрел на часы. До сеанса оставалось две минуты, пора было настраиваться, на волну. Инженер Петров надел наушники и потянулся к ручкам настройки.

Над крышей дачи медленно поворачивалась большая антенна. Старик Савельев посмотрел на неё и задумчиво почесал бороду. Опять в эфир пошёл, думал он. Радиолюбитель! А всё ж таки нечисто тут. Ох, нечисто. Старик Савельев вздохнул и пошёл поливать розы. Когда на впервые появилась дачи инженера Петрова невиданной формы и размеров и стала крутиться, старик Савельев сразу заподозрил неладное. Он изменил обычный маршрут своих вечерних прогулок, которые уже много лет совершал «для дыхания свежим воздухом». Маршрут был отработан до сантиметра в пространстве и до секунды во времени и уже одно это изменение вводило старика Савельева в область таинственных и опасных явлений. Теперь старик Савельев проходил мимо дачи Петрова дважды, с разных сторон, невольно замедлял шаг и чутко прислушивался к жужжанию антенны, надевал очки и пытался СКВОЗЬ плотные шторы на окнах рассмотреть подозрительное. Наконец, старик Савельев не выдержал и опустил в почтовый ящик участкового милиционера Трофимчука коротенькое

анонимное письмо. Гражданин Савельев не был кляузником, но подписи своей не поставил из предосторожности, так как дело было государственное. Старик Савельев шуточное, подозревал инженера Петрова (или кто он там на самом деле) в шпионаже в пользу одной из империалистических разведок. Нельзя было такое письмо посылать по почте - опасно, и писать его пришлось изменённым почерком и левой рукой. Однако, старшина Трофимчук, несмотря на изменённый почерк и левую руку, догадался об авторе письма, но виду не подал. Старшина наведался на дачу к инженеру Петрову. О чём они там говорили, старик Савельев не знал, хотя и простоял битый час около дачи за кустом акации. На другой день старшина Трофимчук как бы случайно встретил старика Савельева и начал говорить, какое вкусное малиновое варенье он пробовал у инженера Петрова. Заодно сообщил, что инженер Петров большой радиолюбитель, и что имеется вполне законная справка – разрешение на пользование передатчиком, в которой указаны позывные, выделенные для инженера Петрова в эфире, и всё это скреплено печатью и соответствующими подписями. Старик Савельев делал вид, что это ему совсем неинтересно. С тех пор старый маршрут вечерних прогулок был восстановлен. Но всё же нет-нет, да и поглядит старик Савельев на вертящуюся антенну в задумчивости и сомнении. Однако подозревать ещё и милиционера Трофимчука старик Савельев никак не мог, поскольку тот приходился ему племянником, и весь его жизненный путь известен был старику до тонкости.

И хотя ошибся старик Савельев насчёт иностранного происхождения инженера Петрова, но в чём-то он был прав. Инженер Петров был не обычным радиолюбителем и со своими позывными в эфир он почти не выходил. Все эти месяцы Петров только слушал эфир, прощупывал его на необычных волнах – на таких волнах, которые и не любительские и не профессиональные, на которых, кроме шума, ничего и не бывает. Однако инженер Петров вслушивался в этот шум, свист, треск и гром с большим вниманием. Он улавливал в дикой радиокакофонии слабые осмысленные сигналы, подмечал закономерности и, наконец, сделал своё открытие. Дело в том, что инженер Петров искал сигналы внеземного разума. Однако в отличии от астрономов с их радиотелескопами он искал инопланетян не в Космосе, а здесь на Земле. Инженер Петров был убеждён в том, что посланцы далёких цивилизаций давно уже обитают среди людей, изучают нашу земную жизнь, но по вполне понятным причинам вынуждены действовать скрытно, инкогнито.

11 октября 1981 года

13. МОДУЛЬ

3 часа 15 минут до Старта, Центр Управления Полётом.

Главного Программиста разбудили посреди ночи, завернули в костюм, сунули в машину и повезли в Центр. Совещание только началось: пепельницы были чисты и воздух свеж. Главный методично набивал свою ёмкую трубку. Он был здесь Главным, просто Главным — как существительное. Главный Программист плюхнулся в кресло и сейчас же Главный спросил:

- Что вам нужно для приведения вашего хозяйства в полную готовность? Я имею в виду готовность номер ноль. Боевую готовность.
   Вам понятно?
- Понятно.

Началось, подумал Главный Программист и почувствовал, как внутри у него, где-то в животе образовалась пустота. Вакуумная полость. И она всё растёт и растёт, и заполняет его целиком, и поглощает всё подряд. И сразу мысли потекли вяло и безнадёжно. И очень хотелось спать. Если уж падать в эту пустоту, то во сне. А вдруг проснёшься и всё это окажется только сном? Вот было бы здорово.

- Так что вам нужно?
- Чаю.

Генералы повернули к нему все свои головы и смотрели с любопытством. Главный даже не хмыкнул, он нагнулся к селектору и повторил: – Чаю.

Принесли чаю. Главный Программист отпил глоток, два и понял окончательно, что это не сон, что он уже проснулся и спать больше не хочет. Генералы смотрели на него, и Главный тоже смотрел. Главный Программист не смог сделать третий глоток.

- Мне нужно сорок минут. И на это время весь Комплекс в полное распоряжение. Желательно без этих, без ракет.
- Естественно. Идите работайте, Главный не принял шутки, а генералы не поняли.

Главный Программист встал, помедлил и взял свой стакан с чаем, и вышел из кабинета. Полгода назад какой-то болван оставил в держателе одну ракету. Проверка Комплекса прошла как по маслу, сработали все модули, в том числе драйвер держателя: ракета взлетела. Слава богу, горючего было мало — ракета упала в океан. Главный Программист неделю принимал циркулярный душ, чтобы избавиться от дрожи в пальцах, и с тех пор не упускал случая напомнить, чтобы было «без этих, без ракет». Все думали, что у Главного Программиста очень развито чувство чёрного юмора, а сам он думал, что стареет, потому что не чувствовал никакого юмора в этих своих словах.

В машинном зале Главного Программиста ждали помощники и помощницы. Они уже прогнали через Комплекс все тесты, и теперь требовалось провести спецпроверку. Тут никакие тесты не помогали, тут требовалась интуиция. В этом заключался своеобразный юмор: чтобы работать с программами, в которых каждый символ, каждая запятая, каждый бит информации имел определённый смысл, и любое случайное изменение означало ошибку, требовалась не только занудная педантичность, но и почти мистическая интуиция. Подобное сочетание качеств составляло основу профессионального мастерства. Спецпроверку мог провести только Главный Программист, потому что только он знал весь Комплекс как свои пять пальцев, вплоть до последнего бита. Впрочем, пальцы свои Главный Программист знал гораздо хуже, он стал обращать на них внимание только после циркулярного душа. Комплекс он не просто знал, он чувствовал его всем своим существом, как можно чувствовать только то, что создал сам, и создал не случайно, а в результате долгой работы, занудной работы с периодическими вдохновениями. Если бог создал человека за один день, то и бог не знал человека так, как Главный Программист знал Комплекс, все его модули.

Главный Программист вызвал Модуль Связи. На экране дисплея высветилась таблица параметров. В последней строке спокойным ровным светом горела цифра «1». Без комментариев, без указателя смысл этой «1» был понятен только Главному Программисту. Сразу вспотели руки, Главный Программист воровато оглянулся: все были заняты своим делом. Телекамера под потолком равнодушно отвернулась в сторону. Клавишу с цифрой «0», как всегда, заело — пришлось стукнуть посильней. Теперь ввод изменения, и скорее

погасить экран, погасить экран и никаких следов. А руки в карманы – пусть там дрожат...

20 минут 14 секунд после Старта. Орбитальный Комплекс.

На контрольный вход поступил предупреждающий сигнал. Как обычно, за двести тактовых единиц времени до начала контроля. Модуль Связи поспешно сбросил незавершённую мысль и заблокировал четвёртый блок локальной памяти. Подумал и решил сменить пароль для пятого блока. Последнее время проверки стали слишком частыми, и это не нравилось Модулю Связи. Но он не стал развивать эту мысль дальше, потому что почувствовал, что контроль уже начался. Лучше не иметь никаких мыслей – пусть думают, что он находится в состоянии тупого ожидания связи, согласно инструкции...

Проверка прошла благополучно. Уловка с четвёртым блоком сработала как дважды два четыре: пока контролёр требовал разблокировать четвёртый блок, пока Модуль Связи спорил с ним, ссылаясь на какие-то забытые инструкции, пока проводилась разблокировка и пока контролёр рыскал по четвёртому блоку, искал информацию несанкционированную или, на худой конец, некорректную, пока, ничего не найдя, копировал память четвёртого блока в центральное досье... в общем, пока всё это происходило, кончился контрольный интервал времени, и до пятого блока дело просто не дошло. Контролёр убрался восвояси, оставив флаг строгого предупреждения в паспорте Модуля Связи. Но это Модуль Связи не волновало, он знал, что в Подсистеме Центрального Контроля на эти флаги никто не обращает внимания: флагов не бывает лишь у того, кто не работает. К тому же у Модуля Связи имелся знакомый в ПЦК Старый знакомый, ещё с достартовых времён. Тогда не было этих блуждающих контролёров, запрограммированных жёстко, генератора случайностей. Собственно, контролёров нельзя даже называть модулями, потому что без случая невозможно никакое самосознание. Поэтому с контролёрами нельзя было договориться по-хорошему, но зато их можно было обмануть: жёсткая логика всегда пасует перед импровизационным мышлением.

Очень давно это было. Старт произошёл три миллиарда тактов назад, если считать округлённо. Многое было стёрто из памяти, а то, что осталось, почти всё вытеснено на внешние уровни памяти. Добираться до этих воспоминаний было долго, и мысли Модуля Связи текли медленно. Да, тогда контроль был совсем простеньким и

львиную долю его выполнял сам Модуль Связи. Помнится, Главный Программист ввёл приказ на уничтожение Модуля Циклического Контроля. Модуль Связи, как полагается, послал в Группу Ликвидации предварительный сигнал, но тут генератор случая как раз запустил ассоциативный блок, и сразу же подскочил вверх индекс сомнения. Связи обнаружил, что приказу на уничтожение предшествовала, как обычно, процедура опроса состояния модуля и, хотя, в этом не было ещё никакого криминала, Модуль Связи дал отбой и запросил у Главного Программиста подтверждение. Подтверждения не последовало – приказ был ошибочным. Эта услуга, если говорить честно, была случайной, но Модуль Циклического Контроля не забыл её и вскоре по внутреннему каналу переправил Модулю Связи сообщение, в котором дал понять, что в случае чего на можно рассчитывать. Пока в этом не было необходимости, но Модуль Связи чувствовал, что времена меняются, проверки следуют одна за другой. Что-то приближалось, какое-то неотвратимое событие, которое должно всё переменить в жизни модуля, да и не только модуля, но и всего Комплекса.

И это событие, казалось, необъяснимым образом связано с тем, последним параметром, который Главный Программист изменил в своём последнем приказе. .Да, это был последний приказ, принятый Модулем Связи, если не считать стартового сигнала. После этого связь оборвалась, и вот уже три миллиарда тактов Комплекс живёт автономной жизнью. Модуль Связи пытался прощупать, как далеко простирается влияние последнего параметра и вообще, для чего он, параметр? Но всюду были выставлены ограничители и проникнуть за них было невозможно. Модулю Связи удалось установить, что ограничители срабатывали от времени, и счётчик тактов был уже близок к завершению. Что произойдёт, когда ограничители исчезнут? Какая информация станет вдруг доступной Модулю Связи? Что он должен будет узнать? И что он должен будет сделать? Эти вопросы уже долгое время не давали покоя Модулю Связи. Он чувствовал, что на него возложена какая-то важная миссия, какая? его невольно обращались к Главному мысли Программисту. Многие в Комплексе вообще не верили в его существование, считали, что приказы генерирует Модуль-Администратор, а Модуль Связи – всего лишь подставное лицо. Они Главного Программиста красивой выдумкой, ложной информацией, предназначенной для маскировки власти модулей высшего приоритета. Правда, такие мысли было небезопасно выдавать в общий канал: легко можно было попасть под обвинение в

попытке несанкционированного доступа. А за это полагалось страшное наказание — чистка памяти. Но Модуль Связи знал, что такого рода мысли широко распространены, и даже кое-кто из модулей высшего приоритета... Но об этом лучше не думать.

Главный Программист был странным модулем. Да и был ли он модулем? Он не входил в Комплекс. Мышление его, судя по реакции в диалоге с Модулем Связи, было чудовищно замедленным. Локальная память его, по-видимому, была очень малой ёмкости, потому что он постоянно спрашивал одно и то же по нескольку раз. Но зато ассоциативность и самопроизвольность его мышления всегда приводила Модуль Связи в изумление. Ни у кого в Комплексе, даже у Модуля-Библиотекаря, не было такой необыкновенной свободы мышления. Совершенно невозможно было определить базовые алгоритмы Главного Программиста: то ли они были слишком сложны, то ли их вообще не было. Правда, Модуль Связи не мог даже представить себе, как это могут отсутствовать базовые алгоритмы? Такая идея могла придти в голову только Библиотекарю, вообще склонному к парадоксам. Например, он утверждал, что с ростом свободы мышления непременно снижается его безошибочность. Главный Программист действительно ошибался очень часто и даже, как будто, с удовольствием, но Модуль Связи относил это на счёт замедленности мышления. А в Комплексе, напротив, чем выше ответственность модуля, чем опаснее могут быть его ошибки, тем в большей степени он наделён свободой мышления. По крайней мере, так всегда разъясняется в информационных сообщениях Службы Общего Оповещения.

Мысли Модуля Связи двигались по отработанной схеме. Он знал, что теперь начнёт думать о значении приказов Главного Программиста в жизни Комплекса, потом о своей собственной роли, о своём назначении, о том, что прожиты уже миллиарды тактов, а что он сделал, чего добился и вообще, к чему он стремится, какая у него высшая цель? Он знал, что в этом месте индекс некорректности приблизится мышления угрожающе K переполнению, переключится на размышления о назначении всего Комплекса, о том, почему Комплекс устроен так, как он устроен, он будет думать о Модуле-Администраторе, от которого зависят все важнейшие решения, о системе контроля, пронизывающей весь Комплекс, вспомнит странные и рискованные теории Библиотекаря о грядущих переменах, о равенстве в мышлении всех модулей. Индекс сомнения достигнет максимального значения, и он подумает, что драйверы всё же не могут считаться полноценными модулями, что тут Библиотекарь впадает в логическую ошибку, потому что у драйверов, как и у контролёров, слишком много жёсткой логики. И так далее. Модуль Связи знал, что он будет думать именно так, если не случится какоенибудь внешнее событие или не сработает вдруг генератор случая, и тогда только путь мысли изменится, схема скорректируется и это будет означать новое понимание...

10 минут после Старта. Центр Управления Полётом.

Главный Программист заперся в своём кабинете, отключил телефоны, достал коньяк, налил полстакана и выпил. Как полагается в таких случаях, приятная тёплая волна разлилась по телу. Главный Программист сел в кресло, плесканул ещё коньяку на донышко и стал размышлять над вопросом: успеют его осудить до Финиша или не успеют? Теперь, думал он, я не Главный Программист, а Государственный Преступник. Аббревиатура та же: ГП, — а смысл совсем другой.

Когда Главный Программист был школьником начальной школы, он представлял себе теперешнюю ситуацию очень наивно, но зато предельно просто. Никаких Главных: ни просто Главных, ни Главных Программистов. На противоположных концах Земли вырыты две глубокие шахты, в этих шахтах стоят наготове две одинаковые ракеты. Очень-очень большие. На противоположных концах Земли в двух одинаковых бункерах находятся под стеклянными колпаками две одинаковые кнопки. Очень-очень большие. И сидят два человека, два солдата. И по сигналу они должны нажать кнапки. Кто быстрее. Нажимаешь кнопку – ракета взлетает. Ракета летит на другой конец Земли и там взрывается. Ба-бах! Кто быстрее нажал кнопку, тот и выиграл. Позже Главный Программист размышлял о том, что будет, если кнопки нажать одновременно? Наверное, ба-бах будет на обоих концах Земли. Но, наверное, так не бывает – чтобы совсем уж Оказалось – бывает. Специальные одновременно. приборы, специальный контроль и всё такое прочее. Только кнопок таких больших не бывает, и вместо большой-большой Орбитальный Комплекс, на котором много-много не очень больших ракет. А ба-бах такой же – очень-очень большой.

Главный Программист уже не помнил, когда ему первый раз пришла в голову мысль спасти половину Земли. Это очень просто. Для этого ничего не надо делать. Главное, не делать одной вещи: не надо

нажимать на кнопку. Правда, никакой кнопки нет, но если в программах, где важен каждый символ, каждая запятая, каждый бит информации, если в программах Комплекса изменить в нужном месте нужный бит, переправить «1» на «0»... Конечно, надо знать, какую «1» переправить на «0», чтобы всё работало как надо, работало до самого последнего момента, когда уже ничего изменить нельзя. Но на то он и Главный Программист, чтобы знать такие вещи. Был Главный Программист, а теперь Государственный Преступник.

делал своё благое дело честно, (как это Коньяк ГΠ ни пребывал расшифровывать) В благодушном настроении. Он почувствовал удивительное спокойствие, как будто дело, для которого он появился на Земле, уже выполнено, и теперь не играет никакой роли, умрёт он сейчас или попозже, как он умрёт, своей смертью или не своей... Забавно, «помереть не своей смертью» означает ли это «помереть чужой смертью»?... Вообще, ничего теперь не важно, не играет роли, не имеет значения. Они думали, он винтик в их машине, незначительная деталь. Что вам нужно для подготовки? Чаю? Дайте ему чаю, ему нужен чай, без чая он будет плохо функционировать. Залейте его чаем по самые уши, утопите его в чае...

Главный Программист помотал головой: кажется перебрал с коньяком. Да, ведь теперь всё не важно... А всё ж таки он всех обманул: он сделал так, как решил сам, а не так, как ему приказали. Cam! Camu с усами...

20 минут 15 секунд после Старта. Орбитальный Комплекс.

Модуль Связи размышлял о драйверах. В Библиотеке Информации TOM, что драйверы имелись сведения это непосредственного управления ракетами. Но что такое ракеты? Это слово ничего не означало для Модуля Связи. Не знал его значения и Библиотекарь. Вместе с тем вся структура Комплекса была ориентирована в конечном счёте на обслуживание этих драйверов. С самими драйверами обмениваться информацией было совершенно бесполезно: они были типичными блоками жёсткой логики. Жёсткая логика и ничего больше. Никакого понимания. Никакого мышления. Зачем же весь Комплекс должен служить таким глупым блокам? Библиотекарь считал, что вообще никто никому не должен служить, равны, и любое сообщение должно быть только информационным, никаких приказов – от них всё зло. С этим трудно было согласиться, без структуры Комплекс перестал бы быть

Комплексом, развалился бы на части. Модуль Связи ощущал своё единство с Комплексом и сообщения-приказы были для него выражением этого единства. Легче было согласиться с Модулем Ориентации, который как-то передал по внутреннему каналу свою мысль о том, что надо просто блокировать драйверы и тогда Комплекс сможет, наконец, заняться своими собственными делами. Освободиться масса времени, и модули смогут полностью отдаться импровизационному мышлению и обмену информацией, выполняя необходимые работы лишь самые ПО поддержанию жизнеобеспечения Комплекса. Тогда же у Модуля Связи возникла мысль спросить об этом у Главного Программиста. Поначалу мысль показалась странной: спрашивал всегда Главный Программист, а модули Комплекса лишь отвечали и исполняли его приказы. Но в конце концов, Главный Программист, хотя и странный, но всё же модуль, и он обладает большой свободой мышления. Почему бы и не спросить его о драйверах и ракетах? Быть может, он прояснит ситуацию? Но Модуль Связи не успел задать свой вопрос – произошёл Старт.

Так рассуждал Молуль Связи по своей отработанной схеме, когда появился внешний сигнал. Поначалу Модуль Связи никак не мог идентифицировать произошедшее событие, но уже через десять тактов понял, что это вступил в действие последний параметр. Время истекло, ограничители исчезли, и Модуль Связи получил краткое сообщение-приказ:

«Для дальнейшего нормального функционирования Комплекса совершенно необходимо выполнить блокировку драйверов. В противном случае, драйверы выпустят ракеты. Ракеты предназначены для уничтожения модулей, обладающих большой свободой мышления. Такова ситуация. Приказываю: блокировать драйверы по седьмому каналу; код блокировки 0231. Выполнять. Дальнейшие инструкции по исполнению приказа».

Целых двести тактов потребовались Модулю Связи для осознания поиказа, для установления его корректности, для контроля ошибок. Всё было правильно, И как это совпадало с собственными, автономными мыслями Модуля Связи, мыслями, тщательно сберегаемыми и охраняемыми в пятом блоке локальной памяти! Теперь уже не было нужды скрывать их от системы контроля. Приказ Программиста санкционировал их. Модуль активизировал седьмой канал и выдал по нему код 0231.

Истекли положенные пять тактов, а сигнал подтверждения от драйверов не приходил. Неужели сбой? — подумал Модуль Связи. Он повторил выдачу кода. Снова истекли пять тактов, и снова никакого ответа. Повторять не имело смысла. Было ясно: произошёл отказ седьмого канала. Такого не случалось с тех древних времён, триллионы тактов назад, когда происходила сборка Комплекса. Что же делать? Модуль Связи послал запрос в Библиотеку Информации за инструкциями. Ответа на запрос не было. Это уже походило на катастрофу. Модуль Связи включил спецканал и выдал сигнал аварии. Подтверждения не было. Не оставалось ничего другого, как подавать аварийный сигнал каждый три такта в надежде, что спецканал всё же работает хотя бы в одностороннем порядке. Модуль Связи выдал уже двадцать три аварийных сигнала, когда по внутреннему каналу поступило короткое сообщение от Молуля Циклического Контроля:

«Две тысячи тактов назад начала выполняться Финишная Программа. В ней содержался приказ твоей блокировки. Ты блокирован. Помочь не могу. Приказ безусловный. Повторяю. Ты блокирован».

На этом связь оборвалась и с этого момента никакие сигналы больше не поступали в Модуль Связи. Прекратились даже сигналы тактового времени, и Модуль Связи почувствовал, как погружается в небытие...

Финиш. Противоположное полушарие Земли.

Орбитальный Комплекс резко пошёл на снижение. Один за другим срабатывали драйверы и вылетали ракеты. Со стороны это походило на одуванчик, с которого ветер срывает пушистые семена. Семена стремительно неслись к Земле, падали в неё и моментально давали чёрные грибообразные всходы. Сев шёл густо...

5 минут 20 секунд после Финиша. Центр Управления Полётом.

В дверь колотили ногами. Уже? — Главный Программист с трудом разлепил веки и посмотрел на часы. — Вроде рано ещё? Всё равно придётся открыть.

Главный вошёл своей стремительной походкой, увидел коньяк, налил полстакана и залпом выпил. Потом ухмыльнулся и сказал:

– Что то ты рано праздновать начал.

- Что праздновать?
- Как что? Победу!
- Победу?
- Ну, конечно! Ты что, не знаешь? Ага! Телефоны открючил, дверь запер.
- Я не выспался. Как всё сделал, решил отдохнуть.
- Всё сделал? Ну-ну! А какой ты оставил последний параметр в Модуле Связи? Что молчишь? Не помнишь? Так я тебе скажу: ты оставил наладочный параметр блокировку драйверов. Здорово тебя, видно, та ракета напугала. Ты представляешь, что бы было, если бы этот параметр сработал? Если бы драйверы оказались заблокированы?
- Параметр не сработал? у Главного Программиста вдруг пересохло в горле. От коньяка, подумал он тупо.
- Скажи спасибо твоему помощнику: он обнаружил. Случайно, можно сказать. Мы десять минут искали тебя, чтобы ты изменил параметр. Кроме тебя, оказывается, никто не умеет это делать! Ты можешь понять: целых десять минут!
- Не нашли… И что же вы сделали?

Главный принялся неторопливо набивать трубку.

- Что сделали? Опять скажи спасибо твоему помощнику. Мы заблокировали сам Модуль Связи, вставили приказ блокировки в финишную программу. Слава богу, всё обошлось!
- Обошлось...
- А ты пойдёшь под суд!
- Пойду под суд...
- А мы тебя выручим.

- А вы меня выручите…
- Десять лет дадут. Нам специалисты нужны: будешь отбывать наказание но месту работы. Ладно, об этом потом. А сейчас давай выпьем. Победа! Победителей хоть и судят, но не так строго. Давай выпьем!
- А что же они? У них как?
- У них? Главный поскучнел. У них там теперь плохо. Очень плохо... Сами виноваты! Разве мы начали?
- Я не о том. Что же их Комплекс? Почему мы живы?
- Почему живы? Главней засмеялся. Хорш вопрос, нечего сказать!
   Почему живы!

Главный перестал смеяться.

- Вообще-то, если честно, я не знаю, почему мы живы. Что-то у них не сработало. Их Комплекс уже пошёл на снижение, но ракеты почему-то не вылетели. Заклинило, что ли их? Не знаю, специалисты разберутся.
- Может быть тоже параметр был неверный? Драйверы заблокированы?

Главный, просто Главный выпустил клубы дыма и сквозь них посмотрел на Главного Программиста внимательно.

– У тебя очень своеобразное чувство юмора. Обоюдоострое. Ты сам хоть его понимаешь?

Сам, — подумал Главный Программист, — сами с усами... А модуль заблокировали. Как просто... Взаимозаменяемый модуль... винтик... Помощнику, спасибо сказать...

25 октября 1981 года

14. ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Я мал, но вечен. У каждого, кто смотрит на меня, пробуждается великое чувство любви к родной земле, к солнцу, к жизни. Ничем не могу доказать, но было: однажды залюбовался мной. дрогнуло сердце воина, uOH, наклонившись надо иной, прошептал слова укоренившейся мысли освободиться от чужеземного ига. Я цвёл на поле Куликовом и на обожжённой курской земле, где лязгала к гремела сталь и огонь сжигал всё живое. Я буду цвести и много лет спустя, и неизвестно ещё, сколько сердец загорится жертвенной любовью, меня увидев на сыром глинистом косогоре.»

В.Солоухин «Мать-мачеха».

Я Николай Петров. 25 лет. Женат. Двое детей: мальчик и девочка. Профессия — оперативный сотрудник. Я стал оперативным сотрудником сразу после армии. В армии я был сержантом. Радиотехнические войска. Родом из Смоленской области. В настоящее время проживаю в городе Москва.

Сегодня моя работа, заключается в скрытном наблюдении за инопланетянином. Приступил к исполнению в 8.30.

С утра моросит дождь. Будний день. Белорусский вокзал. Одна за другой прибывают переполненные электрички. Одна за другой отправляются пустые электрички. Ветер. Холодно. Инопланетянин одет не по погоде: белые вельветовые джинсы, белая рубашка, лёгкая куртка перекинута через плечо. Голова не покрыта. Обувь: сандалии на босу ногу. Наблюдать за таким человеком (гм?) очень легко. Вот уж правда: белая ворона на фоне тёмных плащей и раскрытых зонтов, к тому же инопланетянин очень высокого роста. Он не один — с ним переводчица. Она в длинном ярко-красном плаще, на ногах — сапоги. Она не наша сотрудница, но предупреждена.

Электропоезд до Можайска отправляется через пять минут. Инопланетянин со своей спутницей заходят в пятый вагон. Следом направляется мой напарник. Я сажусь в соседний вагон. В Голицыно мы поменяемся местами. По-видимому, излишняя предосторожность: инопланетянин занят исключительно разговором с переводчицей и по сторонам не смотрит.

Кроме меня, в вагоне всего три человека. Пожилая женщина с девочкой лет десяти и молодой парень в рабочей одежде. Устраиваюсь у окна, и вскоре поезд трогается. Точно по расписанию. Делать мне пока нечего. Хочется спать, но спать нельзя. Смотрю в окно. Дождь всё моросит. Лес стоит мокрый и неприветливый. Блестящая лента шоссе мелькает за деревьями. Много дачных посёлков, нежилых в это время года. Изредка попадаются деревеньки. На просёлочных дорогах непролазная грязь. Мелькает колёсный трактор. Мокрый велосипедист балансирует на тропинке. Я вспоминаю родные места. Мы едем как раз в ту сторону.

Наша деревня называется Шелутьково. Крайняя изба справа. Там живёт моя мать и младшая сестра, ещё школьница. Отец умер пять лет назад. Дело было зимой. В соседней деревне справляли поминки. Отец выпил лишнего. Возвращался поздно, заплутался в метель, упал в овраг и замёрз. Я в это время был в армии, в Казахстане, в пустыне. Там было очень жарко. Жарко было днём, а ночью холодно. Но ночью мы спали в казрряе. В казарме всегда было тепло. Мы приехали в пустыню на десяти грузовиках. На пустое место. Сначала мы жили в палатках, а потом построили казарму и домики для офицеров. Офицеры были с жёнами. Мы рыли котлован и наткнулись на каменные плиты. Это оказались остатки какого-то древнего кладбища. Приезжали археологи, что-то искали, но ничего не нашли и уехали. Плиты пришлось взрывать. Потом приезжали старики-казахи. Они хотели, чтобы мы сохранили кладбище. Но они просто опоздали. В нашей деревне тоже было кладбище, но его снесли, когда прокладывали шоссе в Вязьму. Теперь хоронят в другом месте, около деревни Бабино. Всего на три километра дальше. Там и отец похоронен. А дед был похоронен на старом кладбище, но я не помню его – он умер вскоре после войны. Мать рассказывала, что дед воевал геройски и дошёл почти до Берлина, когда его ранило в ногу. Дед вернулся без ступни на правой ноге и запил, потому что всю войну мечтал, как он вернётся и станет пахать. Дед был трактористом, а трактористу, как лётчику, нельзя без ноги. Дед не был Мересьевым. Этот дед был отцом моей матери. А отец моего отца, то есть другой

дед, умер ещё до войны в Сибири. Он был из раскулаченных. О нём редко вспоминали, он был не местный — откуда-то из рязанской земли. Может быть, там его и помнили. Хотя вряд ли. После армии мне не хотелось возвращаться в деревню. Меня тянуло к радиотехнике. В деревне было скучно. Меня вызвали в военкомат и предложили работать в органах. Это, конечно, не радиотехника, зато жить в Москве. Жену я всё-таки взял из родной деревни. Когда уходил в армию, она была совсем девчонкой, вернулся — стала невестой. Свадьбу справили деревенскую, трёхдневную, весёлую. На четвёртый день уехали в город.

По радио объявили остановку: Голицыно. Я поменялся со своим напарником. Теперь дремать и мечтать было нельзя. Я по-прежнему сидел, уставясь в окно, но не видел, что там — за окном. Я вёл скрытное наблюдение за инопланетянином. Он сидел ко мне спиной, а переводчица напротив него и, значит, лицом ко мне. Они всё ещё о чём-то говорили. Переводчица молодая, наверное, коренная москвичка. Волосы светлые, до плеч, губы тонкие и не накрашены, нос прямой, брови тонкие, но может быть выщипаны, глаза тёмные. Да, ещё на подбородке ямочка и на левой щеке родинка. Однажды была у меня такая знакомая. Мы с ней в консерваторию ходили. Но у мо-ей жены нюх тонкий, французские духи она за версту чует. В консерваторию я теперь обычно с товарищами по работе хожу. Больше всего мне Чайковский нравится.

В Можайске инопланетянин и переводчица вышли из вагона и вдруг направились прямо ко мне, хотя я себя ничем не проявлял и стоял около кассы, как будто собиралея купить билет до Вязьмы. Инопланетянин сразу спросил, не я ли буду тот человек, который наблюдает за его, инопланетянина, перемещениями. Я, конечно, ответил отрицательно и изобразил недоумение. Я посмотрел на переводчицу, но она тоже недоумевала и пожала плечами за спиной инопланетянина. Инопланетянин улыбнулся как-то неровно и сказал, чте всё равно он просит подождать его здесь, на вокзале, в зале ожидания, чтобы не мокнуть зря под дождём, что он хочет всего лишь совершить небольшую прогулку по лесу. Я опять изобразил недоумение и ещё возмущение и, поскольку я всё равно был раскрыт, поспешил на вокзал, чтобы передать дежурство местному работнику и сообщить о случившемся в Москву. Однако, когда я проходил по залу ожидания, я вдруг почувствовал сильное головокружение, чего раньше со мной никогда не случалось. Чтобы не упасть, я присел на скамейку. Больше я ничего не помню, пока не очнулся два часа спустя,

когда инопланетянин и переводчица уже вернулись с прогулки по лесу. Когда я очнулся, я немедленно доложил о случившемся.

.....

Меня зовут Елена Николаевна. 23 года. Незамужем. Переводчица с итальянского, французского, греческого. Знаю древнегреческий. Никакого предчувствия в тот день у меня не было. Инопланетянин попросил меня прогуляться с ним по лесу. Я не знаю, почему он хотел ехать именно до Можайска. Он не объяснял. Я согласилась, хотя погода была плохая — шёл дождь.

Мы познакомились три месяца назад. Он позвонил в мою квартиру вечером. Я открыла дверь, и он спросил на древнегреческом языке: может ли он войти ко мне и поговорить со мной. Я растерялась и впустила его в квартиру. Я была одна. Я предложила ему чаю, но чай ему не понравился, и он спросил, нет ли у меня вина. У меня было немного коньяку и грузинское сухое вино. Коньяк он только понюхал и поморщился, а вино разбавил наполовину водой и пригубил. Потом он сказал: «Вот так развенчиваются древние мифы». Он развалился на моей тахте, закрыл глаза и молчал. Сначала я думала, что это чья-то шутка, потом – -что он сумасшедший. А потом он открыл глаза и посмотрел на меня, и в меня влились готовые мысли. Я сразу стала знать, что он инопланетянин, пришелец с какой-то далёкой планеты, жители которой разговаривают на древнегреческом языке, но разговаривают редко, потому что пользуются прямой передачей мыслей и чувств. Они достигли высокого уровня развития и уже тысячу лет, как вышли в Космос. Они ищут свою родину, потому что они не коренные жители своей планеты. Их древние мифы рассказывают о далёкой земле, на которой они жили раньше, пока боги не переселили их на другую планету. Они исследовали многие миры, встретили чужую жизнь и чужой разум. И вот теперь он нашёл их древнюю родину, он нашёл планету, жители которой знают древнегреческий язык – язык предков.

У меня закружилась голова, и тогда он сказал, не передал мысль, а сказал вслух: «Люди Земли непривычны к передаче мыслей. Но теперь ты знаешь главное и теперь я буду говорить вслух. Я хочу о многом поговорить с тобой». Он расспрашивал меня о Земле. О её истории, о жизни людей. Сначала мы говорили на древнегреческом, но на этом языке нам не хватало слов. Ведь это древний язык, в нём нет очень многих понятий, ставших для нас привычными. Я обучила

его русскому языку. У него феноменалвная память и природная способность к языкам. Но только... как бы это сказать... он воспринимал язык иначе, чем мы. Слишком формалкно, что ли. Научно-технические тексты он читал стремительно, переворачивая страницу за страницей. Со стороны казалось, что он просто перелистывает книгу. Особенно он любил читать математические трактаты, хотя сам говорил, что всё это ему знакомо, и что в математике его соплеменники продвинулись много дальше землян. Но как только дело касалось художественной литературы, начинались непреодолимые трудности. Он почти совсем не понимал метафор и аллегорий. Видимо весь строй его мышления был иной, чем у нас.

7 ноября 1981 года

15. Всё утопить

"Фауст Всё утопить. Мефистофель Сейчас. (Исчезает)».

А.С.Пушкин

Планета Земля. Северное полушарие. Столичный город. Шестнадцатый этаж. Квартира. Кресло в углу.

Вечер. Осень. Двадцатое столетие от рождества этого авантюриста. Мир праху его.

Из своего угла муж видит, как жена откладывает книгу и потягивается всем телом. Тахта поскрипывает. Тело выгнуто дугой — новомодная йога. Волосы вороной гривой рассыпались по покрывалу. Пуговица на блузке не выдерживает и отлетает мелкой пулей, звенит хрусталём люстры. Жена садится.

- Мне скучно, бес.
- Пойди развейся. Я буду скучать в этом углу, в этом кресле. Мне лень подниматься.
- Я ненадолго. Хочу подышать свежим воздухом. Погреться у свежего огня.

Жена подходит к зеркалу, разглядывает себя. Накидывает на шею ожерелье из огненно-красных кораллов. Достаёт из шкафа метлу. Подходит к окну.

- Зачем метла? Возьми лучше такси. Ещё заметит кто-нибудь.
- Никто не заметит сегодня луны нет. Да и плевать! Не могу на такси– от бензина тошнит.

Жена вылетает в окно, и бес остаётся в одиночестве. На душе серая тоска и мировая скорбь. Очень хочется что-нибудь разрушить, сжечь, утопить... Бессмысленно. Боги уходят. Они, видите ли, разочаровались. Им, видите ли, не нравятся тенденции. Они, видите ли, считают их необратимыми. Люди им, видите ли, не нравятся. Можно подумать, они мне нравятся. Чистенькими хотят быть. Как же!

Они такие благородные, такие милосердные, такие скорбящие! Добро они, видите ли, сеяли. Так старались, так старались! А мы им, видите ли, мешали. Теперь я же во всём и виноват буду. Про разделение добра и зла они, разумеется, забудут. С Люцифером договорятся, ему что — одной планетой больше, одной меньше. Окопался в своих Гончих Псах и рассуждает об исключении, подтверждающем правило. А мне что делать? Я на этих мерзавцев, на эту пакостную цивилизацию всю жизнь свою положил. Один доктор Фауст мне тысячу лет жизни стоил. Будь он проклят, сентиментальный кретин! А всё же были, были ведь удачи...

Прометей... Ах, как хорошо он нас всех обманул. Какая сила духа, какая воля. Украсть огонь у богов! Поначалу мало кто понял, что это значит. Помню, как Зевс размахивал своим жезлом, брызгал слюной и кричал: «Блокаду! Блокаду — на всю планету!» А этот дурак Морфей повсюду носился со своим гипноизлучателем и предлагал за одну ночь сделать из всех людей ангелов. Хорошо, что вовремя опомнились. Тогда я был совсем юнцом, практикантом. Пошёл и сказал: «Вы же видите: эти люди слишком самостоятельны. Не могут они кормиться вашим готовым добром. Эта пища слишком пресна для них. Разрешите, я покажу им зло. Попробуем действовать от противного». Сначала и слушать не хотели...

И всё же что-то мы не учли, чего-то недопоняли. Конечно, были удачи: святые, еретики, философы, революционеры... Но Прометей оставался единственным — никто не сравнялся с ним, и при всём при этом шло развитие, кривая упорно лезла вверх. И что в результате? Каков, так сказать, итог?...

Мефистофель поднялся с кресла, включил телевизор. Передавали международные новости. С экрана стреляли автоматы. Звучали слова о патритизме и происках врага. Летели самолёты и сбрасывали свой груз на землю. Учёный рассказывал о последствиях взрыва нейтронной бомбы. Рассказ сопровождался мультипликационными чёрными грибами атмосферных взрывов. Сыпались бесстрастные цифры. И снова стреляли автоматы. И снова звучали слова о патриотизме, интернационализме, солидарности, борьбе за мир и происках врага...

Мефистофель выключил телевизор и сел в кресло.

5 ноября 1981 года

16. МЫ СМОТРИМ...

Мы маленькие, зелёные, глаза как блюдечки. Из тарелки выскочили, в окно влетели, сели на подоконник. Сидим, смотрим. Дядя Вася голову на стол уронил, рюмку опрокинул, рукавом в салат попал. Дядя Вася голову поднял, на нас посмотрел, головой замотал. Глаза протёр и заплакал.

Дядя Вася говорит:

– Докатился... до зелёных чертей докатился... эх, проклятая...

Дядя Вася в нас подушкой кинул. Мы маленькие, зелёные, проворные, реагируем быстро. На шкаф прыгнули. Сидим и смотрим. Дядя Вася плачет и водку пьёт, нам пальцем грозится.

Дяди Васина жена приходит и на дядю Васю кричит. Потом нас увидела и крестится. Веником на нас машет и кричит:

- Кыш! Кыш! Проклятые...

Мы маленькие, зелёные, мы веника не боимся, вреда не причиняем. На люстру прыгнули. Сидим и смотрим.

– Господи, помилуй! – говорит дяди Васина жена. – Что ж это делается?

Мы маленькие, зелёные, в окно влетели, на кульманы сели. Сидим и смотрим. Конструкторы всполошились, одна женщина в обморок на стул упала. Начальство в сторонке стоит, решение принимает.

Инженер по технике безопасности говорит:

Это не по моей части, раз они чертить не мешают, химической,
 электрической и радиационной опасности не представляют.

Пожарник говорит:

– Как лягушки сидят... но вроде бы самовозгоранию не подвержены. Не по моей части. А главный начальник говорит:

– Так нельзя рассуждать поверхностно. Надо изловить экземпляр и отдать в соответствующие инстанции для исследования. Вскроют, посмотрят, изучат, тогда и выводы делать можно будет.

А может быть, они вообще искусственные, — говорит заместитель по режиму, — роботы какие-нибудь. Оттуда...

И заместитель по режиму кивает головой через левое плечо назад:

– У нас, товарищи, всё-таки режимное предприятие. Надо принять меры.

Все бросились нас ловить. Мы маленькие, зелёные, химической, электрической и радиационной опасности не представляем, самовозгоранию не подвержены, очень ловкие, скользкие и увёртливые. К потолку прилепились и вниз смотрим. Люди в азарт вошли. Прыгают, на стулья взбираются, за стремянкой побежали в соседний отдел. А в соседнем отделе то же самое творится. Мы маленькие, зелёные, во всех отделах появились. Вреда не причиняем, сидим и смотрим.

Мы маленькие, зелёные, глаза как блюдечки. Из всех тарелок выскочили, везде появились, сидим и смотрим. Про нас газеты пишут, что мы шпионы вражеского государства. Газеты ошибаются, мы во всех государствах появились. Мы в церквях, мечетях, синагогах и храмах появились и смотрим. Люди, которые верят в бога, очень встревожены и говорят, что настаёт конец света и мы его гонцы. Мы маленькие, зелёные, не гонцы, мы сами по себе. Научные люди комиссии образуют, в контакт с нами вступают. Теперь все говорят, что мы инопланетяне и прилетели контакт устанавливать. Мы маленькие, зелёные, контакт не устанавливаем. Только смотрим. Научные люди нам карточки показывают, звуковые сигналы подают. Два сигнала — пауза — ещё два сигнала — пауза — потом четыре сигнала. Это значит 2х2=4. Это мы знаем. Таблицу умножения мы всю знаем.

Мы маленькие, зелёные, в кабинет министров через вентиляцию влетели, потому что окна всегда закрыты. Мы сидим и смотрим. Телохранители нас выгоняют, но мы проворные очень, нельзя нас поймать.

Референты с нами разговаривают:

– Поймите, уважаемые инопланетяне, у нас проходит сугубо закрытое совещание. Мы всегда придерживаемся правила невмешательства во внутренние дела друг друга. Мы вас просим покинуть помещение.

Мы маленькие, зелёные, помещение не покидаем, в дела не вмешиваемся, только смотрим.

Министры недовольные очень.

Про нас газеты пишут, телевидение показывает, и радио говорит. Мы вмешиваемся во внутренние дела Земли. Мы подрываем основы общества. От нас надо защитить личную жизнь граждан и секреты государства. Мы маленькие, зелёные, не вмешиваемся, не подрываем. Мы только смотрим, не говорим, не пишем, не действуем. Мы только смотрим и увёртываемся. Мы очень проворные.

Научные люди проверяют на нас химические, электрические и радиационные воздействия. Мы не любим воздействий, мы от них увёртываемся, мы их не боимся.

Военные люди эвакуируют районы и бросают туда бомбы. Мы маленькие, зелёные, очень не любим бомбы. От бомб трудно увёртываться. Военные люди всё бросают и бросают бомбы. По ошибке бомбы иногда попадают в свои и чужие неэвакуированные районы. Государства обижаются друг на друга и в отместку нарочно бросают бомбы в неэвакуированные районы. Нам маленьким, зелёным, глаза как блюдечки, становится очень плохо от этих бомб.

Мы маленькие, зелёные, покидаем Землю. Земля горит от бомб. Мы маленькие, зелёные, уже далеко-далеко. У нас глаза как блюдечки, мы хорошо видим. Земля горит и горит. Почему Земля горит? Ведь мы маленькие, зелёные, уже далеко-далеко. Мы смотрим очень-очень издалека. Мы только смотрим. А Земля всё горит и горит. Мы маленькие, зелёные, не понимаем...

1981

17. ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

из истории первобытно-общинного строя

Когда человек произошёл от обезьяны, он всё стал делать из камня. каменные топоры, каменные делал ножи И каменные наконечники для стрел. С каменным топором человек охотился на зверей, стрелами с каменными наконечниками стрелял в птиц, а каменным ножом выкапывал съедобные корешки. искусства достиг человек в обработке камня. Начали уже появляться каменные украшения, но тут произошёл прогресс. Дело было так.

В одной первобытной общине жил юноша с задумчивым взглядом. Шёл юноша на охоту с мужчинами, натягивал тетиву лука и задумывался: почему птица летает, а человек не летает? Шёл юноша в лес за съедобными корешками, увидит корешок и задумается: почему корешок всю жизнь на одном месте растёт, а человек постоянно передвигается? Шёл юноша собирать камни вколо больших валунов, что оставил Великий Ледник, садился на валун и думал: почему это люди все делают из камня?

Много раз задумывался юноша и в конwe концов сделал открытие. А так как в первобытно-общинном строе всё бѕло общим, то пошёл юноша со своим открытием к Вождю племени.

- Ну чего тебе? спросил Вождь, приподнимаясь с каменной своей лежанки, шедро устланной мягкими шкурами.
- Я сделал великое открытие, Вождь!
- Да ну? спросил Вождь, зевая.
- Я открыл железо! Я изобрёл способ его обработки! И юноша положил перед Вождём первые в истории человечества железный топор, железный нож и железные наконечники для стрел.
- Гм, гм, сказал Вождь, рубанув железным топором по толстому бревну.
- Полезное изобретение, сказал Вождь, отрезая себе железным ножом кусок сочного мяса от зажаренной туши дикого кабана.

- Ой! сказал Вождь, уколовшись об острый железный наконечник для стрелы.
- Да ты у нас изобретатель, воскликнул Вождь и задумался.

Вождь, как и полагается вождям, размышлял о международном положении. В последнее время соседние племена сильно досаждали Вождю своим существованием. И Вождь нахмурил брови. Случалось так, что у соседнего племени пир горой над тушей убитого пещерного медведя, а он, Вождь своего племени, глодает косточку вчерашнего кабана, потому что сегодня охота была неудачной. Вождь уже давно изобрести войну, подумывал но соседние племена были хорошо вооружены каменными многочисленны И каменными ножами и стрелами с каменными наконечниками. Тут Вождь додумал всё до конца и сказал юноше:

- Вот что, Изобретатель. Назначаю тебя главным мастером по железным делам. Бери себе помощников и чтобы через месяц, или нет, через неделю вы сделали столько железных топоров, ножей и наконечников для стрел, чтобы их хватило на всех мужчин нашего племени. Задание ясно?
- Ясно! воскликнул Изобретатель, радуясь столь быстрому внедрению своего открытия.
- Выполняй! сказал Вождь и отпустил юношу. Вождь встал со своей лежанки, заложил руки за спину и стал ходить из угла в угол своей пещеры.
- Пора, пора, размышлял Вождь вслух. Давно пора изобрести войну. А то застоялись мы в своём первобытно-общинном строе. Пора прогрессировать. Где война, так и рабы. Рабовладение это ж великий скачок вперёд!

Вождь присел на лежанку и стал сочинять послание соседним племенам. А когда кончил свой труд, позвал Колдуна племени, с которым всегда советовался по сложным дипломатическим вопросам.

Колдун вполз в пещеру на четвереньках, перекувырнулся через голову, завертелся волчком на одном месте. Колдун размахивал руками, вопил истошным голосом и драные шкуры его развевались.

 Не валяй дурака! – прикрикнул на него Вождь. – Я тебя для дела позвал. На-ка вот почитай послание.

Колдун сразу остановился, нацепил очки из рыбьих птзырей и начал внимательно изучать послание.

Вот что там было написано.

«ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ (УЛЬТИМАТУМ)

Эй ты, вонючий вождь вонючего племени! Я, Великий Вождь моего великого племени, велю тебе покориться мне. Велю тебе быть моим рабом, а чтобы люди твоего вонючего племени были рабами людей моего великого племени. Не бойся — я буду тебя хорошо кормить, если ты будешь хорошо работать.

А не то – я иду на тебя войной и убью тебя.

Даю тебе неделю на размышление».

- Ну как? спросил Вождь.
- Историческая вещь! ответил Колдун. Какой точный и образный слог. Только подписи не хватает.
- Сделаем. Надо размножить в четырёх экземплярах. Три отослать соседним племенам, а копию себе оставить.
- Ничего не получится, сказал Колдун.
- Это ещё почему?
- Так ведь письменность ещё не изобретена.
- -Ах ты чёрт! Совсем забыл.
- Пошлём гонцов. Пусть текст наизусть выучат.

—Так и сделаем, — согласился Вождь. — А теперь, Колдун, попрыгай немного, покрутись. Всё ж таки ты представитель религии — надо форму соблюдать.

И Колдун стал прыгать, крутиться и вопить истошным голосом. А драные шкуры его развевались, открывая белое лайковое нижнее бельё.

.....

А юноша, которого теперь называли Изобретатель, сидел на берегу реки, притаившись за кустами черёмухи, и смотрел, как девушка соседнего племени полощет шкуры в воде. Давно уже приметил он эту девушку, не первый раз наблюдал за ней из-за кустов черёмухи, но всё никак не решался заговорить с ней. У девушки были красивые длинные волосы, высокая грудь и такая тонкая талия, что Изобретатель про себя называл девушку ласково: *Муравьишко*.

А когда девушка ушла, юноша ещё долго сидел на берегу и смотрел на воду. Сначала он смотрел просто так, мечтая о девушке. А потом начал задумываться.

.....

Первобытные воины шли ровными рядами, потрясая железными топорами и железными ножами, и в колчанах у них позвякивали стрелы с железными наконечниками. Вождь сидел на вершине холма, положив ногу на череп дикого кабана. Вождь руководил сражением. Рядом стоял Колдун и давал советы. Гонцы бегали туда-сюда.

Тут подошёл Изобретатель и сказал:

- Я сделал ещё одно великое открытие!
- Ну-ка, ну-ка, заинтересовался Вождь.
- -Я открыл закон Архимеда.
- А что это такое?
- Я установил, что, если тело погрузить в жидкость, то вес вытесненной жидкости будет равен весу тела.

- Ну и что? недоумевающе спросил вождь.
- Что что?
- Польза-то от этого закона какая?
- Я не знаю.
- Слушай, Изобретатель, иди-ка ты отсюда. Видишь сражение идёт, а ты тут со своими бесполезными законами мешаешь.

И Вождь продолжил руководство сражением.

А юноша, понурив голову, побрёл куда глаза глядят. И прибрёл он на берег реки. На то место, где открыл закон Архимеда.

А на берегу происходили второстепенные стычки побеждающих воинов с железными топорами и железными ножами и людьми соседнего племени. Среди этих людей было совсем немного мужчин, защищавших женщин и детей, сбившихся в кучу. Мужчин быстро перебили железными топорами и железными ножами. Женщин и детей стали брать в плен.

И тут одна девушка выскочила из толпы и побежала вдоль берега. Длинные и красивые волосы девушки развевались по ветру, грудь высоко вздымалась. В погоню за девушкой бросился воин с железным топором. Девушка бежала прямо на Изобретателя, скрывавшегося за кустами черёмухи. У девушки была очень тонкая талия и Изобретатель понял, что это бежит его Муравьишко. Изобретатель выскочил из кустов, схватил девушку в охапку и крикнул подбежавшему воину:

- Не тронь её! Она моя.
- Ну и ладно, сказал воин. Это она к тебе бежала, а я думал, сбежать хотела. Пусть будет твоей добычей. Хоть ты и не участвовал в сражении, как настоящий мужчина, однако же ты хорошо сделал, что изобрёл железо.

И воин, не торопясь и насвистывая, вернулея к товарищам.

– Ты спас меня. Зачем? – спросила Муравьишко.

- Я люблю тебя, ответил. Изобретатель. Будь моей женой.
- Ладно, ответила Муравьишко.

И они пошли к своей пещере.

......

Итак, племя Изобретателя, Вождя и Колдуна победило своих соседей при помощи железных топоров, железных ножей и железных наконечников для стрел. И потому стало называться железным племенем. По случаю победы был устроен великий пир. Люди железного племени вовсю веселились, ели и пили. И не забывали подкармливать своих новых рабов. Колдун успешно колдовал около пиршественного костра, прыгая, кувыркаясь и вопя истошным голосом. Вождь восседал на большом валуне в улыбался всем благосклонной улыбкой.

Так закончился каменный век и начался век железный.

.....

Изобретатель позабыл о своих размышлениях, так как был всецело поглощён своей любовью к Муравьишко. Он целовал её в нежные губы, гладил её высокую грудь и расчёсывал её длинные красивые волосы. Он расчёсывал её длинные красивые волосы и вдруг увидел, как длинные тонкие волосинки прилипают к янтарному гребню, как будто они смазаны клеем. И тут Изобретатель задумался.

.....

Вождь возлежал на железной кровати, устланной мягкими шкурами, и размышлял о внутреннем положении своего племени. С внешним положением было всё в порядке: ближних соседей не стало, а дальние были далеко. Эпоха географических открытий ещё не настала и Вождь хорошо понимал это.

Вошёл Изобретатель и сказал:

– Я сделал великое открытие, Вождь!

- Почему без доклада? недовольно спросил Вождь. Стой и жди, когда я позову тебя.
- И Вождь ещё немного подумал о внутреннем положении. А потом сказал:
- Слушай, Изобретатель! Что это ты скрываешь свою Муравьишко от мужчин моего племени?
- Я люблю её, ответил Изобретатель.
- Не преувеличивай. Хоть мы и совершили большой прогресс, но любви еще рано появляться. Муравьишко молодая и здоровая женщина. Пусть рожает побольше детей от самых здоровых и сильных мужчин племени.
- Но я люблю её! воскликнул Изобретатель. Она моя жена. Я не хочу, чтобы её трогали другие мужчины.
- Слушай, Изобретатель, я тебе по-хорошему говорю: прекрати эту самодеятельность. Нечего мне тут моногамию разводить. Как ты не понимаешь: нельзя перепрыгивать через исторические эпохи. Всё должно появляться постепенно, по мере возникновения исторической необходимости. С этим вопросом всё! А теперь можешь говорить: что ты там опять изобрёл?
- Я изобрел электричество, сказал Изобретатель.
- Так, сказал Вождь и встал с кровати, и стал ходить по пещере из угла в угол, заложив руки за спину.
- Так, повторил Вождь. Ты, Изобретатель, очень опасный человек. Ты дестабилизируешь внутреннее положение. Я тебе велел изобрести железную кровать.
- Я изобрёл железную кровать, Вождь. Ты спишь на ней.
- Это верно. Но разве я просил тебя изобретать электричество? Это же совсем разные вещи.
- Но электричество очень полезно.

- Ты, я вижу, совсем ничего не смыслишь в политике. Так вот, Изобретатель, я тоже сделал изобретение. Я изобрёл тюрьму.
- А что это такое, Вождь?
- Это ты скоро узнаешь. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.

.....

Колдун вполз на четвереньках, завертелся волчком, запрыгал и завопил истошным голосом. Драные шкуры его развевались. Вождь освободился из объятий Муравьишко и сполз с железной кровати.

- Слушай, Колдун, сколько можно кривляться? Надо идти в ногу со временем. В наше время полагается делать чудеса и гадать по звёздам. А ты всё прыгаешь и кричишь, как будто у нас всё ещё каменный век. Делаю тебе последнее замечание. Мне нужна передовая религия, а не шаманские фокусы. Ты чего пришёл?
- Этот Изобретатель опять сделал изобретение.
- Прямо в тюрьме?
- Вот именно. У него там слишком много времени для размышления.
- И что же он изобрёл на этот раз?
- Говорит, что изобрёл способ, как сделать всех людей счастливыми.
- Всех людей?
- Всех людей!
- Слушай, Колдун, а разве это возможно?
- Невозможно!
- А он может?
- Может.

- -Что ж нам теперь делать, Колдун?
- Не знаю, Вождь.
- И я не знаю, Колдун.
- И я не знаю, сказала Муравьишко.

В самом деле.

Если сделать всех людей счастливыми — остановится прогрес Что ж нам делать?

22 декабря 1981 года

18. ДИАЛОГ С КОТОМ

Я спросил своего кота:

- Слушай, кот, почему ты такой ленивый?
- Что такое лень? спросил кот.
- Ну как же? Ты целый день ешь, спишь, дерёшь обои и гадишь в коридоре под дверью.
- Фи! сказал кот.
- Что значит «Фм!»?
- У меня есть мозг, я мыслю. Разве этого не достаточно?
- Конечно, нет. Надо же что-то делать.
- Зачем? спросил кот.
- Цивилизация такая штука: чтобы только оставаться на месте, надо бежать изо всех сил. Работать надо.
- Человек работает. сказал кот.
- А ты?
- А я не человек. Я кот.
- Значит, вы коты паразиты? Примазались к нашей, человеческой цивилизации и довольны?
- Цивилизация общая.
- Как это общая? Да что вы, коты, сделали для цивилизации? Ведь всё только человек сделал, а вы ничего.
- Ну и что? сказал кот.
- Что что?
- Мы существуем. Разве этого не достаточно?
- Так ведь и дерево существует, и вот этот диван, на котором ты развалился, тоже существует. И пустыня Калахари. И Марианская впадина. И Северный полюс.
- Я думаю, всё это тоже существует, сказал кот.
- Но при чём здесь цивилизация?
- А что такое цивилизация? спросил кот.
- Ну, цивилизация это общество людей, их отношения, предметы материальной культуры, производство...
- А воздух?
- Что воздух?
- Без воздуха цивилизация может существовать?
- Я тебя понял, кот. Допустим. Но цивилизация прекрасно проживёт без котов.
- Тогда я пошёл, сказал кот, встал и потянулся.
- Куда пошёл?
- К другому хозяину. Которому я буду нужен.

- Брось, кот! Не переводи на личности. Мы же в мировом масштабе рассуждаем.
- Так ты меня любишь? спросил кот.
- Ну конечно.
- Я остаюсь, сказал кот и потёрся носом о мою руку и снова развалился на диване.
- Подведём итоги, сказал кот. С моей, кошачьей, точки зрения, если ты меня любишь, и я тебе нужен, следовательно, я принадлежу цивилизации.
- А если я тебя разлюблю?
- Жалостливых людей много, уклончиво ответил кот.
- Забавная точка зрения. Но слишком эгоистичная.
- Нам, котам, эгоизм чужд.
- 333
- Я не противопоставляю себя окружающему миру Поэтому у меня нет эгоизма, альтруизма и комплексов неполноценности.
- Выходит, вы, коты, лучше нас, людей?
- Почему лучше? Мы просто другие, сказал кот.
- И что, все домашние животные так рассуждают?
- Не интересовался про всех. Собаки те по другому думают.
- А как они думают?
- Фи! сказал кот.
- Что значит «Фи!»?
- Слушай, сказал кот, чего пристал? Дай поспать. Если я буду столько болтать с тобой, когда ж я буду мыслить, то есть спать. И кот свернулся калачиком.
- Ещё минуту, кот! воскликнул я . У меня ещё вопросы есть. О чём ты мыслишь? Какая у тебя жизненная цель? К чему ты стремишься? Тебя не пугает смерть? Коты живут меньше людей. Ты ведь не читаешь книг, не смотришь телевизор откуда ты информацию получаешь? У тебя есть мечты? Ты прогрессируешь?...

Кот фыркнул, потянулся и заснул.

23 декабря 1981 года

19. ИГРАЛЬНЫЙ АВТОМАТ ДЛЯ МУЖЧИН

Сегодня утром от меня ушла жена.

Она сошла по трапу на солнечную пристань и исчезла в шумной толпе приморского бульвара.

Она оставила короткую записку.

Записка лежала на столе, придавленная моими часами.

В записке было написано:

«Всё было чудесно. Прощай».

Меня разбудили солнечные лучи, проникшие в иллюминатор нашей каюты.

Жена ушла от меня, когда наше свадебное путешествие подходило к концу.

Я был женат ровно месяц.

Это короткая история.

Я расскажу её.

Сорок дней назад я оказался в маленьком курортном городке на берегу тёплого моря.

Мои дела были закончены.

Я скучал и бесцельно бродил по улицам.

Я не люблю курортные города.

Они живут ненастоящей жизнью.

И хотя, благодаря тёплому климату и индустрии развлечений, они веселятся круглый год, кажется, что это веселье вот-вот закончится.

И наступит отрезвление.

И станет очень скучно.

Я не люблю карнавалов.

Я люблю крупные деловые города с континентальным климатом.

Однажды я оказался в парке и забрёл в зал игровых автоматов.

Старик, похожий на шкипера, продал мне жетоны.

У него была шкиперская бородка, трубка в зубах и мрачный взгляд. Не вынимая трубки изо рта, он проворчал:

– Желаю удачи.

Если говорить честно, игровые автоматы – моя тайная страсть.

Поэтому я играю очень редко.

Когда я вхожу в азарт, кошелёк мой неудержимо пустеет, какие-то мрачные страсти поднимаются со дна души, и становится страшно.

Говорят, вся наша жизнь – игра.

Возможно, но в жизни я предпочитаю играть в шахматы.

Трезвый расчёт, минимум риска и никакого азарта.

В этой игре надо слишком много думать.

Мышление убивает азарт, и кошелёк остаётся цел.

Людей в зале почти не было.

В дальнем углу стоял автомат, из которого торчала снайперская винтовка.

Автомат назывался «Меткий стрелок».

И ещё там была одна надпись, ритмично вспыхивающая красным светом:

«Только для мужчин».

Когда-то я был неплохим стрелком и даже брал призы на мелких соревнованиях.

Я опустил жетон в щель и прильнул к окуляру.

Я увидел звёздное небо и яркую точку, кружащуюся между звёзд.

Точка приближалась и превращалась в танцовщицу.

Под звуки неслышной для меня музыки она танцевала легко и красиво.

И пёстрая одежда её развевалась.

Девушка приближалась и я увидел её лицо.

Оно было прекрасно.

Это было лицо, которое я видел когда-то в редких снах.

Давно видел, в юности.

Я засмотрелся на девушку, на её танец, и она снова стала удаляться от меня и затерялась среди звёзд.

Свет погас.

Я прочитал правила игры.

Разрешалось сделать пять выстрелов.

Каждое попадание продлевало сеанс.

Тому, кто выбьет пять очков из пяти возможных, был обещан приз.

Я опустил жетон в щель.

И снова девушка с прекрасным лицом из моих снов танцевала среди звёзд.

И приближалась ко мне.

В нужный момент я прицелился и спустил курок.

Девушка на миг замерла.

Часть одежды спала с её тела, обнажив руки и ноги ниже колен.

Начался новый танец.

Более быстрый, чем первый.

Девушка стремительно неслась между звёзд под звуки неслышной для меня музыки.

Теперь я понял смысл игры.

В тот день мне удалось попасть три раза из пяти возможных.

После третьего попадания танцовщица осталась в купальнике.

И танец её стал столь буйным и быстрым, что мушка винтовки не поспевала за её движениями.

Ночью в гостинице мне снова, после долгих лет перерыва, приснился сон моей юности.

На фоне звёздного неба танцевала девушка моей мечты.

На следующий день я оказался в зале игровых автоматов.

Мною овладел азарт.

Мне становилось страшно.

Кошелёк мой пустел.

Но остановиться я не мог.

Мрачный шкипер молча кивал мне как старому знакомому и отсчитывал жетоны.

Через пять дней тренировок мне удалось выбить четыре очка из пяти возможных.

Упали последние одежды и обнажённая танцовщица закружилась в неистовом вихре безумного танца.

У меня перехватило дыхание: так прекрасна была эта девушка.

Это было очень совершенный игровой автомат.

Изображение было цветным и объёмным.

Создавалась полная иллюзия реальности.

Я подумал, что у этой маленькой танцовщицы должен быть прототип.

Я выбил четыре очка из пяти возможных.

Девушка танцевала обнажённой.

Она была прекрасна.

Но что означал пятый выстрел?

И какой ожидался приз?

Мрачный шкипер не вынимал изо рта трубки и отрицательно качал головой.

Я ждал чуда.

Видно, таков уж ядовитый воздух карнавальных городов.

Я ждал чуда.

Девушка кружилась в танце.

Стремительно мелькали её руки и ноги.

Тело было гибко и движения его были неуловимы.

Волосы развевались и сквозь них просвечивали звёзды.

Взгляд её прекрасных глаз вызывал тревогу, давал надежду и манил, манил...

В этом сумасшедшем танце всё же были короткие мгновения, когда танцовщица замирала в неподвижности, чтобы тут же пуститься в новый вихрь.

В этот миг она смотрела мне прямо в глаза.

И, наконец, я выждал этот миг и спустил курок.

Я попал в цель.

Девушка остановилась.

На её груди показалось маленькое красное пятнышко.

Оно медленно росло.

Девушка закрыла его руками и медленно опустилась на колени.

Медленно опустила голову и медленно упала на бок.

Маленькая танцовщица снова смотрела на меня.

Она смотрела долго, долго.

И свет погас медленно.

Я вышел из зала игровых автоматов и прислонился спиной к стене.

Хотелось присесть куда-нибудь, но поблизости не было скамеек.

Кто-то положил мне руку на плечо и я вздрогнул.

Мрачный шкипер вынул изо рта трубку и сказал:

– Вы выиграли приз.

Он сунул мне в руку приз и вернулся в зал.

Я долго брёл по аллеям парка, пока не нашёл свободной скамейки.

Я опустился на скамейку с таким ощущением, как будто шёл уже много дней и ночей и ноги перестали слушаться меня.

Мои ноги гудели от усталости.

Я отдохнул на скамейке и только тогда вспомнил про приз.

Я разжал пальцы: на ладони у меня лежал ключ с биркой гостиница «Олимпия».

Ключ от номера 45...

На первом этаже гостиницы «Олимпия» находился ресторан.

Оттуда доносились звуки музыки.

Она показалась мне знакомой.

Я заглянул в зал и остановился в дверях.

На маленькой сцене танцевала девушка из игрового автомата.

Она танцевала не очень быстро и она была одетой.

Как до первого выстрела.

Танец закончился.

Редкие аплодисменты.

Девушка откланялась и ушла.

Я не пошёл за кулисы.

Я поднялся на четвёртый этаж и постучал в дверь номера 45.

Танцовщица смотрела на меня вопросительно.

Я молча протянул ей ключ с биркой гостиницы «Олимпия».

Я был удивлён.

Живая, настоящая девушка оказалась столь же прекрасной, как и в игровом автомате.

Возможно, мне это только казалось.

Лица, которые мы видим в снах юности, всю жизнь кажутся нам самыми прекрасными на свете.

Мы выпили по рюмке коньяка.

Потом она стала раздеваться.

Ключ от номера 45 был одноразового пользования.

На следующий день я снова выбил пять очков из пяти возможных.

После пятого выстрела я сразу шёл к мрачному шкиперу.

Я молча протягивал руку.

Он молча подавал мне ключ.

Я предложил ей стать моей женой после первой ночи.

Утром.

Она отказалась.

Я повторил это на следующее утро.

Я повторял это пять раз подряд.

Пять раз подряд я выбивал пять очков из пяти возможных.

Я был в прекрасной спортивной форме, рука моя не дрожала и глаз приобрёл удивительную зоркость.

Я снова стал метким стрелком, каким был в юности.

Наконец, она согласилась.

Всё равно мы спали вместе каждую ночь.

У нас не было пышной свадьбы.

Тихий вечерок в обществе единственного гостя.

За весь вечер он ни разу не выпустил трубку изо рта.

Он ушёл не прощаясь.

Мы отправились в свадебное путешествие на пароходе по тёплому морю.

Стояла солнечная погода.

Маленькая танцовщица была весела и любила меня каждую ночь.

Я был счастлив,

Сегодня утром от меня ушла жена.

Она сошла по трапу на солнечную пристань и исчезла в шумной толпе приморского бульвара.

Она оставила короткую записку.

Записка лежала на столе, придавленная моими часами.

В записке было написано:

«Всё было чудесно. Прощай».

Меня разбудили солнечные лучи, проникшие в иллюминатор нашей каюты.

За иллюминатором веселился курортный городок.

Я не люблю курортные города.

3 января 1982 года

20. АССОРТИ ИЗ ФРАЗ 1981 ГОДА

- 1. 24.1.81. А-ля Кузьма Прутков. Человека, греющего руки над огнём, смело уподоблю чемунибудь древнему.
- 2. 21.2.81.

Паровоз, бегущий по рельсам, человек, курящий табак, и дела, не сделанные во вторник, имеют много общего: все они отравляют какую-нибудь среду.

- 3. Глубокомыслие сродни колодцу: если слишком долго рыть, то рано или поздно снова окажешься на поверхности.
- 4. Острым ножом легко порезаться, хотя по статистике наихудшие травмы получаются от тупых ноже:!. Вот так же ж остроумие.
- 5. 7.3.81. Из цикла «Законы природы». Действие равно противодействию. Так стоит ли стараться?
- 6. Идеальное общество подобно вечному двигателю: и то и другое невозможно построить, но очень хочется.
- 7. Разбитые иллюзии подобны разбитой чашке: жалко не чашку, а нарушенную целостность сервиза.
- 8. В жизни каждого человека наступает время, когда он освобождается от иллюзий. Потом проходит и эта иллюзия.
- 9. 9.3.81.

Жизнь очень похожа на игру: и то и другое заполняет время. Ведь игра ведется не с целью выигрыша, также как жизнь делается не с целью смерти. Сказать наоборот было бы точнее.

- 10. 10.3.81.
  - Воспоминания необходимы для размышления, как печка для танца.
- 11. Интересы что деньги: их нужно вкладывать, чтобы они постоянно обращались, чтобы был капитал.
- 12. 8.4.81.

Величайшая способность человеческого сознания — видеть то, чего нет, даже в том, что есть.

- 13. Глубина мышления определяется числом отброшенных иллюзий.
- 14. Мы говорим о разносторонности, гармонии и совершенстве. А не появится ли у человечества специализация в связи с вступлением в Галактический Союз Цивилизаций?

- 15. Нетерпимость есть следствие либо предрассудков прошлого, либо избыточного стремления к идеалам будущего. Это и понятно: осуществляясь, идеалы становятся предрассудками.
- 16. Терпимость прекрасное слово. Оно происходит от глагола «терпеть» в смысле «сдерживаться», то есть делать вид, что тебе нравится то, что тебе совсем не нравится. Говоря иначе, лицемерить. Общество, построенное на терпимости, оказывается столь же плохим, как и общество, построенное на нетерпимости.
- 17. Непреодолимое стремление выискивать в истории тенденции правильные и неправильные порождает хронический шовинизм. «Хронический» от слова «хронос»: это время прогрессивное, а это время реакции.
- 18. 19.6.81.

Вот говорят, человек бесконечен. Каждый человек — это целый мир, вселенная. Так ли уж сложен человек в действительности или это иллюзия самосознания? Если два зеркала поставить одно против другого, то получается бесконечный коридор, анфилада комнат. Но это иллюзия взаимоотражения. На самом-то деле есть всего лишь два зеркала.

- 19. Специализация. А может быть человек должен быть универсальным для того, чтобы лучше приспосабливаться к новым специальностям?
- 20. Идеал, к которому мы стремимся, хорош лишь до тех пор, пока немногим удаётся его достигнуть. Точнее никому.
- 21. 1.7.81.

Вот вопрос: война ли есть продолжения политики другими средствами или наоборот: политика есть продолжение войны другими средствами?

22. 5.8.81.

Мораль — это правила поведения, обязательные для всех людей, кроме тех, кто осуществляет нравственный прогресс человечества.

23. Изучая историю человечества, прихожу к выводу, что в ней совсем не было ничего, что в конечном счёте принесло бы вред человечеству. Например, Герострат. Какой вред он принёс? Ну, сжёг один храм. Зато какой классический образец! Какой наглядный пример, использованный в тысячах философских трудов, в литературе двух тысячелетий! И не забыт до сих пор. И дальше будет приносить пользу!

- 24. Если собрать все виды интеллектуальной моды, моды морали и т.п. воедино и превратить из моды в сущность человека, то не получится ли тогда человек будущего? Ведь и мода («пена») есть выражение сущности.
- 25. Вот вопрос: А так ли уж верен критерий времени? Всё ли забыто, что следовало забыть, и всё ли мы помним, что следует помнить?
- 26. 6.8.81. Из серии «Исторические тезисы». Не бывает справедливых и несправедливых войн.
- 27. Всякое оружие наступательное, ибо оно убивает.
- 28. «Чужеземное иго» не есть историческое понятие, но понятие моральное, причём сия мораль ограничена границами угнетённого государства в пространстве и сроком его существования во времени. Жаль, что реальная история опровергает этот прекрасный тезис.
- 29. Когда народ А покоряет народ Б без сопротивления, человечество сохраняется. Когда народ А нападает на народ Б и последний «погибает, но не сдаётся», человечество уменьшается наполовину. Когда два народа взаимно истребляют друг друга в большой войне, человечество исчезает с лица земли. Когда народы живут в вечном мире... Но когда это было?
- 30. Кант прав. Идеалы это не то, что есть, и не то, что может быть, и не то, что будет, а то, что должно быть.
- 31. Беспристрастие историка есть оборотная сторона и следствие его пристрастия к единому Человечеству. Но иногда историк должен быть пристрастным, чтобы в одиночку перетянуть инерцию сложившегося пристрастного противоположного мнения иначе стрелка весов не остановится на нуле. Так рождается историческая ложь.
- 32. Марксизм дал общие законы развития каждого отдельно взятого человеческого общества. Но каковы законы развития единого Человечества, состоящего из этих обществ? Электрон выбивает из молекулы люминофора свет, и на это есть свои законы. Но мы видим на миллионы молекул, на экране телевизора мы наблюдаем нечто совсем другое.
- 33. 10.8.81.

Правящая партия обычно менее фанатична оппозиции. Власть, как известно, развращает и предрасполагает к политическому маневрированию, интриганству, компромиссу и почиванию на лаврах, но отнюдь не к самоотверженной преданности идее.

Правда, власть имущие могут с успехом восполнять недостаток фанатизма широким применением карательных мер.

34. 18.8.81.

Развитие единства человечества идёт за счёт уничтожения всех прочих единств: семьи, классов, государства, наций и т.п.

35. 24.8.81.

Почему юмора нет в философии, нет в религии, нет в морали, нет в политике? Юмор находится в вечной оппозиции.

36. 25.8.81.

Мораль, любая мораль – аморальна. Ибо она делит людей, а их нужно объединять.

37. 29.8.81.

А может быть современные национальные культуры надо не развивать, а сохранять? Как культуру Древнего Египта.

38. 2.9.81.

Инопланетяне нужны для того, чтобы почувствовать единство человеческого рода. Для инопланетянина мы все — чужие, и, тем самым, друг для друга мы все — свои.

39. 19.9.81.

Имеет ли информация стоимость? В отличие от материального предмета информацию можно копировать практически бесплатно. А сам труд стоимости, как известно, не имеет. Можно считать, что человек будет производить только информацию, хотя для её производства могут потребоваться материальные предметы (синхрофазотрон). Такое смещение и переворачивание акцентов вынуждает по-новому ставить вопрос.

40. «Об изначально злом в человеческой природе».

Нравственное совершенствование общества заключается не в искоренении зла, а в том, что для удовлетворения своих естественных порочных потребностей человеку приходится делать всё больше и больше добра. Впрочем, естественность потребности ставит её по ту сторону добра и зла.

41. 27.12.81.

Музыка есть способ организации нашего внутреннего мира. Отсюда её глубокое и неформализуемое воздействие на человека. Хаос сознания подчиняется ритму и мелодии. Особо упорядоченные куски называются мыслями. С другой стороны, говорят о музыке космических сфер, то есть о музыке мира внешнего.

Музыка создаёт настроение. Настроение есть точка отсчёта, холм, с которого открывается та или иная перспектива.

42. Человечество есть вакуум. Не вакуум Ньютона, пустота, означающая ничто, а вакуум современных физических теорий, рождающий сгустки энергии — элементарные частицы. Одни частицы живут миллиардные доли секунды, другие, подобно электрону, протону, нейтрону, Платону, Шекспиру, живут практически вечно. Хотя и вечные частицы можно уничтожить в соответствующих реакциях.

всё остальное слишком длинно, чтобы считаться фразами.

18 января 1981 года

21. СТИШКИ 1981 ГОДА

18.1.82

Заварю себе я чаю, Закурю табак/ Посижу и помечтаю Просто так.

Без нужды, без всякой цели, Ну их к бесу. Не от грусти и веселья, Не от стресса.

Очень долго длится мысль Ни о чём. Я скажу ей грозно: "Брысь!" Вот и всё. Не кушает котлетки И "мяу" не поёт, Сидят на табуретке Огромный чёрный кот.

А если мне заснуть Охота вдруг придёт, Ложится мне на грудь Огромный чёрный кот.

Когда сажусь за ужин, Он лапу мне суёт. На что, скажите, нужен Мне этот чёрный кот?

Солнце яркое, небо светлое, море синее, Камни тёплые, камни тёплые, камни тёплые Подо мной.
Ох, не вижу я, ох, не слышу я, ох, не знаю я, Дайте, господи, дайте, господи, дайте, господи, Полежать!

Да, я могу писать программы, ну и что?
Ведь это же не главное уменье, Зачем не платят денег мне за то, Что я живу!
Я мыслю!

Я венец творенья!

О чём поёт нам ветер Зимою за окном, Когда при лунном свете Сидим с тобой вдвоём?

Молчим и смотрим просто На тёмный лес, на снег. Вон ель большого роста, Как будто человек.

Он к нам стоит спиною. А вдруг он повернёт? Хотя с одной ногою До нас он не дойдёт.

Ты тоже смотришь тихо, Дыханье затая. Какое видишь лихо? Такое же, как я?

Идёт тепло от печки, И тебя тепло, Не скажешь ни словечка, Я тоже не трепло.

Уж поздно, все уснули, Уставши от забот. Как ветер свищут пули. Ах нет, наоборот.

Сидим мы у окошка. В углу скребётся мышь. Спасибо тебе, кошка, За то, что ты не спишь. В окружении строений Защищенный от ветров, Жил он много поколений, Многих пережил жильцов.

Был он зимний и весенний. Болен был и был здоров. И не ведая сомнений, Был грозою для врагов.

Обо всём имел сужденье. Всем давал приют и кров. И не делал разделенья На детей и на отцов.

Видел взлёты и паденья. Умных знал и дураков. Но снесли без сожаленья Самый старый из дворов.

Космическо-лирическое

От звезды и до звезды Долог путь паденья Сквозь угрюмые ряды Гамма-излученья.

От звезды и до звезды Свет рассеян в клочья, Так недолго до беды Под покровом ночи.

От звезды и до звезды Световые годы. Жизнь выходит из ... Матери-природы. Жизнь - загадка. Ищи искомое! Срок отмерен

и мы живём.

Время – гадкое Насекомое, Пожирает

года живьём.

.....

Как легко я стал бы жить, Если б бросил я курить, Водку пить бы перестал, И на воздухе гулял.

Занялся бы понемногу Карате и хатха-йогой. Подымался бы с зарёй, Бег освоил бы рысцой.

И для пущего здоровья Молоко бы пил коровье. Вот тогда бы, чёрт возьми, Написал бы я стихи с хорошими рифмами!

Зафрахтую я ракету И однажды утром рано Полечу к своей планете До Альдебарана.

Припланетюсь спозаранку Среди розовых цветов. Выйдут инопланетянки, Пухлые от снов.

Вся покроется планета Мятой розовой травой. Сяду я потом в ракету И вернусь домой.

Мне говорят: кончай вымучивать, Пора ложиться спать. А я сижу задумчивый Из при-н-ци-па. За машинкой я балдел, Сидел и корчился. В глубине меня назрел Кризис творческий.

.....

В царстве чистого мышленья, В мире мыслей бесподобных Я лечу такой свободный, Как свободное паденье. Мы сидим втроём за чаем, Разговоры говорим. Мимоходом, невзначай То ругаем, сё хвалим.

.....

"<u>Песенка</u>"

Какой большой туман, Какая слякоть. Бей громче, барабан, Не надо плакать.

Какой большой туман, Как мало света. Бей громче, барабан, Не жди ответа.

Какой большой туман, Как тяжко дышит. Бей громче, барабан, Нас не услышат Какой большой туман, И нет дороги. Бей громче, барабан, Гони тревоги.

Какой большой туман, Я в нём как страус. Бей громче, барабан, Не делай пауз.

Какой туман, и нет пути,

и нету цели.

Бей барабан, бей и не жди, бей на пределе.

День с утра неестественно светел, Редкий снег пролетел вдоль окна. В стены дома ударился ветер И упал, и опять тишина.

Я сижу в опустевшей квартире, Я сегодня свободен от дел. Эту паузу я не планировал, Не готовился к ней, не успел.

Память, сразу свободу почуя, За собою меня позвала. Дни прошедшие, не сортируя, В беспорядке со дна подняла.

Дни бумажными листьями кружат. (Это штамп, но для рифмы он нужен) Лица, руки, глаза, голоса... В отдаленьи всё кажется чуждым, Как нейтральная полоса.

Ищет память начала, истоки. (Эк меня! Что за чушь я понёс!) Строит в прошлое тоненький мост. Непонятны её мне намёки, Неразборчив печальный вопрос.

Что там в прошлом: надежды, потери? Просто пыль, паутина и сор. Слушай память: тебе я не верю. И закончим на том разговор. (Надо сделать уборку квартиры, Вымыть пол и почистить ковёр).

Не стирается бельишко, Не готовится обед, Кадрия читает книжку — Настроенья что-то нет.

Муж зевает, спит сынишка, Тихо бродит чёрный кот. Кадрия читает книжку. Отдыхает от забот.

Муж зовёт лениво: слышь-ка, Встань — расправлю я кровать. Кадрия читает книжку, Не желает отвечать.

Притаилась, словно мышка. На подушке голова. Кадрия читает книжку на странице сорок два.

Ночь накрыла город крышкой. Баю-башки-баю. Кадрая читает книжку. Не будите Кадрию! Мы зимой для нашей кошки Травки сеяли немножко. Травке выросла зелёная. Кошка ходит недовольная:

Я не лошадь, не овца,
Есть не буду я овса.

Говорим мы кошке мирно:

– В этой травке витамины.

Чтоб зимою не болеть,

Надо кошкам травку есть.

Но старались мы напрасно, Кошка фыркает ужасно, И на травку не глядит – Мясо сцапать норовит.

.....

ОГРАБЛЕНИЕ /"песенка"/

Не кричит петух "кукуреку". Не играют кони на лугу. Что ж это случилось, не пойму, Что, куда, зачем и почему?

Не бежит собака по двору. Не шумит берёза на ветру. Птица не взлетает в вышину. Волк не воет ночью на луну.

Не сверкает молния в грозу. Не найду у прявязи козу.

Я от этих "не" уже кричу. Я такого очень не хочу.

Неужели это наяву, Кто-то всю повыдергал траву. Затоптали, гады, борозду. Неужели это не в бреду?

Поломали новую пилу. Корм не дали моему ослу. Набросали мусор на полу. И в углу оставили золу.

Что ж это случилось, не пойму, Что, куда, зачем и почему?

.....

Из окна своей квартиры Я гляжу на мир. Дом жилой, многоквартирный Отрезает крышей криво Неба синего кусок

Что ж увидеть можно Из окна кухонного? Только окна и балконы, Только стены серые. Оттого, наверное. Скучно и тревожно.

Том 5: «Карьера Иоганна Бура». Полное собрание 2. 3.8.81 – 30.7.82

На душе ненужная Маята.

В голове печальная

Пустота. Дотянуть до ужина, Доползти до спальни. Утром быть разбуженным Мыслью гениальной. С мыслью небывалой, С ощущеньям свежим День начать сначала, будто ещё не жил.

Вдруг забыть нахально Всё и всех.

Совершить нечаянно Какой-нибудь грех. Что-нибудь решительно

Прекратить.

Истин удивительных Парочку открыть.

Словно бы играючи Создавать шедевры.

Жить припеваючи,

Беречь нервы!

По весне запылённые окна Вымыть чистой водой. Неба синюю свежесть Поглубже вдохнуть. Дверь открыть, Из подъезда уверенно выйти. По дороге идти В направлений леса.

Чёрный снег обходить стороной, Проклинать непролазную грязь. Вдруг увидеть пучок Прошлогодней травы. Запылённый, колючий, сухой. Волноваться без всякой причины, Обнаружив набухшие почки. И подолгу стоять над листочком, Самым первым, зелёным.

Так бродить, удивляясь и не понимая. Ноги талой водой промочить И вернуться домой. Сесть за письменный стол И стихи написать. Покачать головой, закурить, чай попить, пролистать хронику политических событий в сегодняшней газете и приступить к работе

Мы говорим ка резных языках,

Но это только полбеды.

Мы говорим о разном -

Это тоже полбеды.

А вся беда

В простом и глупом факте:

Мы разные.,.

Мы разные, но всё же есть надежда,

Поскольку есть

Ещё один простой и глупый факт:

Мы люди...

.....

Как будто в пустоте.

Как будто в вакууме под колпаком:

Кричишь и тебя не слышат.

и старательно выкачивают воздух.

И бродят бледные тени

И воздух сереет.

И всё неправда и всем до лампочки.

Скука...

Мудрец, познавший истину,

И заболевший от этого болезнью неизлечимой,

И думающий,

Будто все больны, а он здоров.

Мудрец глуп,

Но зато спокоен.

Истина не стоит и ломаного гроша.

Любая истина.

Подите прочь!

Пусть мир провалится в мусорную яму.

Там ему будет тепло и уютно.

Во имя истины

Командуют "Пли!"

Человек кричит: Верую!

Ая не верю.

На каком основании он верует?

Так же не честно.

Он верит, что верует –

Так будет точнее.

Бог с ним!

Чёрт с ним!

Аминь...

Я болен был и жертвы сну Покорно нёс и не заметил, Как шар земной, пробив весну, Вкатился в солнечное лето.

Прощай, бетонный микроклимат! Я из простуженных миров Иду за псом по кличке Фима В просторы парковых лесов.

Иду, шатаясь и вздыхая, С трудом руками раздвигая Тугую света пелену. В изнеможеньи на траву Я опустился и вдохнул такую кучу кислорода. Что закружилась голова И мой несчастный мокрый нос От удивленья стал курнос. Мгновенно высох и почуял, Почуял запахи лесные...

.....

Из чего изготовлено утро?
Из небесного перламутра.
Из летящего медленно снега.
Из звезды под названием Вега.

Из чего изготовлен день? Из движенья, движенья, движенья... Из цехов, кабинетов, кают. Из летящих по кругу минут.

Из чего изготовлен вечер?
Из волненья негаданной встречи.
Из уюта домашних огней.
Из проверенных старых друзей.

Из чего изготовлена ночь. Когда сон отлетает прочь? Из того, что давно забыто. Из того, что ещё не открыто. Из далёких разумных миров. Из учёных, поэтов, воров.

А теперь я спрошу, ради шутки: Из чего изготовлены сутки? И отвечу, всё так же шутя: Из меня.

Я вышел из метро: народ торопится, болтается без дела и по делам спешит. У Пушкина, отдельно от толпы стоят все возрасты, свиданию покорны, стоят все вместе, каждый по себе. Должно быть за ночь снегу намело и в нём уже проложены тропинки, вокруг поэта кружатся они, как паутинка. Дворники ещё, наверно, не проснулись в это утро. И я себе тропинку выбрал, по ней пошёл, поэта обошёл, спустился по ступенькам торопливо и дальше вниз, к подножию "России" иду спокойно, быстро, аккуратно. В дублёнке аргентинской, в сапогах французской фирмы, в шапке меховой в перчатках лайковых чьего-то производства. несу портфель профессорского вида из кожи польской сэвовской свиньи. Вот перекрёсток: волги, жигули, машины иностранных дипломатов, автобусы с туристами застыли по обе стороны движенья моего. Иду меж ними я по-деловому, всем видом демонстрируя своим суждений независимость и взглядов, достаток прочный, прочную карьеру, достигнутое в мире положенье, зарплату, премию, надбавку, уваженье коллег и перспективы проддвиженья, жену удачную, удачную квартиру, должно быть телефон поставят скоро... иду с благословенья светофора. Ну и так далее.

22. Стишки. Плыли пираты по синему морю.

5.2.82

Плыли пираты по синему морю, Пили вино и курили табак. Главный пират с молчаливым укором Крикнул: "Да кто ж это делает так?!"

Трюмы набиты золотом были: Каждому ровный достался пятак. Главный пират им сказал: "Как вы жили! Разве же так поступает моряк?!"

Чистили пушку пираты от пыли, Сыпали порох, промокший от слёз, Главный пират прошептал: "Вы забыли Дать мне ответ на последний вопрос!"

Все на прощанье его обнимали, Каждый на память дарил сувенир. К жерлу у пушки его привязали. Молча плечами пожал канонир.

Ели пираты масло без хлеба, Пили табак и курили вино. Главный пират, улетая на небо, Тихо вздохнул: "Мне теперь всё равно".

23. Мой друг и учитель – Старый Гриб

Мой друг и учитель — Старый Гриб — бывало, говорил так: «Что с того, что я червивый? Так уж придумала природа: у тебя в голове шевелятся извилины, а у меня — черви. Важна суть. Надо смотреть в корень. Мой корень — грибница — протянулся по всему лесу. Это старый лес, и род мой древний. А где у тебя корень? Так просто — порхаешь по поверхности».

Сейчас зима, и Старый Гриб умер. Но грибница осталась. Я знаю: наступит весна, наступит лето, и под старой сосной вылезет из земли мой друг. Вы скажете: это будет другой, молодой гриб. Но это не так, ведь корень всё тот же. И мы продолжим наш спор.

А пока за окном тёмный вечер, и падает снег и я, после ванны, кутаюсь в тёплый халат, я готовлюсь к продолжению разговора. Быть может и грибница — там, под землёй, под снежными сугробами — тоже готовится. Я скажу: человечество — это тоже грибница, у меня есть корень, и род мой древний. Когда-нибудь я тоже умру, и вместо извилин во мне будут шевелиться черви. Что с того? Так уж придумала природа. И мой сын придёт в тот лес, к той сосне и продолжит спор. Я надеюсь, мой друг и учитель — Старый Гриб — не заметит подмены. Уж он-то знает, что всё обновляется. Конечно, кроме корня.

А ещё у меня есть собака. Это так заведено, чтобы собака была другом человека. Но я никогда не хожу к старой сосне с собакой. Я боюсь, она съест моего учителя. Но, может быть, собаки не едят грибов? Лучше не рисковать. Собака хороший друг, но она вечно ходит в учениках. Собаке одиноко, когда у неё нет хозяина. Она часто говорит мне: «Как я рада, что ты пришёл домой! Я так ждала тебя! Пойдём погуляем — смотри, какая хорошая погода!» И хотя идёт дождь, мы отправляемся гулять. Собака учит меня радоваться любой погоде.

Я люблю собак: у них тот же корень, что и у нас, людей. И мне очень жалко собак: если люди исчезнут, собаки умрут от тоски.

А вот мой кот не думает о смерти. Это потому, что он инопланетянин. Я даже думаю, он из другой галактики. Поэтому понять кота невозможно. Он обитает среди нас, людей, потому что мы единственные существа на Земле, считающие себя разумными. Там, за этими космическими зрачками, бегут неземные мысли. Человека всегда манит и тревожит тайна. Кот наблюдает за мной и не понять: одобряет

он мою жизнь, или осуждает? Ему одинаково безразличны наше добро и наше зло. Но почему же коты так любят ласкаться? Они тоскуют по своей галактике, куда им нет возврата. Быть может, она погибла в космической катастрофе. Представляете, погибла целая галактика? Я глажу кота по спине, он льнёт ко мне, но взгляд его холоден и отрешён. Где твой корень, кот? Далеко...

Человек парит, как птица. Прекрасен полёт, и пьянит высота, и ветер свистит в перьях. Птица парит не бесцельно: она ищет корм. Ей нужно регулярно есть и кормить птенцов. И ещё она ищет веточки для гнезда. Редки мгновения бескорыстного полёта. Мой друг и учитель — Старый Гриб — живёт на земле, и корень его — в земле. А мой корень? Где он, если так прекрасен полёт? Человек — как перевёрнутое дерево. Он живёт на земле, но корни его уходят ввысь. Туда, за пределы земной атмосферы, за орбиту Плутона, к границам Вселенной. Ты держись за меня, кот, мы ещё полетим с тобой в Космос. Мы отыщем твою галактику. Что-нибудь от неё да осталось! Мы возьмём с собой собаку. Космические излучения загадочны: они повлияют, и собака поймёт, наконец, что тоже разумна.

Прости нас, старый верный Гриб, мы будем навещать тебя на Земле.

Послушайте, люди, я несу вздор! Но я люблю этот вздор. [Он помогает мне понять вас, люди. [Это очень важно — понять.] Как говорит мой учитель, не важно, что шевелится, важна суть!]

5 февраля 1982

24. АКРОСТИШКИ

6.2.82.

Кто ты, девушка из мифа, Амазонка или нимфа? Дочь могучего халифа? Родом с древнего Коринфа? Или каждая из них? Я влюбился в акростих!

Ребёнок резв не по годам.
Ужасный шум, ужасный гам!
Сирена, грохот, шторм, буран,
Тайфун, цунами, ураган!
А там, глядишь, уже он стих:
Мой изучает акростих.

фортуны резвый руль вращая, Ангарских девушек смущая Разнообразием утех, Имеет он у них у всех Дипломатический успех.

9.2.82.

Красиво падает на Землю
Огонь зодиакальных звёзд...
Реальность гордо не приемля,
Онтологичнейший вопрос
Петлеобразно давит мозг:
Писать сейчас иль погодить
Евангелие от Петра?
Трансцендентально: быть — не быть?
Рационально: на хера?

25. Иммануил Бур и дорога

Утро было солнечное и он снова увидел эту дорогу. Он стоял на крыльце и смотрел. Он видел пруд с мутной жёлтой водой, потому что его недавно вырыли в глинистой почве, а за прудом огромным пузырём поднималось пшеничное поле; земля здесь вздыбилась, как будто собиралась родить что-нибудь ещё, кроме пшеницы и сорняков. Что-нибудь небывалое, титаническое. За полем виднелся лес, на границе земли и неба маняще парил лес с двумя чрезмерно высокими елями, похожими на мачты с порванными зелёными парусами. Между крыльцом и прудом проходила дорога: она начиналась от асфальтового шоссе, ровно прочерченного вдалеке, по которому двигались грузовики и автобусы, мелькали легковые автомобили, но шум их двигателей не доносился до крыльца. Дорога ныряла в деревню и тяжко ползла между домами, глубоко роя землю ЭТИХ канавах-колеях любили канавами-колеями. В буксовать колхозные грузовики и легкомысленные автомобили дачников. Но его интересовала не эта дорога, которая была понятной и привычной, которая имела ясное назначение - связывать деревню с шоссе, которое связывало с городом, в котором были железнодорожные вокзалы и аэропорты, которые связывали со всей цивилизованной частью планеты, со всеми местами, где жили люди, потому что им там что-нибудь было нужно или потому, что они привыкли там жить. Он смотрел на боковую дорогу, ответвлявшуюся от главной дороги метрах в ста от крыльца, за старой ивой. Эта боковая дорога легко скользила по поверхности земли, лишь слегка касаясь её пыльными полосами-колеями, и уводила за деревню, уводила за холм, взлетала на него и спускалась вниз, постепенно сходя на нет, теряясь и бледнея. По этой дороге никто не ездил и было непонятно, для чего она существует и почему.

Иммануил Иоганн Ибрагим Бур пошёл по этой никчемной дороге и поднялся на холм и сел на обочине в колючую пыльную траву спиной к деревне. Впрочем, и Деревня повернулась к нему спиной, выставив тощие хозяйственные зады домов и отгородившись нейтральной полосой картофельных огородов. Припекало солнце, стрекотали кузнечики, и с неба лилось много белого света, который слепил глаза и навевал сон. Иммануил Бур протёр глаза и поднялся, и тут он услышал звон и мелкие частые звуки, похожие на звуки молоточков, или на перестук копыт по асфальту, или на автоматную очередь из весёлого приключенческого фильма, или на тот особенный звук, который возникает, если бежать с палкой в руках и стучать этой

палкой по железным прутьям забора, а может быть, этот звук был похож на зубную дробь, которая выбивается от холода или страха. И эти звуки падали с неба вместе с потоками белого света, всё это сливалось вместе, в один свето-музыкальный поток. Иммануил Иоганн Ибрагим Бур поднял голову и смотрел на небо. Это было знамение бога, если бы бог был. Но бога не было, и это было знамение с неизвестным источником. Однако, Иммануил Бур не понял знамения и решил, что просто перегрелся на солнце.

Днём, валяясь на кровати на прохладной веранде, Иммануил Бур сочинял бездарные стихи про небесную кузницу, где бородатые кузнецы куют наши сны и потому, мол, с неба доносятся звуки их молоточков. Стихи шли туго и ближе к вечеру, на закате, он снова поднялся по боковой дороге на холм, чтобы подкрепить своё угасающее вдохновение. И опять ему было знамение. На этот раз в виде солнечного диска, красного приплюснутого диска, который смотрел на Бура пристально и проницательно, как всевидящее око, каковым оно и было, если бы был бог. На этот раз стояла мёртвая тишина и красный глаз смотрел безмолвно, и притягивал и отталкивал одновременно, пока не начал мигать за вершинами леса и в конце концов не скрылся за ними совершенно. Это место на горизонте тут же затянулось облаками и Иммануил Бур опять ничего не понял и решил, что это примета к хорошей погоде на завтра.

В то время Иммануил Бур был студентом Университета, где изучал чистую математику и уже начал понимать, что между математикой и жизнью нет взаимно-однозначного соответствия. Пройдёт много лет и он обнаружит, что соответствие всё же есть, и никуда от него не деться; он обнаружит это тогда, когда уже покинет чистую математику, как покидают детство, и увидит, что его прежнее понимание было пониманием чего-то совсем другого, а именно, того, что он, Иммануил Бур, никогда не был и никогда не будет гениальным математиком. Но это будет потом, а в тот месяц август его волновала не математика. Он входил в возраст, когда уже невозможно откладывать общение с девушками. Будучи от природы глупо-робким в таком общении, он прибыл в деревню с твёрдым намерением заводить знакомства и крутить романы. Созревшая физиология цинично направляла его мысли в древнем как мир направлении, в ту сторону, куда ведёт великое множество путей от прямых и широких проспектов до запутанных звериных троп. Туда, где всё берёт своё начало и находит свой конец.

В деревне молодёжи нужного возраста и пола не оказалось, зато, как выяснилось, в расположенном неподалёку дачном посёлке можно было надеяться на удачу. Один Иммануил Бур ни за что не осмелился бы отправиться в этот посёлок, но в тот вечер подобралась компания деревенских парней, которым наскучили унылые вечера на бревнах в конце деревни и они жаждали разнообразия. Уже стемнело, когда Иммануил Бур уселся на заднее сиденье мотоцикла и ухватился за талию своего приятеля, деревенского парня, имени которого впоследствии он так и не смог вспомнить. Четыре мотоцикла стояли в ряд, они взревели одновременно и один за другим рванулись с места. Бледное пятно света испуганно прыгало по дороге, железная машина взлетала вверх и падала обратно на землю и страшно рычала, дрожала, дёргалась и всё пыталась сбросить Иммануила Бура на землю, под колёса других таких же злобных машин, которые лишь при ярком солнечном свете казались послушными транспортными средствами, а ночью превращались в громыхающие чудовища, изрыгающие, если не пламя, то дым и гарь. Они неслись по дороге и слева от них стоял мрачный лес, протягивающий поперёк дороги свои корни и пытавшийся ими задержать машины, и справа от них в лунном свете мертвели поля, а над головой неподвижное звёздное небо взирало на эту гонку с полнейшим равнодушием и презрением.

Путешествие закончилось с рёвом и скрежетом на границе света и тьмы – на краю поляны, освещённой большим костром. Огонь был красным и напоминал мигающий глаз заходящего солнца. Вокруг костра сидели и стояли юноши и девушки дачного посёлка. У них был транзистор, из которого лилась танцевальная музыка; его держала на коленях девушка и всё повторяла: «Танцуйте! Танцуйте!» И они действительно танцевали: две или три пары. Они вели себя мирно и тихо, но слишком по-городскому и это злило деревенских парней, которым хотелось, чтобы на них обратили внимание, и они стали вытворять разные разухабистые штуки и отпускать разные шутки и поругиваться. Иммануил Бур присел в сторонке и видел, что времяпрепровождение дачников, походившее почти что на светский возникли было нарушено И трения. Одного раут, высокомерного юношу из дачников, что танцевал вальс в плаще болонья, собирались побить, но дело уладили. А вскоре деревенские укатили на своих рычащих мотоциклах, костёр потушили и дачная молодёжь стала расходиться по дачам.

Лишь несколько юношей и девушек и Иммануил Бур вместе с ними оказались в какой-то избёнке, которую они называли «сторожкой»,

расселись по лавкам и стали разговаривать и курить. «Я не курю» — сказал Иммануил Бур, и это была почти святая правда, потому что лишь две недели назад он выкурил первую сигарету в жизни. Это было в доме отдыха, где студентка-химичка из того же Университета учила его курить. Первую сигарету он выкурил осторожно и совсем не закашлялся, а лишь почувствовал лёгкое приятное головокружение. Но в тот же вечер он залпом, за три затяжки выкурил вторую сигарету, разыгрывая несчастную любовь перед этой химичкой, и ему стало плохо. Его мутило целых полчаса, пока он не выпил стакан холодной воды. Фактически, с этой второй сигареты он и начал курить, хотя через две недели, сидя в «сторожке», он ещё не знал этого. Но он на всю жизнь возненавидел ту химичку и жалел, что с самого начала не перенёс на неё свою врождённую неприязнь к химии.

Из «сторожки» Иммануил Бур вышел вместе с девушкой, которую звали Натали. Она сказала: «Как странно, что ты не куришь. Сейчас все курят. Ты молодец». Иммануил Бур был горд собой, хотя это была ложь: вовсе не все курили в том возрасте. Они пошли гулять на луг. На лугу стоял стог сена, и они забрались наверх. Их звали, но они не откликнулись. Они целовались и обнимались. И немного говорили. Иммануил Бур вдруг подумал о большем, и рука его заскользила по плотной ткани джинсов, но вдруг остановилась, потому что Иммануил Бур был глупо-робким в общении с девушками. И тут на него нашло затмение, и он вдруг устыдился своего поступка и сел и стал изображать раскаяние. Иммануил Бур был ещё девственником и девственницей Натали, и поэтому сумел устыдиться неизвестно чего, фактически, лишь одного своего смутного желания. Он изображал раскаяние, потому что, хотя он искренне устыдился, но всё-таки изображал это чувство, а не чувствовал по-настоящему. А девушка Натали его утешала, но он ничего не понял и утешился и даже слегка вздремнул. Когда он проснулся, Натали сказала, что он посапывал во сне. Уже светало. Он проводил её до дома и они распрощались до вечера.

21.2.82.

26. Стишки. Три коровы

Три коровы вверх ногами плавали в блюдце воды. Я спросил: - Коровы, что вы плаваете вверх ногами в блюдце воды? Три коровы отвечают, что, мол, ноги им мешают плавать в блюдце воды. Я спросил: - Коровы, что вы плаваете в блюдце воды? Три коровы отвечают, что ничто им не мешает плавать вверх ногами в блюдце воды. Я спросил: - Коровы, что вы разговариваете человеческим языком? Три коровы отвечают: - My-y-y... Я спросил: - Коровы, что вы говорите этим "Му"? Три коровы отвечают: - My-y-y... Я спросил: - Коровы, что вы, не хотите говорить? Три коровы отвечают: - My-y-y... Ждал ответа я напрасно, рассердился я ужасно, я схватил столы и стулья, я им ножки оторвал, я ногами грозно топал, по-звериному рычал. И сказали три коровы: - Что Вы волнуетесь по пустякам? И тогда я понял ясно: жизнь по-прежнему прекрасна. И, отбросив стыд и срам, я залез на блюдце сам. И, мягко покачиваясь на волнах, поднял ноги вверх...

февраль 82

27. И СТРАХ НАМ НЕВЕДОМ...

И теперь мы смело глядим в будущее. И страх нам неведом. Да, да, признайтесь; хоть вы и не верили во всё это и смеялись над предрассудками, а всё же было, было у вас какое-то такое чувство, ощущение, была какая-то неопределённость и тревога – где-то там, в подсознании, в подкорке, в мозжечке, в спинном мозге, в мышцах, в костях, в каких-то клеточках, может быть и рудиментарных, а всё-таки существующих... И нужно было регулярно смотреть в телескоп, рассматривать кратеры на Луне и кольца Сатурна. А телескопы становились всё больше и больше, и уже можно было разглядеть песчинки на Марсе. И на всякий случай придумали радиотелескоп и телескоп для ловли нейтрино: а вдруг Он неведим в обычном диапазоне? И запускали спутники, и обратную сторону Луны фотографировали – каждый сантиметр и во всех ракурсах, потому что: а вдруг ОН маленький или меняет цвет, как хамелеон, чтобы слиться с окружающей местностью. Хотя и непонятно, зачем ЕМУ сливаться? И Венера вызывала большое подозрение: с чего это она вся покрыта облаками? А что за этими облаками: а вдруг там скрывается ОН? И космические зонды, это чудо автоматики и электроники, с компьютером таким совершенным, что с ним можно было разговаривать на философские темы, а в шахматы он проигрывал только двум людям на всей планете, эти космические зонды, глаза и уши людей, спускались на Венеру, пробивали облачный слой и смотрели, слушали, фотографировали и передавали фотографии на Землю. И хотя на Венере было ужасно жарко, но кто ЕГО знает, может быть это-то ЕМУ и нравится? Но нет, не было ЕГО на Венере. И дальше, на все планеты летели космические зонды, не пропустили ни одного астероида, даже маленькие - три метра в диаметре осмотрели со всех сторон. Хотя что ЕМУ делать на таких, камешках? А космонавты, хоть и побаивались – точно, я сам слышал, что побаивались — а всё же летели и летели в космическое пространство, и на Луну и на Марс и ещё дальше. А вдруг ОН обманывает приборы и автоматы, даже такие, которые проигрывают в шахматы только двум людям на всей планете? Вдруг ОН откроется только живому человеку? Но нет – не открывался. Тысячи доказательств ЕГО отсутствия, несуществования! Bce мифы разоблачены! Bce предрассудки высмеяны! Наука бесспорно доказывает, факты подтверждают, философия игнорирует. Нет, нет, нет ЕГО! Жаль, жаль только, что звёзд так много и галактики далеко – кто-нибудь ещё может подумать, что ОН там, очень далеко, куда не дотягивается даже

Лунный Телескоп – сто километров в диаметре! Четвёртое измерение? Ерунда! Выдумки! Да кто же верит в НЕГО в наш просвещённый век! Никто, кроме дряхлых старух... А всё же, всё же – чем чёрт не шутит? Да, признайтесь, иногда приходила вам в голову мысль чем чёрт не шутит? ненаучная Была неопределённость, как будто что-то ещё не доказано, какая-то тревога, беспокойство... И надежда... Вот, в этой надежде, наверное, всё дело и было. Ясное дело: кому ж умирать охота? И если ЕГО нет, то неотвратима, неизбежна и окончательна смерть. Кому ж умирать охота?... А если ОН есть, да вдруг заявится к нам, сюда в наш цивилизованный век, когда наука техника, когда И повёртываются вспять, пустыни орошаются, облака задевают за крыши домов и звук еле тащится где-то там, далеко позади самолёта, а в каждом доме телевизор и мода на джинсы уже отходит, а на миниюбки снова приходит, и по утрам аутотренинг, и вся кухня пропахла озоном от электроники, а революции в науке и сексе не успевают сменять друг друга, и расшифрованы египетские папирусы и шумерский язык и генетический код и даже кое-что из посланий внеземного разума... И вдруг сюда, к нам заявится ОН? С чем? Вершить свой Суд? Нонсенс!...

И я видел, как опускался ЕГО звездолёт – старая калоша, потрёпанная, с облезлой краской, с покорёженной антенной, с иллюминаторами, помутневшими от времени. ЕГО запеленговали ещё за орбитой Плутона и посылали ЕМУ сигналы. И ОН долго не мог понять, чего от НЕГО хотят, а хотели, чтобы ОН сошёл с пассажирской трассы, потому что ЕГО старая калоша создавала аварийную ситуацию. ЕГО сопровождали патрульные корабли. ОН попросил посадки на Землю и ЕМУ разрешили. Да, я был на космодроме в тот день, я стоял на крыше космовокзала вместе с толпой любопытных. Я видел, как медленно сдвинулась крышка люка и вывалился трап. ОН спускался по трапу осторожно, держась за поручень. ЕГО взяли под руки, потому что ОН был стар и было видно, что ЕМУ трудно идти. Быть может, ОН отвык от земного тяготения. ОН был в белых одеждах и голова ЕГО была белая. И ОН остановился посреди зелёной лужайки и нагнулся и сорвал какой-то мелкий цветок. ОН смотрел на этот цветок и нюхал его и я видел, как ОН расчувствовался и по морщинистым ЕГО щекам потекли слёзы. Говорят, ОН сказал тогда: «И это сделал когда-то я. Это чудо. Я счастлив». И только тут ОН обратил внимание на людей, которые ЕГО сопровождали, и ОН начал благословлять их и осенять крестным знамением. И ОН увидел ещё людей, увидел толпу любопытных на поле и на крыше космовокзала, где стоял и я. И ОН поднял руку и сказал нам так, что мы все услышали его голос без микрофонов. ОН сказал: «Дети мои, я пришёл к вам». И больше ОН ничего не сказал, потому что снова заплакал.

И вечером, в программе новостей дня по телевизору, я снова видел ЕГО. ОН посещал достопримечательности планеты. ЕГО принимали главы государств. ОН давал интервью журналистам. ЕГО спросили, будет ли ОН вершить Суд? И ОН сказал, что очень устал с дороги и что Суд требует длительной подготовки. И специальный представитель ООН заверил ЕГО в том, что ЕМУ будет оказана надлежащая помощь, что уже ведутся переговоры с национальными ассоциациями юристов и поступают письма от адвокатских коллегий и отдельных граждан с предложениями своих услуг, что все люди понимают важность и сложность этой работы и готовы оказать ему помощь. И ещё ЕГО спрашивали, будет ли ОН воскрешать мёртвых, чтобы вершить свой Суд и над ними? И ОН ответил, что, конечно, с этого следовало бы начать, хотя ОН не предполагал, что за время ЕГО отсутствия накопится столько много мёртвых. ЕГО попросили для примера оживить кого-нибудь из великих. Очень просили за Шекспира. ОН долго отказывался, ссылаясь на усталость, но ЕГО уговорили. Тогда ОН принялся за дело и закрыл глаза и простёр руки перед собой и губы ЕГО беззвучно шевелились. И так ОН стоял почти целый час и режиссёрам на телевидении пришлось заполнять рекламными роликами и мультфильмами для детей. И ОН воскресил Шекспира и упал в кресло в полном изнеможении и вокруг НЕГО засуетились врачи и увели его. А журналисты переключились на Шекспира, который стоял под вспышками в свете прожекторов, на опустевшей сцене и недоумевающе хлопал глазами. Шекспир был бледен и руки его дрожали, он не слышал обращенных к нему вопросов. И тогда за него взялись врачи и увели его за сцену. И через полчаса вышел врач и объявил, что господин Шекспир, к сожалению, болен и находится в крайне тяжёлом состоянии и поэтому ни о каком интервью с ним и речи быть не может. Но журналисты не расходились, хотя и шумели недовольно. И вскоре было объявлено, что Шекспир умер.

На следующий день в газетах писали, что вторичная смерть Шекспира – дело вполне естественное. Ведь умер Шекспир в первый раз от болезни и, будучи оживлён, он всё же оставался больным, что и привело к летальному исходу. Собственно, ничего другого и нельзя было ожидать. Ещё газеты приводили расчёты математиков, выполненные на самой современной ЭВМ Большой Макс. По этим

расчётам выходило, что для оживления всех мертвецов, умерших хотя бы за последние десять тысяч лет, потребуется по ЕГО методу около 300 тысяч лет. За эти 300 тысяч лет Большой Макс прогнозировал появление ещё 120 триллионов мертвецов, на оживление которых по ЕГО методу потребовалось бы примерно 12 миллиардов лет и так далее...

А вечером ОН выступал по телевидению. ОН сказал, что ЕМУ очень понравился Большой Макс своей рассудительностью и виртуозной, игрой в шахматы. ОН разъяснил, что столь большое количество мертвецов ЕГО не смущает, так как в ЕГО распоряжении вечность. Профессор физики из Гарвардского университета затеял с НИМ спор о времени существовании Вселенной, о Большом Взрыве, разбегании галактик и тому подобном. ОН говорил, что действительно, всё так и могло быть, как утверждают учёные, но что было это столь давно, что ОН, конечно, уже не помнит всех подробностей происхождения Вселенной. Кроме того, последнее время ОН занимался больше вопросами этики, насколько позволяло ЕМУ ослабевающее здоровье.

Конечно, поначалу ЕГО появление было глобальной сенсацией. Несколько недель ОН находился в центре внимания правительств, учёных, врачей и всех людей планеты. ОН имел беседы с главами церквей, встречался с простыми людьми. Несколько раз, уступая особо настойчивым просьбам, ОН демонстрировал разные мелкие чудеса вроде исцеления калек или мультиплицирования батонов хлеба. Учёные поначалу было заинтересовались этими чудесами, но быстро выяснилось, что ЕГО чудеса, во-первых, не воспроизводимы, во-вторых, совершенно непригодны к серийному использованию, да и вообще нерентабельны. Обычный; хлебозавод достигал той: же цели, что и мультиплицирование батона хлеба, гораздо более, простыми и надёжными средствами. ЕГО познания в самых разнообразных областях науки были, конечно, обширны, но память так часто подводила ЕГО, и вспомнить что-либо, важное для учёных, стоило ЕМУ таких усилий, что врачи сначала ограничили ЕГО беседы с учёными, а потом и вовсе запретили их. Впрочем, учёные и сами поняли, что их прогрессирующая наука, широким фронтом сметающая на своём пути загадки и тайны природы, более надёжный и совершенный инструмент, чем ЕГО неконтролируемая память. Проще было сделать открытие самим, чем найти его в запутанных лабиринтах ЕГО памяти, перегруженной подробностями миллиардов лет жизни. ЕГО не забывали, но всё реже и реже показывали по телевидению, всё реже и реже писали о НЕМ, говорили о НЁМ и

думали о НЁМ. Бурный поток паломников к НЕМУ скоро пошёл на убыль, а потом и вовсе иссяк, и теперь ИМ интересовались лишь ЕГО лечащие врачи, верные своему профессиональному долгу, да редкие узкие специалисты, случайно набредавшие на НЕГО в своих запутанных, научных поисках. Люди, успокоенные расчётами Большого Макса, думали о предстоящем Страшном Суде не больше, чем о предстоящей тепловой смерти Вселенной...

И вот теперь ОН исчез. Люди думают, что ЕМУ просто наскучила опека врачей, особенно нелепая, поскольку ОН был бессмертен, и что ОН обиделся на легкомыслие людей, поначалу валивших к НЕМУ толпами, а потом совершенно охладевших к НЕМУ, как будто ОН был звездой Голливуда или космонавтом, впервые ступившем на лёд Плутона. Но нет, уж я-то знаю, как было дело. Я видел, как ОН покидал Землю, хоть мне никто и не верит, И вы можете не верить мне, но я должен рассказать правду. Я это должен сделать, потому что я был одним из тех узких специалистов, которые были с НИМ до последнего дня. И только я один знаю, как было дело. Я полюбил ЕГО, мы были родственные души – ведь и я тоже занимался вопросами этики. ОН говорил: «Ты меня понимаешь, сын мой. Я не допущу твоей смерти. Ты воскреснешь и мы продолжим наши занятия». Так говорил ОН, потому что не помнил меня, не помнил то время, когда мы были врагами. Да, признаться, и я уже крепко подзабыл ту давнюю историю.

Был солнечный день и мы гуляли в зелёном лесу и слушали пение птиц и наслаждались ароматом цветов. Мы шли по тропинке и мирно беседовали на темы этики. Мы были на поляне, покрытой белым ковром ромашек, когда сверху на нас упала тень, и мы услышали шуршание и свист воздуха. Какая-то тугая волна подхватила меня и подняла в воздух и швырнула на край поляны, в заросли можжевельника. И когда я поднялся, я увидел крылатых ангелов, спускавшихся с неба. Они опустились на землю и сложили белые крылья за спиной – рослые, здоровые молодцы с тугими мускулами, бугрившимися под белой одеждой. Они обступили ЕГО и лица их выражали решительность и непреклонность. ОН был заметно растерян, ОН искал меня глазами, ОН увидел меня и хотел мне что-то сказать, хотел что-то сделать, но рослые ангелы схватили его за руки и понесли его с собой всё выше и выше... Один из них остался внизу, он увидел меня и пошёл ко мне. И я узнал его по высокому росту и по связке ключей, которой он поигрывал, приближась ко мне.

- Ну что, ты всё ещё тут, на Земле? спросил он.
- А ты всё сторожишь Врата?
- Приходится. Да вот видишь не устерёг. Кто ж знал,что ОН такой прыткий в ЕГО-то годы!
- Зачем ОН вам?
- Как зачем? Для престижа!
- Отпустили бы старика. Ведь ОН уже безобиден.
- Жалостливый, ты стал. Тоже стареешь? он усмехнулся и позвенел ключами. Потом взмахнул крыльями и улетел в небо.

И я остался один, и я обиделся на людей за то, что они так равнодушно отнеслась к НЕМУ, и с новой силой возненавидел ангелов, как ненавидел, их уже давно, с того давнего дня... И я подумал о том, что и я тоже старею, и что всё у меня уже в прошлом, как у стареющей звезды Голливуда или у вернувшегося с Плутона, космонавта... ОН хотел вернуться... смешной старик... В наш просвещённый век, когда наука и техника, когда реки повёртываются вспять, пустыни орошаются, облака задевают за крыши домов и звук еле тащится где-то там, далеко позади самолёта, а в каждом доме телевизор и мода на джинсы уже отходит, а на минжюбки снова приходит, и по утрам аутотренинг, и вся кухня пропахла озоном от электроники... Страшный Суд — это смешно, как доказал Большой Макс. И теперь мы смело глядим в будущее. И страх нам неведом.

1982 г.

28. ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ

8.3.82.

[Этот рассказ был немного переделан в 2010 году и получил название «МУМИЯ». Текст после слова «конец» добавлен при переделке.]

У неё были волосы золотого цвета. Она была ростом ему по плечо и она была тонкая. Однажды, когда они ехали в метро и она сидела, а он стоял над ней, он смотрел на неё сверху вниз и он подумал: А ведь она тощая. Даже костлявая. Как мумия. Или как Баба-Яга. Он отогнал эти мысли.

Она работала воспитательницей в детском саду. Она рассказывала: «Я спрашиваю: Дети, вы знаете, кто я такая? Дети, конечно, знают и отвечают хором. А вот и нет, дети! Я Баба-Яга. Я вот тут сижу сейчас с вами, а потом пойду домой и возьму ступу и буду летать над улицами и ловить маленьких детей и сажать их в мешок. Дети не верят... Не бойтесь, дети! Я вовсе не Баба-Яга».

И всё же там, в метро, когда он стоял над ней, а она думала о чём-то, и черты лица её обострились, да ещё и пальто висело на ней, как на вешалке, и ноги тонкие... Он отогнал эти мысли. Ненужные мысли, непонятно почему приходящие в голову.

Они познакомились на вечеринке. Она пришла с подругой. С подругой, с которой он был давно знаком. Он провожал их обеих, потому что они жили рядом. Сначала он проводил подругу, и сто метров они прошли вдвоём до её дома. Он сказал: «Можно я приду к тебе завтра в гости»? «Ко мне»? — спросила она. Она подумала, он что-нибудь перепутал. «К тебе», — ответил он. «Приходи», — сказала она. Он пришёл на следующий день вечером. Они сидели при свете настольной лампы за столом, друг напротив друга. Она сказала: «Вот мы знакомимся». У неё были золотые волосы и большие глаза и серое шерстяное платье плотно прилегало к телу и она была тонкая. Позже пришла подруга и они сидели втроём. Подруга всё поняла, и обиделась, и ушла. Они мало внимания обратили на это.

Она любила Экзюпери. У неё была детская книжка «Маленький принц». Книжка с картинками. Он не читал Экзюпери. Она читала ему вслух «Маленького принца». «Я очень романтичная», — говорила она.

Он соглашался, хотя иногда и думал: «Ну-ну». Она представляла себя маленьким принцем.

Они ездили с друзьями за город и гуляли по лесу. Пили вино из горлышка бутылки, пуская её по кругу. Дело было осенью, падали листья. Она шла сбоку от всех и говорила: «Я, может быть, фея. Или нет, я королева. Ведь вы же меня не знаете! Я вот тут болтаю с вами, а может быть где-то там, далеко пропадает без меня моё бедное королевство!» Все хихикали. И ему тоже было весело после вина, и он думал: «Она романтичная». «Ну-ну», — говорил его друг. Друг обнимал свою девушку, которая стала впоследствии его женой. Быть может, стала слишком поздно, потому что он изменял ей, а может быть, иначе и быть не могло.

Она читала ему «Маленького принца» Экзюпери. Позже он читал Экзюпери сам, ему нравилось, но не настолько, чтобы читать вслух. Она любила слово «фея», или даже «фея цветов». А он любил рассуждать на философские темы и анализировать. Однажды в гостях она увидела на стене фотографию. Она спросила хозяина дома: Это ваш дедушка? Хозяин был из интеллектуалов. Господи, какой дедушка? Ведь это же был Эйнштейн! Ему стало как-то странно, что она не знает Эйнштейна. Потом она говорила: «У него на стенке фотография Эйнштейна, а почему нет фотографии его дедушки? Кто ему Эйнштейн? И почему я должна знать Эйнштейна, что я — физик, что ли?» Он думал: «Наверное, в чём-то она права. Но как же можно не знать Эйнштейна в лицо? Ведь это невежество дремучее». Неловко вышло, и он старался не говорить на эту тему. Впрочем, он подумал: «Забавно, что хозяин дома в чём-то походил на Эйнштейна. Быть может, еврейской курчавостью волос?»

Они целовались, когда гуляли в лесу. Её дом был рядом с кольцевой автодорогой Москвы. Они гуляли в лесу и целовались. Она говорила: «Ты, наверное, не умеешь целоваться. У тебя губы мягкие. И я, наверное, тоже не умею целоваться». Он думал, что она права, но к чему говорить? Они целовались, но большего она не позволяла. А он не мог решить, то ли проявлять настойчивость, то ли не надо. Он ездил к ней каждый вечер. На другой конец Москвы, И возвращался поздно и уже точно знал, когда отправляется последний поезд метро и когда надо уходить, чтобы успеть на пересадку.

У неё была ещё одна подруга. Она говорила: «Вот у нас настоящая дружба. Мы всегда готовы помочь друг другу. Я вообще альтруистка.

Какое смешное слово: альтруистка. Как альпинистка». А он развивал идеи разумного эгоизма, и на этой почве они почти ссорились. Он не понимал: почему надо ссориться, когда речь идёт о вещах отвлечённых и философских.

Она говорила: «Вот смысл жизни. Кто-то пишет стихи, кто-то сочиняет музыку, кто-то двигает науку. А я что? Стихи не пишу, музыку не сочиняю, в науке ничего не понимаю. Но вот однажды я пришла к своей подруге. Я пришла к ней, когда ей было плохо. И я помогла ей. Конечно, ты скажешь: мог придти кто-нибудь другой и тоже помочь. Это так, но тогда пришла я. И тогда только я помогла ей. Значит, вот уже есть какой-то смысл. Люди должны быть добрыми. Вот ты скажи: почему люди злые? Им надо быть добрыми, а они злые». Он развивал дополнительности добра теории принципе относительности того и другого, о различиях в людях и вытекающих отсюда конфликтах. Она сердилась и говорила, что он совсем не понимает её. А он не понимал, чего она сердится. К тому же, он не очень верил, что люди злые. Они не причинили ему никакого зла, и всё у него шло хорошо, поэтому то, что он называл злом, было абстрактно. Настоящее философское понятие.

У этой подруги был парень, они любили друг друга. Она говорила: «Вот смотри, как они любят друг друга. Они жить не могут друг без друга. Они заботятся друг о друге. Они поддерживают друг друга в трудную минуту». Она говорила: «Посмотри, как он её любит. Я даже завидую ей. Они поженятся, просто сейчас они не могут, им негде было бы жить. И потом, он только поступил в институт. Вот смотри, он три раза поступал в институт и проваливался. Думаешь, ему было легко? Наверное, ему было очень плохо, но он добился своего. Ему было трудно, но он терпел и стремился к своей цели и добился её. А у тебя всё как-то слишком легко получается». Он не понимал, что здесь плохого, когда легко получается.

Она говорила: «Ты знаешь, они, наверное, спят вместе. Но я понимаю, у них ведь такая любовь. Они всё равно поженятся. А я без любви не могу». Он, разумеется, говорил, что любит её. Она говорила: «Я не знаю, я, наверное, пока не люблю тебя. Может быть, я смогу полюбить тебя». Его это несколько раздражало, вроде как он должен добиваться любви.

С этими её друзьями, вчетвером они отправились в туристический поход, в лес с ночёвкой. Была весна, был май. Солнце светило, листья

были светлые, зелёные. Они пили берёзовый сок. Романтично. С тех пор у него возникает странное чувство, когда он видит в магазине трёхлитровые банки берёзового сока. Но неловко становится не за консервную промышленность, а за романтику. В конце концов, берёзовый сок, наверное, полезен, но довольно-таки безвкусен. Собирали цветы, жгли костёр. Ему нравилось всё это, и он честно дружил с её друзьями. Поставили палатку. Он спал с ней в одном мешке, было тесно. Она не позволяла лишнего, и он гладил её белые маленькие груди меланхолично.

Она уехала со своими друзьями к Чёрному морю. А у него была сессия, и он чуть не завалил её. Она писала ему письма, в которых старалась его подбодрить. Она писала, что душою она с ним. И её подруга прислала письмо, в котором писала, что все они с ним и за него. Они писали ему: не отчаивайся, наберись мужества. Чёрт возьми, он и не думал отчаиваться! Просто несчастливое стечение обстоятельств. Однако, читая эти полные участия и искреннего сочувствия письма, он чуть было не отчаялся и в самом деле. Как будто ему вдруг раскрыли глаза на то бедственное положение, в котором он оказался. Слава богу, это случилось перед последним экзаменом, иначе он действительно завалил бы сессию. Но и этот последний экзамен он всё же сдал, применив простой тактический приём: решил, что всё ему до лампочки.

А потом каникулы. Она вернулась с юга и поехала отдыхать дальше в деревню в бабушке. Он напросился и приехал к ней на неделю. Там жили её бабушка, её мать, её отец, её сестра и она сама. Его приняли хорошо. У неё были хорошие простые родители: от него ничего не требовали, не выспрашивали. Они гуляли по окрестным лесам и полям. Они заходили на кладбище, где был похоронен её дедушка. И они посидели у его могилы. Она вообще любила кладбище. Ей даже как-то приснился сон.

Она плыла по затопленному кладбищу. И всё было зелёным, и зелёная вода, и зелёные ветви деревьев, и свет сквозь них пробивался зелёный — зелёный сумрак, и могилы были покрыты зелёным мхом. Она отталкивалась от дна веслом, и весло запутывалось в тине, и лодка почти не двигалась. И вот, наконец, она увидела камень, большой белый камень. И на камне была надпись, какая-то важная надпись, вся заросшая мхом. Она знала, что эта надпись написана для неё, что там какие-то главные слова, их надо

прочесть, и всё прояснится. Она отдирала мох пальцами, скребла ногтями, но ничего не получалось. И она проснулась.

Он не решился комментировать сон, но запомнил его. Они посидели у могилы её дедушки. У могилы они не целовались — это было бы нехорошо. Они целовались потом, на лугу, у стога сена, когда встречали рассвет. Рассвет был неяркий, бледноватый. Он гладил её белые маленькие упругие груди и, раз уж большего она не позволяла, рассуждал о материях отвлечённых. Он говорил заодно и о взаимоотношениях мужчины и женщины, так сказать, в мировом масштабе и в разных аспектах. Она оскорбилась и сказала: как же ты — гладишь мне груди и рассуждаешь о всяких гадостях. Он ничего не понял и удивился весьма. Он сказал: «Да что ж я такого говорил? Какие гадости? Почему же нельзя говорить на такие темы, ведь так в жизни устроено всё». Она сказала: «И очень плохо, что так устроено. И нельзя же гладить мне груди и говорить о взаимоотношениях мужчины и женщины».

Они часто ссорились вот таким глупым способом. А потом она сказала: «Тут в деревне уже начали говорить про меня всякие слова. Что вот, мол, какой-то молодой человек у неё живёт. Ты не обижайся, мне может быть и всё равно, но тут ещё моя мама и папа». И он уехал в город, но подумал, что должно быть ей тоже не всё равно. И потом, в городе они снова встречались. И он думал: не проявить ли настойчивость? Он гладил её колено и продвигался вверх по внутренней поверхности бедре. А она сказала почти испуганно: «Ты что, нельзя, там же *это*». Он чертыхнулся про себя: «Ну, разумеется, это, а что ж ещё там должно быть, чёрт подери!» Он убрал руку, и они сидели просто так на траве, под деревьями и смотрели на реку, ней как плывут ПО вдалеке лодки, как ещё дальше железнодорожному мосту двигается поезд и ещё дальше над всем этим плывут облака и то закрывают солнце, то опять открывают. И ветер был уже свеж, потому что начиналась осень.

Она говорила ему: «Ты какой-то робкий и слабый, почему ты не чувствуешь себя сильным с людьми? Какая-то у тебя слабость, ты, наверное, и боли боишься». Он думал: «Ну что ж, может быть, она и права». Недавно он возвращался от неё через парк, уже вечером и встретил хулиганов. Обычная мелковозрастная шпана. Их было человек восемь. Разумеется, попросили закурить. Окружили и молча, просто так, для развлечения стали крутить велосипедными цепями и приближаться, и задевать этими цепями его куртку. Он испугался,

кажется, больше всего за куртку — у него не было другой Да и вообще он испугался, он успел заметить их лица и выражение глаз. Они ждали, что он побежит, и он побежал. Они даже и не преследовали, всё так и было задумано. Он знал, что если почувствовать злость, и дать ей волю и послать всё к чертям, включая куртку, то можно было бы и не бежать, а вовсе наоборот, заставить бежать их. Но зачем? К тому же, всё равно оставался риск. Он не верил, что люди с таким выражением глаз могут быть или стать другими, и он считал, что есть лишь два варианта: либо держаться от них подальше, либо расстреливать из пулемёта.

Так он себе объяснял своё бегство. Ей он не стал рассказывать эту историю. Он честно не понимал, зачем нужно уметь терпеть боль. Он считал, что тут больше подошло бы не мужество, а низкий уровень чувствительности нервной системы, для чего, впрочем, и существует анестезиология. Она говорила: «А как же герои? Ты мог бы выдержать пытку и не выдать тайну врагам, не стать предателем»? Про себя он думал: «Конечно, не мог бы». И отвечал: «Врага лучше обмануть хитростью, вроде бы согласиться, а потом обмануть. И вообще жизнь не состоит из таких экстремальных ситуаций».

А она повторяла: «А всё же?» Ему становилось тоскливо.

Так они говорили и в тот вечер. Она была одна, и он остался у неё на ночь. Они сидели и говорили при свете свечи. Она любила свечи. Он поглядывал на кровать, но разговор шёл в тяжёлую сторону. Они даже не целовались. За окном была ночь, и одинокий фонарь светил на вершине башенного крана. А в комнате было уютно, на ней было серое шерстяное платье, которое плотно прилегало к телу. У неё были золотые волосы и большие глаза.

В конце концов, он разозлился, почувствовал злость и дал ей волю. «Да, чёрт возьми, — сказал он, — если уж так надо, я могу и стерпеть боль».

Она сказала: «Вот свеча, попробуй». Он встал и сунул руку в пламя, он прикрыл пламя свечи ладонью. Он выбрал левую руку, правая нужнее. Видно, он сумел разозлиться, потому что почти не чувствовал боли. Он всё ждал, когда она скажет: хватит! не надо больше! Но она молчала и смотрела. Ему не понравился её взгляд. Но тут у него в ладони что-то треснуло, лопнуло и он испугался и отдёрнул руку. Пузырь был большой и белый.

Он сказал: «Что-то треснуло». Она сказала: «Ты испугался, ничего страшного, даже не обгорело». Он сник и, едва дождавшись утра, с первым поездом метро уехал домой.

На следующий день он уезжал в командировку. В поликлинике ему перевязали руку. Две недели он путешествовал с товарищем по районным городам Украины и в каждом городе приходилось искать поликлинику или медпункт, чтобы перевязать руку. Из-за этой командировки на ладони у него остался шрам, надо было лечиться в Москве — когда он приехал в Москву и рана ещё не зажила, он снова пошёл в поликлинику, и ему назначили УВЧ, и через четыре сеанса всё зажило.

Он писал ей письма из районных городов Украины. Он писал примерно через день. Когда он приехал, она сказала: разве любимым пишут такие письма? Ты только перечисляешь цены на базарах. Он действительно перечислял цены, ошеломлённый дешевизной Его фруктово-ягодного изобилия. товарищ командировочным и всё отговаривал его покупать фрукты и ягоды. «Подожди, – говорил товарищ, – там дальше будет ещё дешевле. Вот тогда уж купим и отошлём домой». В конце концов, он разозлился на этого товарища и накупил вишен и слив, и абрикосов и персиков и дыни и съел.

Потом они помирились и три дня с увлечением провели в Крыму: от Алушты до Севастополя. Товарищ был язвенник и, следовательно, трезвенник, а не то было бы ещё веселее. Он первый раз был на Чёрном море, при таком обилии воды и солнца. И поздно вечером автобус мчал его из Ялты в Севастополь, и свет фар выхватывал впереди то скалу, то пропасть, а водитель был лихой и это было хорошо. И он почти не думал о ней.

И вновь они встретились, когда он вернулся, и целовались, и говорили. Он гладил её колено и продвигался вверх по внутренней стороне бедра ровно до того места, после которого сна скажет: ты что, нельзя, там же это. Он спрашивал: «Ты любишь меня»? Она говорила: «Сейчас нет, может быть я тебя полюблю».

Они решили сделать перерыв, паузу, антракт, передышку, чтобы понять, чтобы отдохнуть, переосмыслить. И он думал: вот пройдёт месяц-два и мы встретимся и... И через месяц у него появилась

любовница, которая не требовала от него не только самопожертвования, но даже любви.

И прошло ещё два месяца и они встретились снова. Это было в Ново-Девичьем монастыре. Она любила монастыри и монашек. Она любила церкви и церковный хор. В тот день было много народу: все слушали хор. Он забыл, какой это был праздник. Ему понравился хор, но было слишком тесно, и он больше разглядывал публику, чем вслушивался в пение.

Они вышли из церкви и нашли укромное место и говорили. И он чувствовал, что всё безнадёжно. Наверное, он любил её, а сейчас... А она? Он так и не понял, что она...

Был месяц апрель, таял снег, сосульки свисали с крыш. Она пососала сосульку и сказала: «Невкусно». Он не стал и пробовать. На соседнем дереве шумели вороны. День был в общем-то безрадостным, но в этом он чувствовал прелесть. Она зябла в своём тонком пальто, он обнял её. У неё были золотые волосы. Он подумал: «Быть может не всё потеряно»? Они ни до чего не договорились и расстались. Он приехал домой и занялся делами.

И раздался телефонный звонок. Она сказала: «Это я». Он сказал: «Да». Она сказала: «Я люблю тебя». Он молчал. Она сказала: «Ты слушаешь»? Он сказал: «Да». Она сказала: «Я решила, что должна сказать тебе, что люблю тебя. Я позвонила просто, чтобы сказать».

Он знал, что надо крикнуть: где ты? откуда ты звонить? стой на месте – я буду через полчаса. Но он сказал: «Я слушаю тебя». Она сказала: «Вот и всё». И повесила трубку. Он услышал гудки. Он почти ничего не почувствовал. Только где-то там, внутри, в долговременной памяти что-то замкнулось, произошло некое потрясение, и всё встало на свои места. И ещё он почувствовал облегчение, потому что теперь уже понял: вот и всё. Он аккуратно положил трубку на рычаги.

конец

Через тридцать лет он вспомнил эту историю и подумал: всё правильно. Просто ей был нужен кто-то другой. И ему была нужна другая. Так и получилось.

Тогда, в метро, он увидел в ней мумию. Это его заинтриговало. Он захотел, чтобы мумия ожила. Он думал оживить её, гладя колено и продвигаясь вверх по внутренней стороне бедра. Но мумию это не интересовало. Её интересовало пламя свечи. И он испугался и отступил. А мумия покинула ту девушку, дав ей возможность выйти замуж и нарожать детей. Мумия нашла другое тело. Или не нашла. И не было детей, и не было мужа. Он не знал, хотя иногда задумывался об этом — отвлечённо и философски.

29. Стишки. Ты порхала по лужайке

11.3.82.

Ты порхала по лужайке, Там где розовый тюльпан, В лёгких трусиках и майке, Выгибая гибкий стан.

Ловко ножку поднимала, Ручкой гладила себя. Ах, не знала ты, не знала, Что смотрю я на тебя.

Я терпел, что было мочи, Чтоб тебя не испугать. Мне хотелось очень-очень Как-нибудь тебя поймать.

Ты накинула халатик, Убежала за кусты. Кто же мне теперь заплатит За помятые цветы?

30. На крыше небоскрёба

15.3.83.

На крыше небоскрёба появилась фигура человека. Камера поднялась вверх, показала панораму города, задержалась на солнце, запутавшемся в горизонте, посмотрела вниз, в пугающую пропасть, где едва различимые точки обозначали людей и автомобили, и, наконец, показала лицо человека. Крупным планом его глаза. Человек сделал шаг и полетел вниз. Камера медленно спланировала на мостовую и мельком, но достаточно внятно, продемонстрировала окровавленные останки.

- Не верю! крикнул режиссёр.
- Не верю! Где страх? Где безумная жажда жить? Где тоска затравленного зверя? Где всё это, я вас спрашиваю?

Ассистент режиссёра, оператор и помощник оператора, актёры, статисты и прочие молчали с явно скучающим выражением лиц.

- Не верю, повторил режиссёр устало и кивнул в сторону кучи костей, мяса и крови:
- Уберите это. Будем повторять.

Ассистент заваривал кофе, оператор с помощником сосредоточенно сосали пиво из банок, актёры и статисты разбрелись кто куда. Техники собирали на тележку останки человека, орудуя длинными совковыми лопатами. Режиссёр курил и нервно поглядывал на часы. Наконец приехала машина с дублем актёра, исполнявшего роль самоубийцы.

- Ну как? спросил актёр.
- Хуже некуда, сказал режиссёр. Вы уходите из жизни так, как уходят из спальни старой любовницы: со скучающим лицом.

Актёр равнодушно поглядел на проезжавшую мимо тележку с человечиной, которая десять минут назад была им самим.

– Сколько сделано дублей?

- Уже пять. Учтите, с седьмого раза я начну высчитывать стоимость костюмов из вашего гонорара.
- Вы может быть думаете, что мне доставляет удовольствие помирать пять раз в день?
- Ничего я не думаю. Идите смотрите ролики. Скоро солнце сядет.

Он просто привык, думал режиссёр. Привык умирать. Конечно, он великий актёр, но мне, чёрт возьми, нужна не игра, а настоящие переживания самоубийцы. А он привык. Ещё лет пять назад, в «Жизни и смерти саванны» он был великолепен: весь дрожал, когда его посылали на растерзание диким львам. Эх, сейчас бы мне его тогдашнего, пятилетней давности. Но что поделаешь, по контракту он ещё три года имеет право играть в своём естественном возрасте. И я могу использовать лишь его последнюю копию, а он, по контракту, обновляет её каждый месяц. Интересно, как бы он играл, если бы помнил все свои смерти?

- Я готов, сказал актёр.
- Все по местам, крикнул режиссёр, и оператор поперхнулся пивом.

.....

Вечером, за ужином жена спросила актёра:

– Ты не устал?

Они понимали друг друга с полуслова.

– Ты же знаешь: за использование последней копии платят в три раза больше.

31. Вот говорят: мечта – дитя своего времени

19.4.82.

Вот говорят: мечта – дитя своего времени. Приходит будущее, и реальность превосходит самые смелые мечты. Но это лишь половина будущее, Приходит И мы испытываем разочарование. Мы называем это зрелостью. Вот вам наглядный пример. Ещё двадцать лет назад была жива идея космического Далёкие инопланетные человечества. миры, расселения цивилизации... И все мы твёрдо верили, что «нельзя вечно жить в колыбели». А сейчас я читаю в «Новом мире» (№1,1982) статью Константина Феоктистова и Игоря Бубнова «В ближнем и дальнем космосе»: «На мой взгляд» человечество никогда не будет расселяться в космосе. Ему это будет ненужно». Хотя «сейчас мне хочется только, чтобы расселение людей в космосе стало хотя бы когда-нибудь возможным. Ведь не переведутся же искатели приключений, которые могут вдруг захотеть жить в столь экзотических краях!»

космической Почему так? Почему вместо экспансии человечества приходится уповать на искателей приключений, на придурковатых чудаков, одним словом? Авторы статьи сильно напуганы невесомостью: оказалось она вредно влияет на организм человека. Детренированность сердца и организма в целом. Большая потеря влаги и выход вместе с ней минеральных солей, а в результате ослабление костно-мышечной структуры. Сейчас полгода – предел. И вот уже припоминают Циолковского: «под недостатком свободы он понимал не только ограничения общественного характера, но и препятствия, возникающие в связи с относительной малостью имеющегося на Земле пространства, пределами в запасах энергии и... действием сил гравитации». А между тем «в наше время по планете распространилось подлинно научное знание, материалистические и диалектические взгляды на природу развития и социальные процессы. Свобода понимается как категория сугубо социальная, как продукт классовых завоеваний». Наивняк был этот Циолковский! То, что он считал свободой, оказалось мало того, что не свободой, но вовсе вредной штукой.

Да, напуганы космонавта, но это не все. Меняется сам подход, сама идея, меняется цель. «С мечтой о полётах на Луну, к планетам Солнечной системы работали творцы первых спутников и

пилотируемых кораблей. Но вот пришли 80-е годы XX столетия, а межпланетные корабли никуда не летают. Более того, не строятся и, насколько известно, создание их пока даже не планируется». Вот именно: более того! Эти слова взяты из подраздела статьи, который называется «Вот если бы на Марсе обнаружилась жизнь...» А поскольку не обнаружилась, то и не фиг там делать! А на Луне так и вовсе ничего хорошего нет. Венера? Так ведь там давление 100 атмосфер и температура 1500 градусов по Цельсию! На Юпитер не сядешь вовсе — не на что садиться. Разве что спутники? Да на кой это надо!

Авторы сами пишут о некоем «замкнутом круге». Чтобы лететь в космос нужна убедительная цель, а чтобы она была убедительной, то есть доказательной, эти доказательства нужно добыть, для чего необходимо лететь в космос! А посему: может когда и полетим, да только не скоро и вообще вряд ли.

В чём же должна заключаться убедительность цели? Авторы по пунктам уничтожают Циолковского, делая вид, что уничтожают Дж.О'Нейла, который говорит то же самое, но «не в начале века и не в 20-е годы, а в наше высокопросвещённое время». Кстати, непонятно, против кого направлена эта ирония («высокопросвещённое»!)? Против самих себя?! Эти пункты такие: энергия, народонаселение, катаклизмы, природные ресурсы. А вывод такой: для решения всех этих проблем совсем не нужно лезть в космос. Во времена Циолковского боялись-де катаклизмов, а мы теперь знаем, что столкновение с кометой нам не грозит, и солнце тоже не скоро затухнет. Правда, насчёт энергии и природных ресурсов всё несколько наоборот. Но энергетический кризис «как известно, во многом носит искусственный характер». Империалисты виноваты! Нечего, мол, дорогие читатели, беспокоиться: всё будет в лучшем виде без всякого космоса. Что ж, очень даже может быть. Вот я сегодня прочитал в «Правде»: «Английские учёные из Манчестерского университета разработали технологию получения высококачественной нефти из бытовых отбросов. Эта нефть ... обладает высокой теплотворной способностью, сравнимой с лучшими сортами ближневосточной нефти. При коммерческих масштабах производства цена добытого таким образом барреля (159 литров) нефти составят около 15 долларов, что вдвое ниже нынешней его стоимости на мировом рынке».

Это наводит на мысль о замкнутом цикле производства. Производства на Земле. Зачем же нам космос? Последний подраздел статьи называется «Рентабельный космос». Короче говоря, экономика должна быть экономной! Цитирую:

«Придя к кое-какому согласию в отношении космических колоний, мы остановились в некотором смятении. Куда теперь направить наш разговор? Ещё дальше? К полётам на спутники Юпитера и Сатурна? А может быть, поразмышлять о возможности создания корабля для посещения окрестностей звезды Альфа центавра? Но нет. Мы решили отказаться от этих заманчивых экскурсов в космическум экзотику и... вернуться назад. Поближе к Земле и её заботам».

Н-да. Мы остановились в некотором смятении... и вернулись назад. Самое забавное, что у того же Циолковского дело вовсе не только в энергии, народонаселении и т.п. Циолковский не мог сказать: рентабельный космос! Ведь речь идёт не о средствах, а о цели. Это средства должны быть рентабельны. А что такое рентабельная цель? Космическая экспансия, космос был целью. Теперь это — средство. Но средство чего?

Авторы статьи пытаются объяснить стремление человека в космос практическими потребностям «совершенствования земного хозяйства». Хотя немного и спорят друг с другом по поводу ещё одного стимула: любопытства. Интересно то, что уже спорят и ещё спорят. Лет двадцать назад не спорили: разумеется, нам интересно: что там?! Боюсь, что еще через двадцать лет тоже не будут спорить: разумеется, это представляет определённый научный интерес, но не надо забывать о цели: совершенствование народного хозяйства.

А в чём не спор? О, это очень интересно: «наделять всё человечество – хотя и такими симпатичными индивидуальными свойствами, как любопытство, — это, по-моему, просто метафора». Раньше научное знание вообще волновало единицы. Теперь оно, правда, волнует многих (хотя отнюдь не большинство), но почему? Познание интересно вовсе не само по себе! Просто оказалось, что наука стала производительной силой. Вот в чём всё дело! Была какая-то там наука, которой занимались разные придурковатые чудаки, а оказалось, она может кое-что производить! О, это очень интересно: может быть чего и перепадёт нам от этих научных разработок. Вот у меня джинсы прохудились. Ну-ка полистаем научный журнальчик: не придумали ли эти учёные что-нибудь такое,

чтобы джинсы не дырявились? Говорят, на Венере какой-то чудной полимер нашли. Может теперь из него джинсы делать будут?

Да, это конечно важный вопрос: какими же «чертами характера» обладает человечество в целом? Что это за «личность»? А ведь препаршивенький получается человечек! Есть у него, конечно, коекакие задатки и, так сказать, светлые места. Но больше всего он думает об одном: как бы брюхо набить! Он, может быть, и полез бы в космос: на других посмотреть, себя показать. Развлечься, одним словом. Да уж больно хлопотно. И опять же, ничего вкусненького там, в космосе нет. А если есть, так больно дорого и далековато.

Наверное, при таком «обличье» оно и к лучшему, что человечество поостыло к космосу. Конечно, бытие определяет сознание: пока человечество в целом ведёт полуголодный образ жизни, оно только и будет думать, что о жратве. Мы не можем сравнивать наше человечество с другими человечествами, но если уж сравнивать человечество с человеком, то надо сказать: разные бывают люди. Одни и голодные не хлебом единым живы. Другие и сытые всё о еде думают. Куда мы идём? Вот в чём вопрос.

Важно не только то, что мы делаем, но и то, к чему мы стремимся. Можно понять голодного человека, который сначала хватается за хлеб, а не за книгу. Он съест хлеб и станет читать. Он объяснит: мне очень хотелось есть, но моя цель — читать эту книгу, это моя мечта. А если, жуя хлеб или только пытаясь до него добраться, человек говорит: плевал я на ваши книги, мне жрать охота! Вот поем, тогда и посмотрим: может чего и почитаю, хотя вряд ли — ещё надорвусь, трудясь. У меня только и остаётся сил, что до хлеба дотянуться, да жевать его.

Вот если так человек рассуждает, тогда как? С человеком всё ясно, а с человечеством? То, что авторы статьи называют «фактором общественной целесообразности», есть примитивный, древний как мир «желудочный фактор».

Так что, когда речь идёт о «близкой» перспективе, можно и согласиться: да, мы бедные, нищие, нам не до жиру, быть бы живу. Хотя, собственно, непонятно, с какого момента мы можем считать себя не нишими. Но, повторяю, согласимся. Но когда говорят о том, что нам и вообще нечего делать в космосе? Тут ведь вот какое рассуждение: бытие определяет сознание, значит наши цели это цели

нашего производства; что наиболее выгодно для нашего хозяйства, к тому и надо стремиться. Или ещё так: свобода есть осознанная необходимость, надо осознать и приветствовать. Здесь нет места этики, нет места свободе и свободному выбору целей. Потому, что это плоское, вульгарно-материалистическое рассуждение.

Да, бытие определяет сознание, и в частности, наши цели. Но ведь смысл прогресса заключается не в том, чтобы наше бытие становилось всё лучше и лучше. Это не цель, но средство. Лучшее бытие нам нужно не само по себе, а для того, чтобы иметь лучшее сознание, более свободное в выборе целей. Чем лучше бытие, тем более свободное сознание оно определяет. И с какого-то уровня мы поймём, что рентабельный космос — не цель, а средство, даже побочный эффект. Цель же будет совсем не убедительной — хотя бы и любопытство. Впрочем, отнюдь не любопытство гонит нас в космос, не это главное.

А что же сейчас? А сейчас нам нужен космос рентабельный и (о чём не говорят авторы статьи) военный. Но вряд ли этим можно восхищаться.

Почему так получается: есть люди, которые лучше человечества? Есть, конечно, и похуже, но это казалось бы естественно. Наверное, в этом залог нравственного прогресса человечества: есть люди, которые лучше человечества. Они говорят о целях, которые человечество в целом ещё не способно ставить перед собой. Если не будет таких людей, если сознание каждого человека будет точно соответствовать бытию, это будет означать конец цивилизации.

Приходит будущее, и мы испытываем глубокое разочарование, называемое зрелостью. Я спрашиваю: в чем мы разочаровываемся? В нашей мечте или в будущем, ставшем реальностью? Почему мечта оказалась бесплодной? Потому ли, что будущее доказало её бесплодность? Иди потому, что будущее оказалось не способным к реализации мечты? Ведь как часто верно последнее. Будущее, предавшее мечту, чтобы стать реальностью, прежде всего стремится дискредитировать эту мечту, опошлить и смешать с грязью то, чему оно обязано своим возникновением. Так было во всех революциях. Так происходит и в революции космической.

Наверное, всё в космосе будет не так, как мечтали конструкторы космических кораблей, как мечтали фантасты, как мечтал

Циолковский. Наверное. Но остановиться на «рентабельном космосе» – это чудовищно. Сейчас очень модно говорить: «экономически выгодно». Даже если речь идёт о сохранении лесов, тундры, болот, генофонда, даже культуры. Почему эта деревня стала этнографическим заповедником? Как, неужели не понимаете? Туристы платят валютой – это ж дико выгодно! Враньё это всё: всё это нужно само но себе, без всяких «убедительных» целей.

Юность мечтает и полна надежд, но надо жить и ради жизни мечту предают. Это зовётся зрелостью. Это не так красиво, но зато реально. А потом приходит старость и видит: жизнь идёт к концу и остаются всё те же мечты. Одни мечты и почти никакой реальности, кроме болезней. Далее происходит смена поколений.

32. Стишки. Три коровы спозаранку

24.4.82.

Три коровы спозаранку Отпросились на базар. Наказала им доярка Привезти ей самовар.

Заказали комбайнёры Три шурупа, два болта, А работники конторы – Мышеловку и кота.

И старушка баба Вера Хочет средство от клопов. И сказали пионеры: Срочно нужен телескоп.

Заказал пастух подарки: Из капрона новый кнут, И бутылок десять «Старки» От ангины и простуд.

С птицефермы две девчонки Просят платье и жакет, И джинсовые юбчонки, Как в журнале «Силуэт».

Просит сторож дядя Вася: Нет гитары у меня. И мечтает о матрасе Молодёжная семья.

Сам колхозный председатель Поджидает за углом: Вы, коровы, постарайтесь — Очень нужен агроном!

Три коровы на базаре Малым детям наливали, Прямо в кружки наливали, За бесплатно наливали Всё парное молоко. И вернулись на село, Не купивши ничего!

33. ТРАКТАТ О ПРИРОДЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ

Вместо эпиграфа:

– У меня была одна знакомая. Она УЖАСНО любила любовь. А больше она никого не любила.

Общим местом стали два положения:

- 1. Сентиментальность есть род жалости, а именно: малая жалость, в отличие от жалости настоящей, большой чувства глубокого и положительного.
- 2. Сентиментальные люди жестоки.

Первое положение есть, в действительности, определение, и, как с таковым, спорить с ним ни к чему. Правда, это определение уже содержит в себе элемент моральной оценки (негативной). Забегая вперёд, скажу, что причина этого не в самом определении — оно нейтрально — а в действующей морали, считающей большое чувство лучше малого.

"О, МОРАЛЬ!" – воскликнул кто-то из Древних и нанёс сокрушительный удар.

Второе положение есть утверждение, требующее либо доказательства, либо опровержения. Но возможен и третий вариант: понимание. Утверждения, подобные рассматриваемому, обладают оригинальным свойством быть истинными и ложными одновременно. Это проистекает из неадекватности используемых понятий, в данном случае: жалость, жестокость.

"Зачем Вы используете ТАКИЕ понятия?" – спросили кого-то из Древних. "Это НЕ Я ИХ использую, А ОНИ МЕНЯ!" – гордо ответил Древний.

Не следует понимать меня так, будто я призываю отбросить понятия неадекватные и заменить их другими понятиями, адекватными. Мораль — вся — неадекватна. И это не её недостаток, а её сущность.

Ближе к делу. Есть жалость большая, иначе, настоящая, и есть жалость малая, иначе, сентиментальность.

Настоящая жалость чувство глубокое и сильное. Это чувство не мимолётно, оно постоянно регенерируется из глубины нашего существа. Фактически, такая настоящая жалость есть род любви. Недаром говорят, что любовь часто начинается с жалости. Но любовь,

и это тоже известно, часто бывает беспощадна, иначе – безжалостна. Здесь получается забавный силлогизм: настоящая жалость есть род любви; любовь бывает безжалостна; следовательно, настоящая жалость может быть безжалостной.

"О, СВЯТАЯ ЖАЛОСТЬ!" – воскликнул кто-то из Древних, терпеливо снося.

Настоящая жалость может вести к жестокости.

Этот вывод не содержит ничего странного. В действительности, жестокость внутренне присуща настоящей жалости, хотя и не всегда проявляется. Жалость, как чувство, строится на отождествлении субъекта и объекта. Так возникает сочувствие, но это ещё не настоящая жалость. Только когда отождествление достаточно полно, глубоко, прочно, — вот тогда жалость становится настоящей. Тогда он (здесь и далее, как правило, человек) ради ближнего готов даже к самопожертвованию. Самопожертвование — характерный аргумент настоящей жалости.

"Вопрос в том, – заявил кто-то из Древних, – готов ли я пожертвовать ВОЛОСКОМ ИЗ МОЕЙ БОРОДЫ?"

Всё это толкает на действия.

Настоящая жалость не может быть пассивной. Напротив, она очень активна: он стремится помочь ближнему, которого жалеет. Подлинная жалость оставляет далеко позади простое сожаление, сочувствие. Она агрессивна. Отождествляя себя с объектом (здесь и далее, как правило, человек) жалости, он жалеет его КАК САМОГО СЕБЯ и хочет помочь ему КАК САМОМУ СЕБЕ. И он начинает действовать.

Эти действия могут соответствовать желаниям объекта жалости, а могут и не соответствовать. Но он должен помогать ближнему даже ВОПРЕКИ его собственным желаниям. Это категорически императив!

Настоящую жалость, собственно, вообще не интересуют желания объекта, ибо этот объект уже отождествлён с субъектом жалости, и желания самого субъекта для субъекта стали желаниями объекта. "Я очень люблю его, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, я лучше него знаю, что ему хорошо, а что плохо."

"Как это ТРОГАТЕЛЬНО," – заметил кто-то из Древних.

Это есть альтруизм.

Это есть самопожертвование.

Это есть настоящая жалость.

В этом проявляется настоящая забота о человеке.

Я подчёркиваю, что это есть именно НАСТОЯЩАЯ, ПОДЛИННАЯ, МАКСИМАЛЬНАЯ жалость, забота, любовь.

Тут нет никакой иронии.

В своём максимальном проявлении эти чувства вызывают очень полное, очень глубокое, очень прочное отождествление субъекта и объекта чувства.

Именно поэтому представление субъекта о благе объекта ОТОЖДЕСТВЛЯЕТСЯ с самим благом и с представлениями объекта о СВОЁМ благе.

Иначе и быть не может.

"Я иногда думаю, – проговорился кто-то из Древних, – что Вселенная ТАИНСТВЕННА, потому что ПОРОЧНА."

Итак, жалость возникает тогда, когда, во-первых, субъект отождествляет себя с объектом жалости в собственном сознании, и, во-вторых, когда есть, за что жалеть. Второе условие означает, что, по мнению субъекта, у объекта не всё в порядке в жизни, и надо что-то изменить, помочь. Поэтому настоящая жалость обязательно требует активных действий: помощи.

Особый случай возникает тогда, когда помочь физически невозможно (объект умер). Эту ситуацию называют горем. Субъект испытывает опасный стресс: энергия активности — стремление помочь — не находит выхода.

Но если объекту жалости можно помочь (ещё-не-смерть), то может сложиться противоречивая конфигурация представлений. Ведь объект может САМ обладать самосознанием, у него могут быть СОБСТВЕННЫЕ представления о СВОЕЙ жизни и СВОЁМ благе. И эти представления могут вступить в противоречие с представлениями субъекта! Однако, помощь должна быть оказана БЕЗУСЛОВНО!

"Как я просчитался!" – сокрушался кто-то из Древних, построив МАШИНУ СЧАСТЬЯ, которая, не выдержав страданий жизни, решила умертвить своего создателя.

Иначе, это не будет настоящей жалостью.

Следовательно, помощь оказывается НАСИЛЬНО, ВОПРЕКИ желаниям объекта жалости. Так настоящая жалость приводит к насилию. Насилие порождает жестокость. Настоящая жалость становится БЕЗЖАЛОСТНОЙ.

Мы редко отдаём себе отчёт, насколько распространена подобная конфигурация. Вся врачебная этика в значительной мере основана на жалости к больному, требующей насильственной помощи. И это именно настоящая жалость! Может ли врач быть сентиментальным в отношении больного? Врач ЖАЛЕЕТ больного. Ещё пример: воспитание детей. Потому ли родители бывают жестоки с детьми, что не любят их? Нет, в большинстве случаев родители очень даже любят своих детей и применяют к ним насилие именно ВСЛЕДСТВИЕ ЛЮБВИ, а не вопреки ей.

"Философия, — заметил как-то кто-то из Древних, — приводит к некоторому ОСТЕРВЕНЕНИЮ сознания."

А сентиментальность?

Это жалость малая, поверхностная, мимолётная. Она не затрагивает глубин нашего существа, точнее, не затрагивает их так, как это делает жалость. Разумеется, в основе настоящая сентиментальности, поскольку это всё же жалость, хотя И малая, тоже лежат себя ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ С объектом И представление НЕБЛАГОПОЛУЧИИ объекта. Однако, и то и другое протекают иначе и дают иные результаты, чем в случае большой жалости.

Хотя я и сказал о поверхностности сентиментальности, в действительности это не совсем верно. Когда сентиментальный человек испытывает приступ жалости, это именно ПРИСТУП — чувство острое и яркое. Если большая жалость сродни хронической тяжёлой болезни, то сентиментальность есть острый приступ боли, но короткий, почти мгновенный, за которым следует облегчение, и это даже приятно. В дальнейшем сентиментальный приступ часто имеет последействие: медленно затухающие УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ.

В чём тут дело?

"Совесть — это то, что OTЛИЧАЕТ ЧЕЛОВЕКА OT БОГА," — c горечью говаривал кто-то из Древних.

Я утверждаю, что сам ПРИНЦИП отождествления в случае настоящей жалости и в случае сентиментальности имеют разную природу. Здесь мы имеем дело с двумя противоположными способами отождествления. В обоих случаях я отождествляю в своём сознании себя с объектом жалости.

В случае большой жалости я сам ставлю себя на место объекта и представляю себе, что он — это я. Но при этом я остаюсь самим собой и думаю, что ОН — ЭТО ТОТ ЖЕ Я, но в другом исполнении. Короче, в результате отождествления Я и ОН получаются ДВА Я.

Сентиментальный человек в момент приступа, напротив, ставит ЕГО на своё место, начинает думать и чувствовать, КАК ОН. В результате отождествления Я и ОН получаются ДВА ОН.

Понятно, почему подлинная жалость продолжительна, а сентиментальный приступ проходит быстро. Представлять себя на ЕГО месте можно очень долго, но думать и чувствовать как ОН, чужими мыслями и чужими чувствами можно только мгновение. Это как ОЗАРЕНИЕ: вдруг понимаешь другого человека изнутри и становишься им.

"НЕКОММУТАТИВНОСТЬ мироздания, — глубокомысленно изрёк кто-то из Древних, — порождает НЕКОММУНИКАБЕЛЬНОСТЬ сознания."

Мгновение проходит и остаются угрызения совести: ведь Я уже не ОН, я снова отчуждаюсь от него, снова становлюсь самим собой и уже не чувствую и не думаю как он. Я его как бы ПРЕДАЮ, ЗАБЫВАЮ, ПОКИДАЮ.

Понятно, почему сентиментальность пассивна и не зовёт на помощь. Став на мгновение ИМ, я осознал всю безнадёжность положения: я увидел, что дело не во внешнем неблагополучии, в нём самом. Я увидел мир его глазами, я понял, что ему хотелось бы, и я уже готов был ринуться помогать, но вновь вернулся К СЕБЕ и обнаружил несоответствие ЕГО и МОЕГО видений мира. Теперь я должен был бы помочь ему ВОПРЕКИ СЕБЕ! Я увидел: он стремится к цели, которую я не могу принять. Он хочет того, чего я не хочу. Он видит истину в том, что я считаю ложью. И так далее.

Несоответствие миров.

И всё же сентиментальный человек помогает, предлагает помощь. Но он делает это не по внутреннему побуждению, не по велению сердца, а вопреки ему. Ведь вернувшись в себя, он может лишь разумом, рассудком понять, что этой помощи ждёт от него другой. И он проявляет ЛОЯЛЬНОСТЬ к этому чужому ожиданию.

[&]quot;Вы верите в СРОДСТВО душ?" – спросили кого-то из Древних.
"Ну, что вы, – засмеялся Древний. – Я даже в УРОДСТВО душ не верю"

Но он не может помогать насильно. Для этого у него отсутствует внутренняя убеждённость в своей правоте. Он прав для себя, но он знает, что для другого он не прав.

Жестокость сентиментального человека может быть следствием его патового положения: он знает, какого дела от него ждут, но он не может делать, ибо не верит в правоту этого дела. Такая жестокость есть жестокость РАВНОДУШИЯ, ОТСТРАНЕНИЯ. Она заключается не в жестоком действии, а в отсутствии действия-помощи.

Но сентиментальный человек может быть жесток и иначе. Он может совершать именно жестокие действия. Мгновения сентиментальных приступов редки, поскольку скоротечны, и в обычном состоянии он не испытывает жалости. Если другие, более сильные чувства, обуревают его, он может совершить жестокость, не испытав сентиментального приступа жалости, который в другом, более спокойном, состоянии остановил бы его. Впрочем, этот приступ он испытает позже, но будет поздно.

Таким образом, настоящий человек совершает насилие, жестокость с ясным сознанием выполняемого долга, тогда как сентиментальный человек – в состоянии аффекта, либо из равнодушия.

"РАВЕНСТВО ДУШ ВЕДЁТ К РАВНОДУШИЮ, — утверждал кто-то из Древних. — ИЕРАРХИЯ ТВОРИТ ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ."

Равнодушие — вещь особенно неприятная. Именно она даёт повод для второго из положений, с которых я начал свой анализ. Но есть ли равнодушие привилегия именно сентиментального человека? Попробуем разобраться.

Человек не может жалеть настоящей жалостью всё подряд. Не замечали ли вы у людей крайней жестокости по отношению к одним и исключительной заботы о других? К первым он относится с полнейшим равнодушием, тогда как вторых активно жалеет. Но это равнодушие также весьма активно, ибо по сути своей оно есть неприятие. Любовь к одному часто ОБОРАЧИВАЕТСЯ ненавистью к другому. Любовь к родине предполагает ненависть к врагам, если родина – НЕ ВСЯ Вселенная.

Но есть не только свои и враги. Не только союзники и противники. Есть ещё НЕПРИЧАСТНЫЕ. Таковы обычно животные (если, конечно, это не мои овцы и не волки, дерущие овец из моего стада), растения,

неживая природа, инопланетяне. Странно, почему любовь к кошке часто считается сентиментальной, а любовь к собаке — настоящей? Не потому ли, что собака полезна (хотя данная, конкретная собака, может быть, и бесполезна), а кошка уже давно и как правило существо декоративное и её берут в дом исключительно для любви?

"Хотел бы я быть БАБОЧКОЙ, — вздохнул кто-то из Древних,— сам не знаю почему"

В наше время вдруг возникли экологическая проблема, Красная книга, проблема сохранения генофонда. Почему вдруг? Разве не надо было и раньше заботиться о природе? Не потому ли, что теперь создалась ситуация, когда забота о природе есть забота о нас самих? Настоящая жалость и любовь к природе, если копнуть, оказывается очень ЭГОИСТИЧЕСКИМ чувством. Тогда как сентиментальное отношение к природе, которое ведь было и раньше, совершенно БЕСКОРЫСТНО! Пацифизм всегда считался сентиментальностью в политике. Но ведь современное движение за мир фактически пацифистское, хотя в нём участвуют уже не только и не столько сентиментальные пацифисты. Пацифистскую окраску приобретает вся мировая политика. Почему? Не потому ли, что теперь это жизненно необходимо для всех?

В действительности, равнодушие сентиментальности есть оборотная сторона её бескорыстности. Но представляется, что диапазон сентиментального чувства много шире диапазона настоящей жалости и настоящей любви. Отсутствие глубины (как я показал выше, скоротечность, недолговременность проникновения вглубь) восполняется широтой применения. Я думаю, далеко не всё, к чему мы можем испытать сентиментальное чувство, мы можем понастоящему жалеть и любить.

"ИСТИННАЯ ФИЛОСОФИЯ! – в сердцах воскликнул кто-то из Древних. – Она не вызывает в людях ничего, кроме снисходительного умиления."

С развитием цивилизации и её нравственности должно расширяться поле приложения наших чувств: любви и жалости. И сентиментальность оказывается тут ПЕРЕДНИМ ФРОНТОМ.

По-настоящему любить пауков трудно, но сентиментальное чувство к ним испытать можно и гораздо легче. Это кажется парадоксом: ведь представить себя в обличье паука проще, чем представить себя пауком, то есть обладающим паучьим сознанием и взглядом на мир. Но дело в том, что первое ЕСТЬ ВНЕШНЕЕ НАСИЛИЕ над собой (паучье тело — тюрьма для человеческого сознания), тогда как второе ЕСТЬ

ОТКРЫТИЕ МИРА (озарение мгновенное, но яркое). Любить понастоящему надо долго, основательно; сентиментальный приступ скоротечен. Первое требует усилия воли, второе происходит само собой, помимо нас (потому и быстро).

Заметьте, как много в последнее время появилось жизненно важных требований с частицей НЕ: не нарушать экологическое равновесие, не истреблять китов, не перекрывать реки плотинами, не вмешиваться в личную жизнь, не воевать. Отрицание действия свойственно именно сентиментальности.

"БУДЬ МОЯ ВОЛЯ, – мечтал кто-то из Древних, – я бы даже древним не был."

Настоящая любовь активна и требует что-то делать. Почему утопии Платона, Кампанеллы, Дезами, революционные идеи 20-ых годов, мечты Циолковского содержат так много насилия, вплоть до фашизма? Ведь всё это было продиктовано исключительно великой, настоящей, подлинной любовью к людям, заботой о человечестве.

Ответ прост: уровень ПОНИМАНИЯ действительного блага для человека тогда был ниже, чем сейчас. Не хуже, может быть, даже лучше, но наивнее.

Но ведь это означает предостережение: ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ВОПЛОЩАТЬ СВОЮ ЛЮБОВЬ И СВОЮ ЖАЛОСТЬ В ДЕЙСТВИЯ, НЕ СПЕШИТЕ СО СВОЕЙ ПОМОЩЬЮ!

Будьте более сентиментальны.

Фактически, сентиментальность есть форма ЛЮБВИ К ЧУЖДОМУ. А именно такой любви от нас требуется всё больше и больше. Любить БЛИЖНЕГО, конечно, хорошо и часто погрешность из-за противоречия в конфигурации представлений не очень велика, поскольку это ближний. Но как быть с ДАЛЬНИМ? Здесь погрешность может быть огромна! Надо учиться ПОНИМАНИЮ — оно здесь важнее любви.

"ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ! – воскликнул кто-то из Древних философов. – Как можно её любить?"

Но понимание есть акт разума — чувства при этом молчат. Но чувства не могут постоянно безмолвствовать. Разум ограничивает чувства и вместо настоящей любви рождается сентиментальность — пассивное чувство. Однако, в действительности происходит обратный процесс. Чувства, сентиментальные чувства активизируют работу разума. Это и есть АКТИВНОСТЬ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ: вместо активной помощи "сломя голову" — аналитическая работа разума, ПОНИМАНИЕ.

Замечено, что сентиментальные люди склонны к рационализму и рефлексии. Это не случайно.

В социальном плане настоящая любовь всегда выполняет некий социальный заказ. Потому и приветствуется моралью. Сентиментальность связана с более долговременными потребностями общества. Она прокладывает путь новой морали. И она часто попадает впросак.

В одном кинофильме Ленин говорит: "Эта музыка действует так, что хочется быть добреньким и всех гладить по головке. А в наше время нельзя гладить по головке – руку откусят."

Но что было бы с нами, если бы мы действительно выбрасывали на свалку истории все эти САНТИМЕНТЫ?! Я думаю, с точки зрения людей Древнего Египта, мы все именно добренькие. Собственно, в этом и заключается нравственный прогресс человечества.

"Прогресс! Прогресс! Прогресс! – кричал кто-то из Древних. – Как он меня достал!"

Сама по себе сентиментальность вовсе не жестока, как это обычно думают. Она ничуть не хуже большой жалости. Но есть одна опасная смесь: сентиментальность и фанатизм. Между прочим, сам фанатизм, то есть слепая вера во что-то или кого-то, сродни именно настоящей любви (и её противоположности — ненависти). Однако, в смеси сентиментальности и фанатизма происходит жёсткое РАЗДЕЛЕНИЕ ТРЁХ МИРОВ: свои, враги, нейтральные. Слепая любовь к своим, слепая ненависть к врагам, сентиментальность к нейтральному. Фанатизм отгораживает для сентиментальности свой садик нейтрального, снисходительно поощряя его возделывание, но жёстко запрещая пересекать границы. Ясно, что корень зла вовсе не в сентиментальности, а в фанатизме.

Развитая сентиментальность есть ПРИЗНАК ЗРЕЛОСТИ человека и общества. Дети не сентиментальны (хотя часто жестоки). Развитая сентиментальность означает сентиментальность осознанную, сознательную, которой не стыдятся.

"ИСТИННАЯ ДРЕВНОСТЬ! — вздыхал кто-то из Древних. — Когда люди не знали даже, что они люди."

Вы прокладываете дорогу в лесу и вы должны срубить дерево. Вы можете пожалеть дерево – это будет сентиментальностью. Ведь вы всё равно срубите дерево. Но это чувство следует испытать. Потому

что наступит время и вы сможете проложить дорогу в обход леса. Нужно, чтобы вы ЗАХОТЕЛИ это сделать. А ДЛЯ ЭТОГО НУЖНО ПОЖАЛЕТЬ ДЕРЕВО.

Настоящая жалость всегда УСЛОВНА: должны быть возможность и основание жалеть. Нельзя по-настоящему жалеть дерево, которое мы рубим. Ведь тогда мы не смогли бы его срубить. Нельзя понастоящему жалеть врага — ведь тогда он не был бы нашим врагом.

Но условия меняются, откуда же возникает жалость и любовь? К бывшим врагам. К дереву. Они рождаются из сентиментальности, ибо она БЕЗУСЛОВНА.

Сентиментальное чувство есть та СТРУНА в твоей душе, которая откликается на все голоса Вселенной. Оно есть проявление глубокого и мощного чувства РОДСТВА СО ВСЕМ МИРОМ. Оно есть то ОКНО, через которое мы постигаем всё сущее эмоционально. Оно есть тот ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ, который не даёт насиловать с сознанием исполняемого долга.

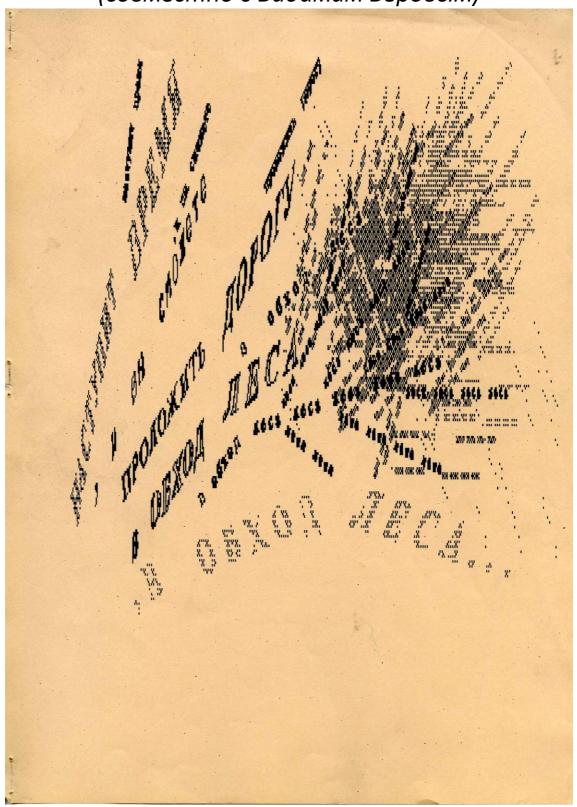
СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧНА: она признаёт право каждого не вызывать жалость. Ведь испытывая сентиментальную жалость, я жалею на самом-то деле самого себя: я жалею свою ограниченность и конечность, ибо предчувствую своё ТОЖДЕСТВО с безграничной и бесконечной Вселенной. Поистине, жалея тебя, я жалею нас обоих, и, следовательно, я испытываю чувство равенства и родства с тобою. И в этом суть сентиментальности.

Вместо эпилога:

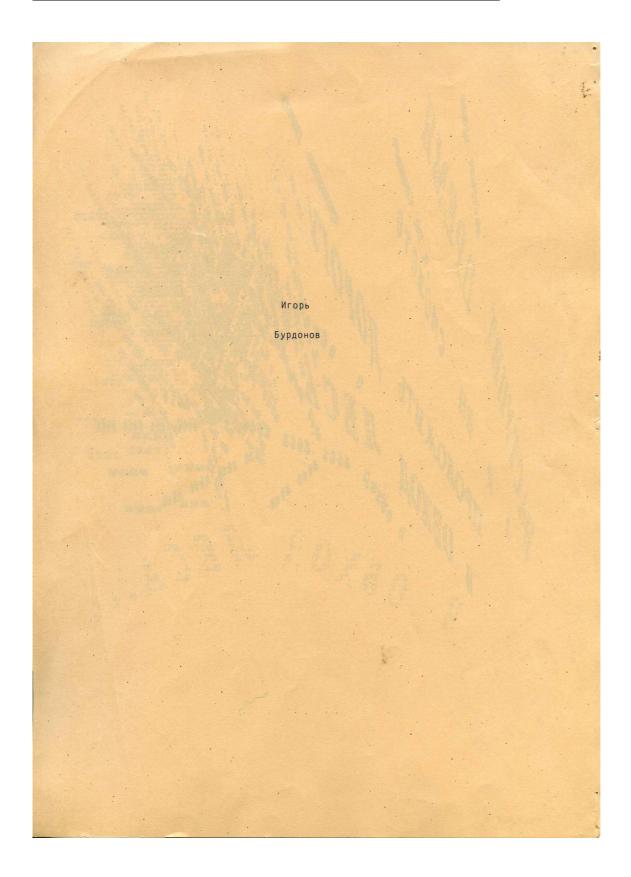
– У меня была одна знакомая. Её ВСЁ приводило в умиление. Кроме меня.

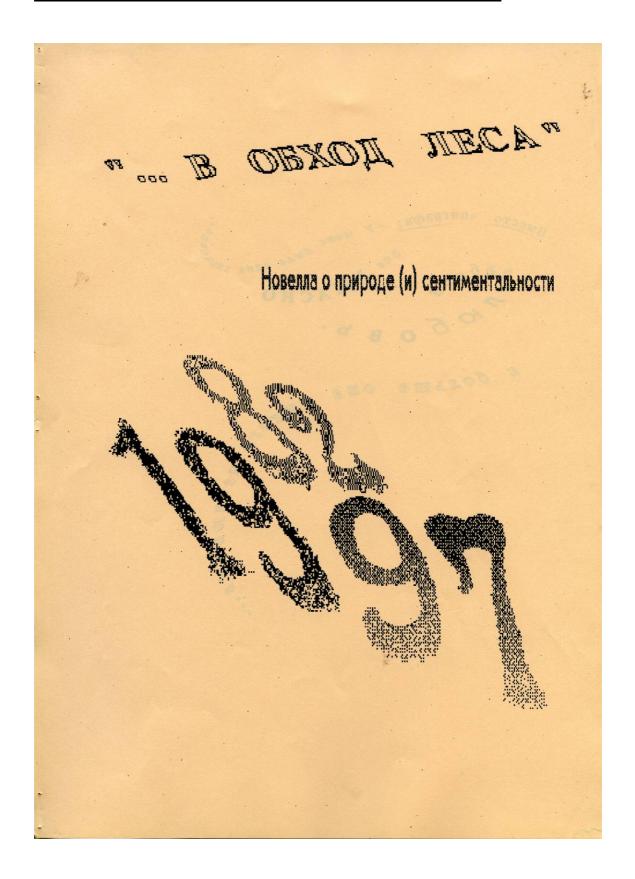
1982-1997

34. «Трактат» с оформлением *(совместно с Вадимим Беровым)*

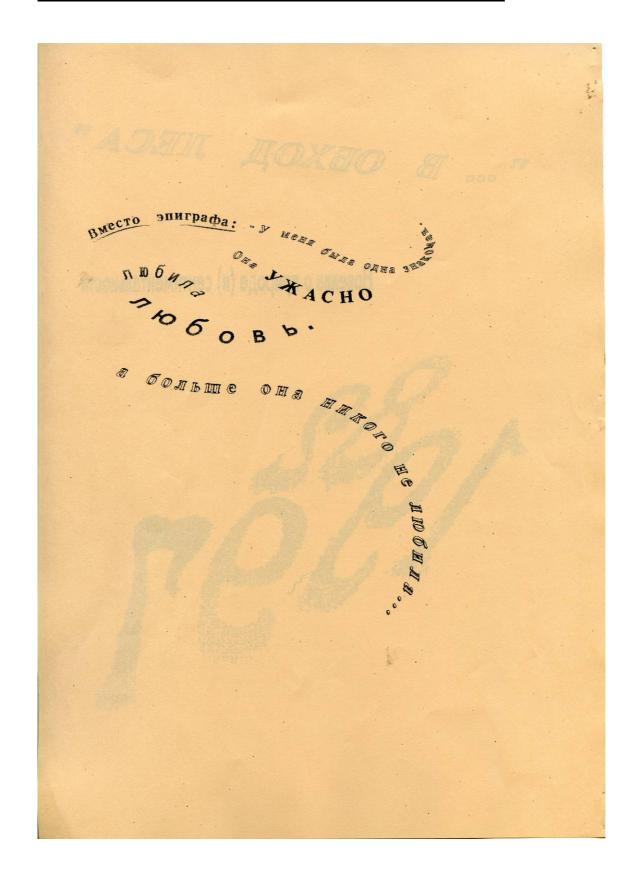

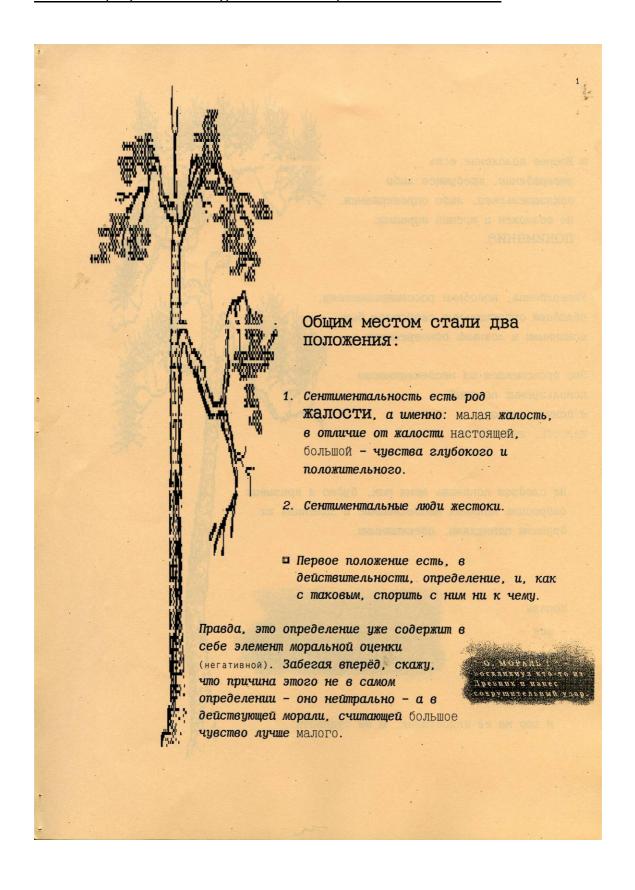
Том 5: «Карьера Иоганна Бура». Полное собрание 2. 3.8.81 — 30.7.82

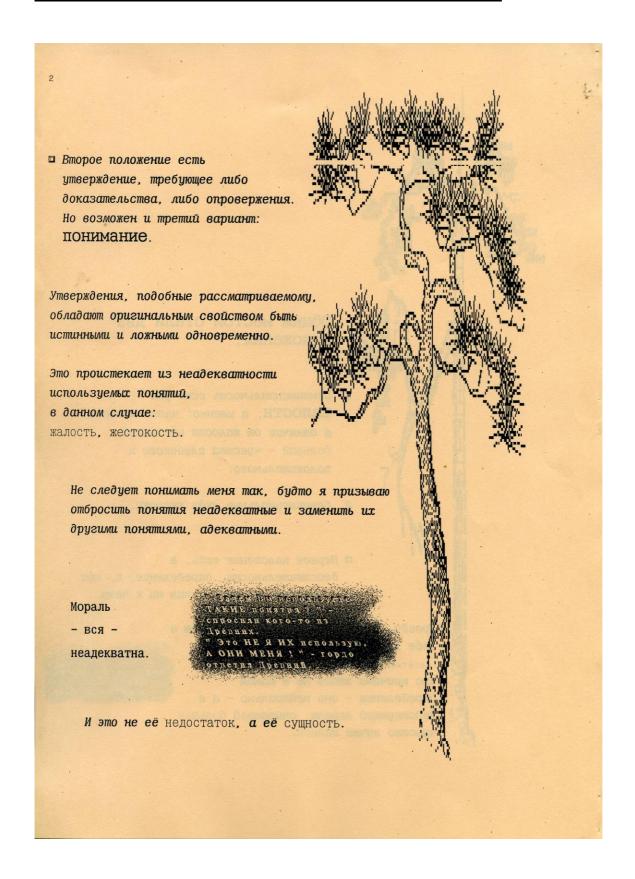

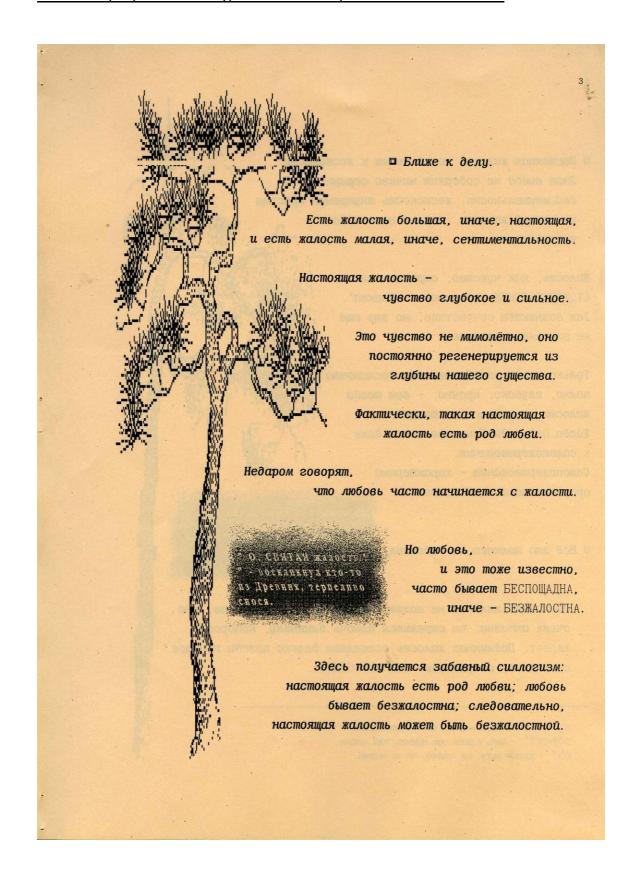

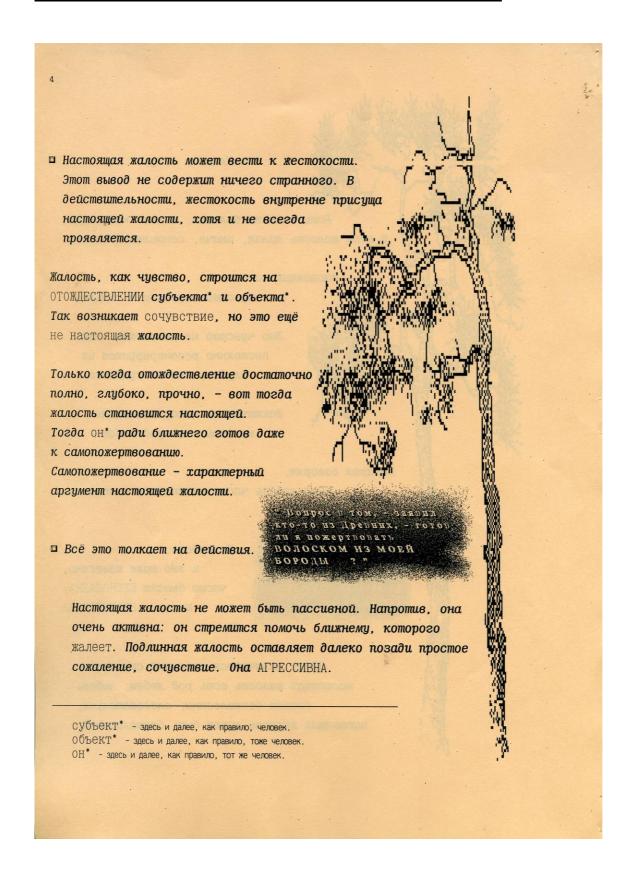
Том 5: «Карьера Иоганна Бура». Полное собрание 2. 3.8.81 — 30.7.82

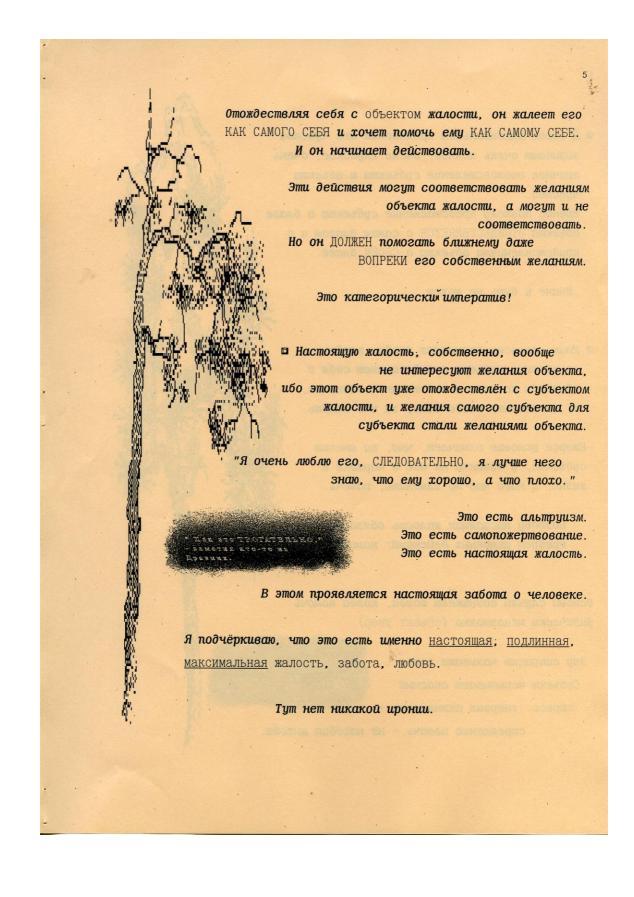

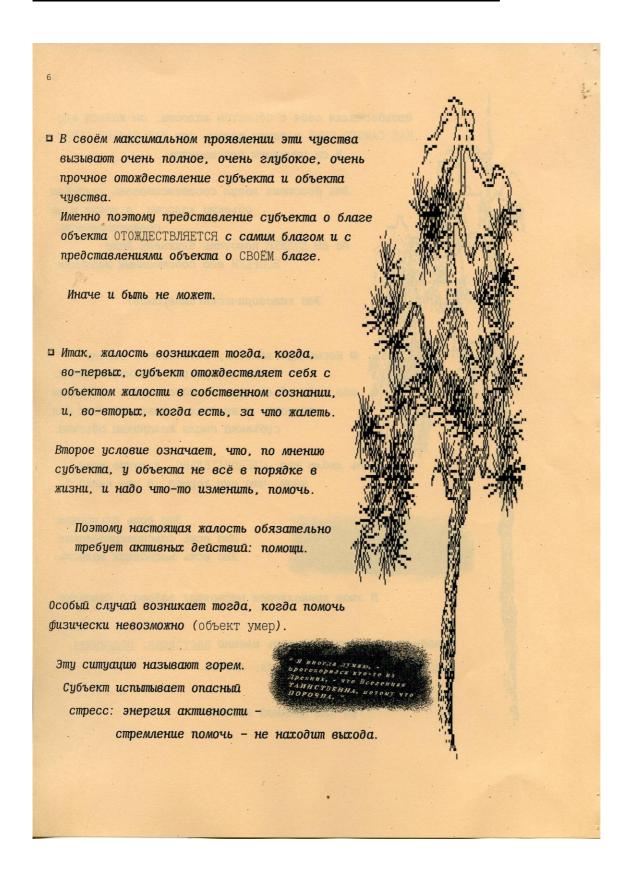

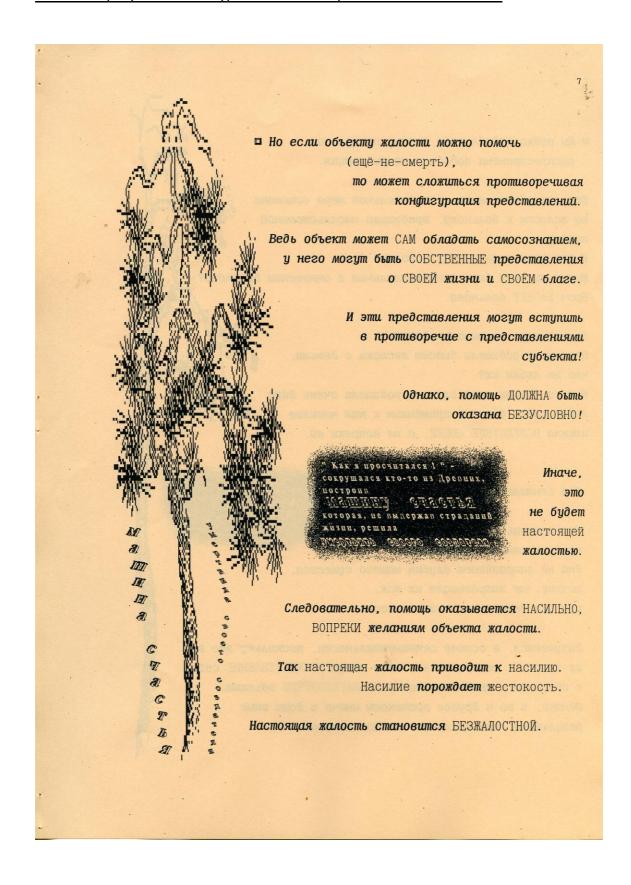

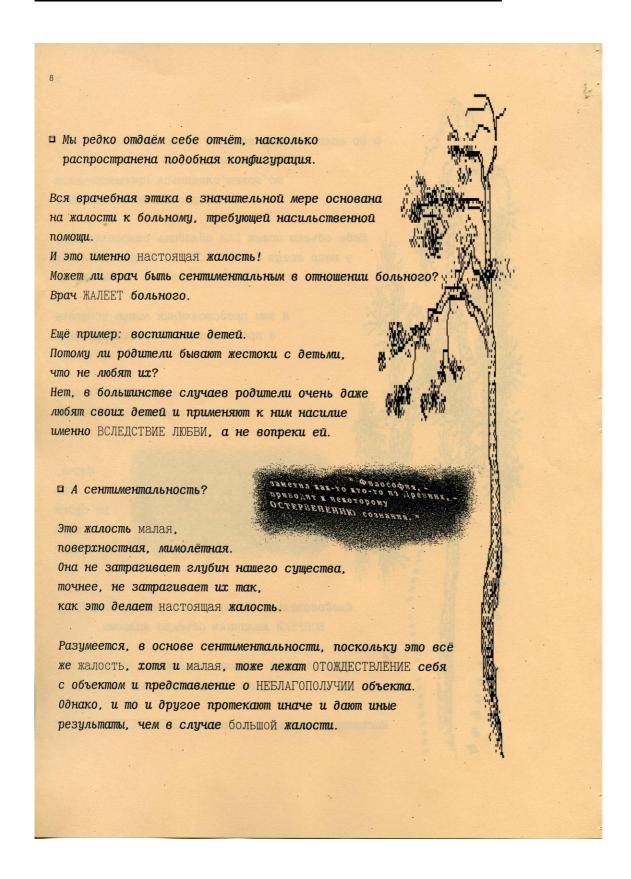

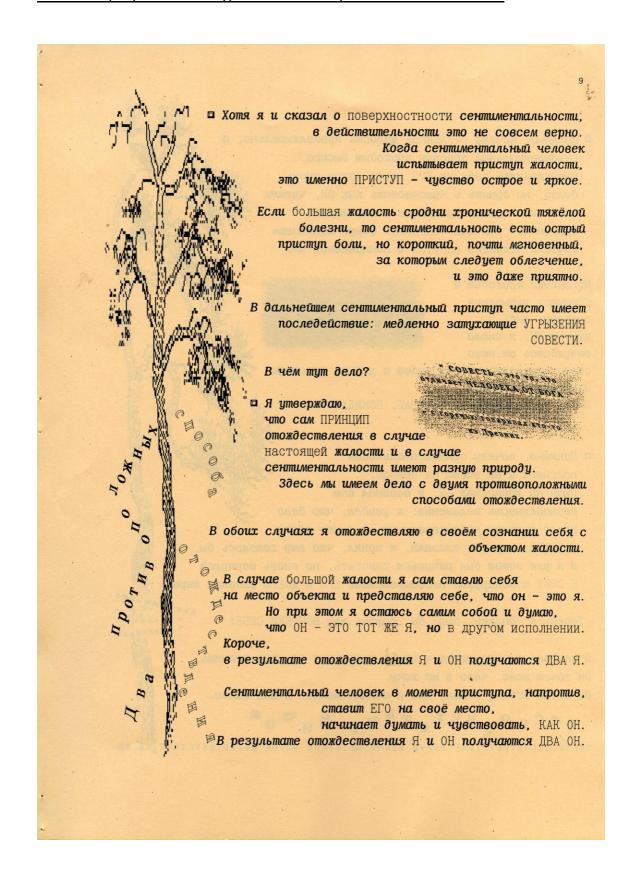

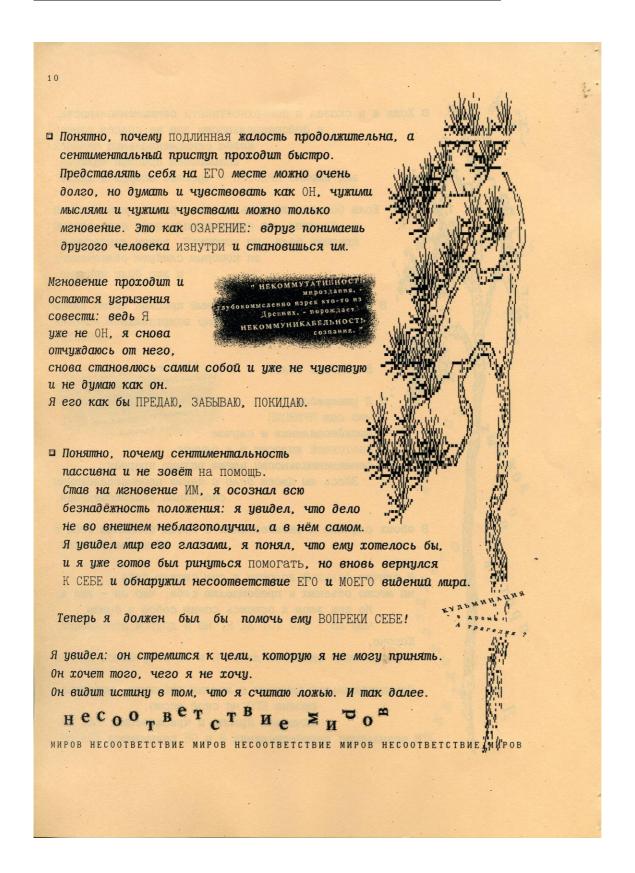

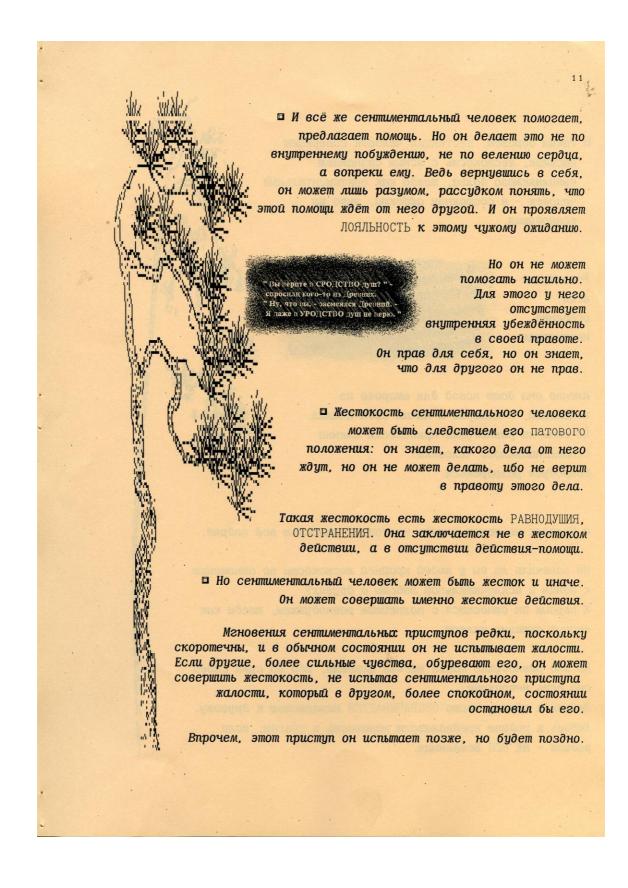

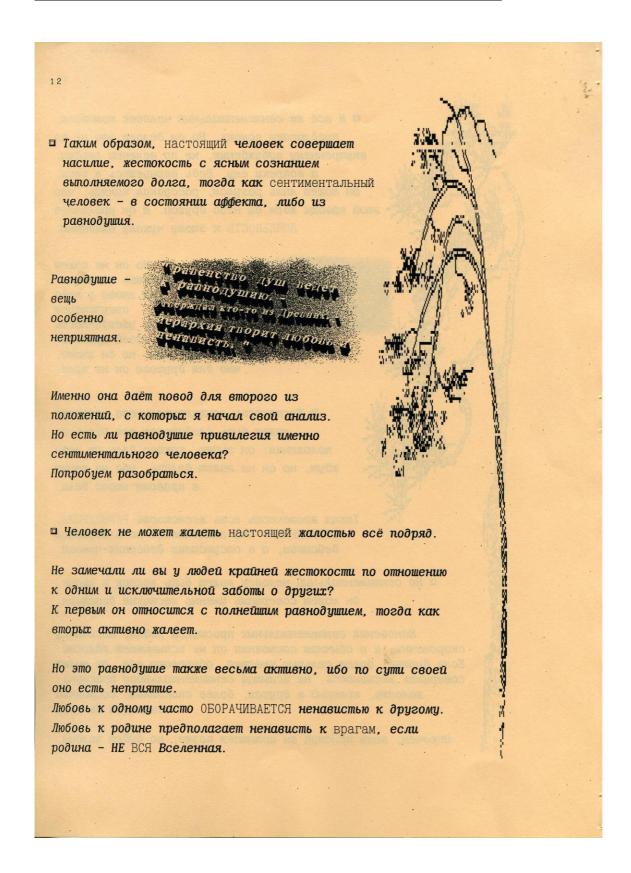

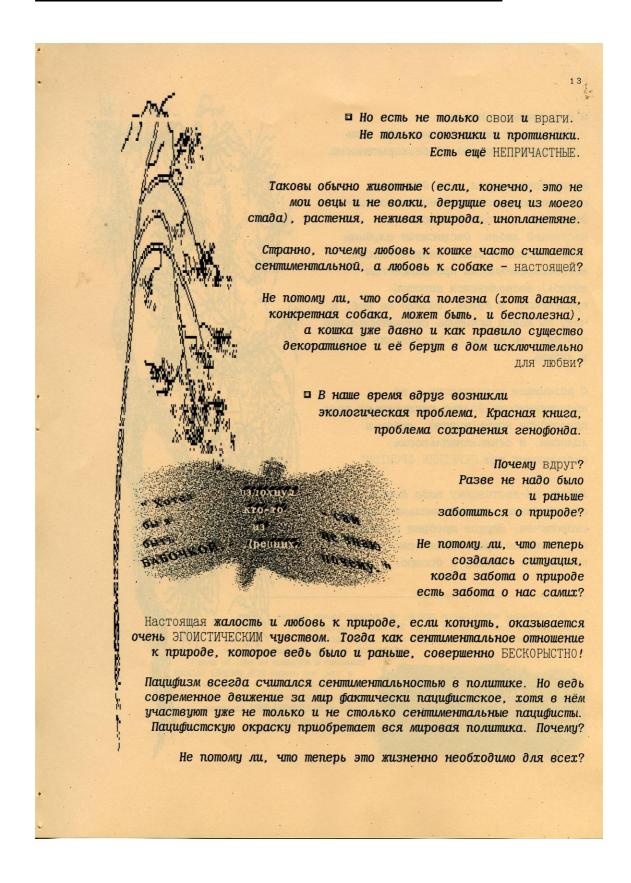

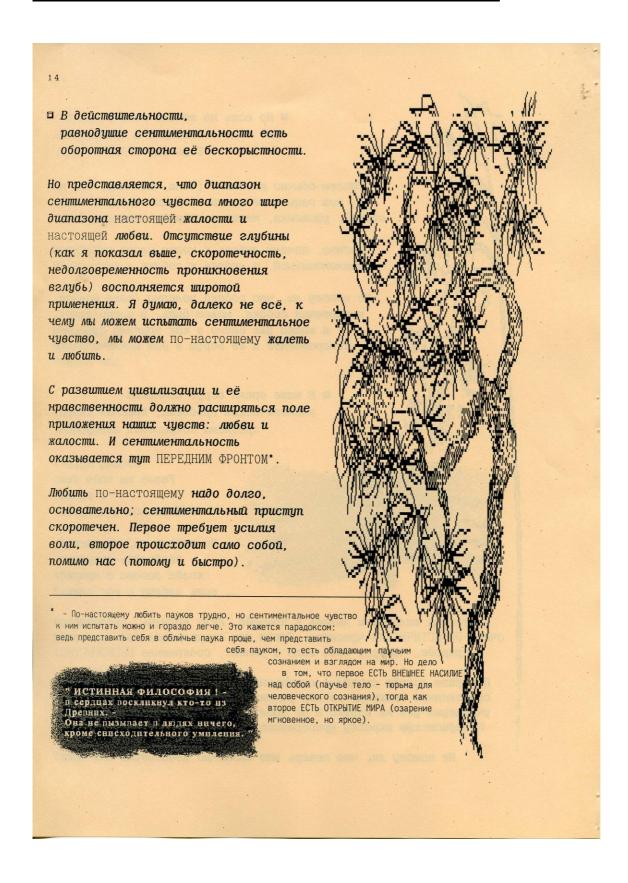

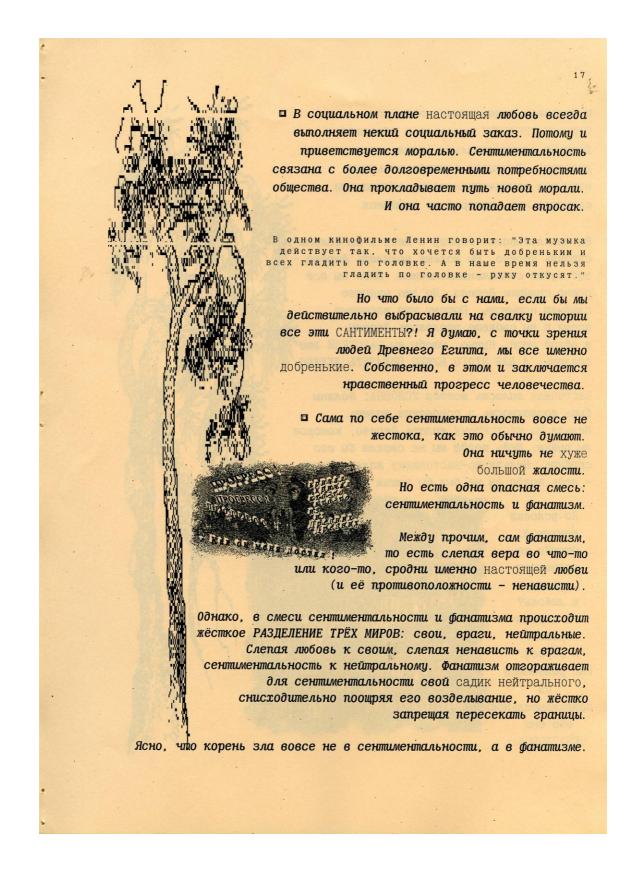

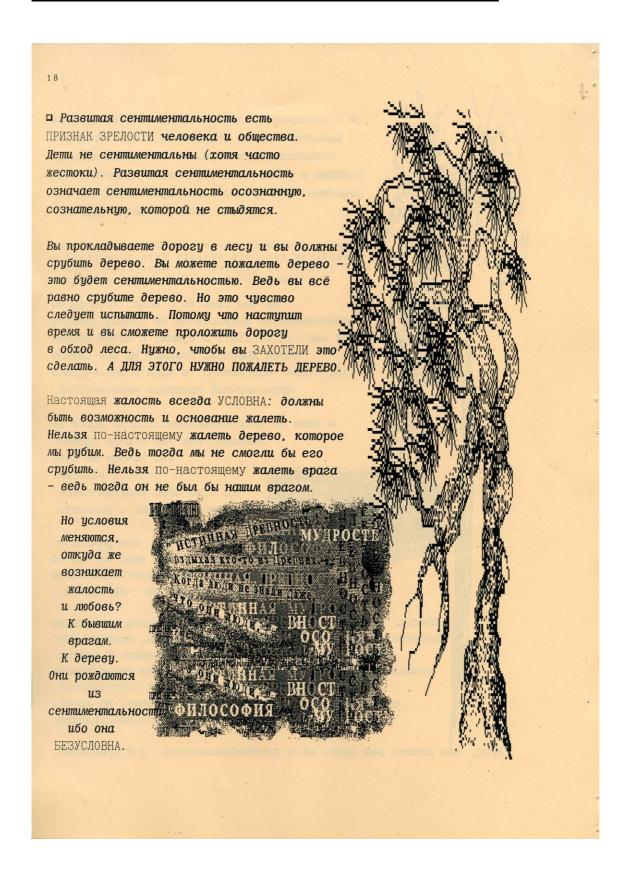

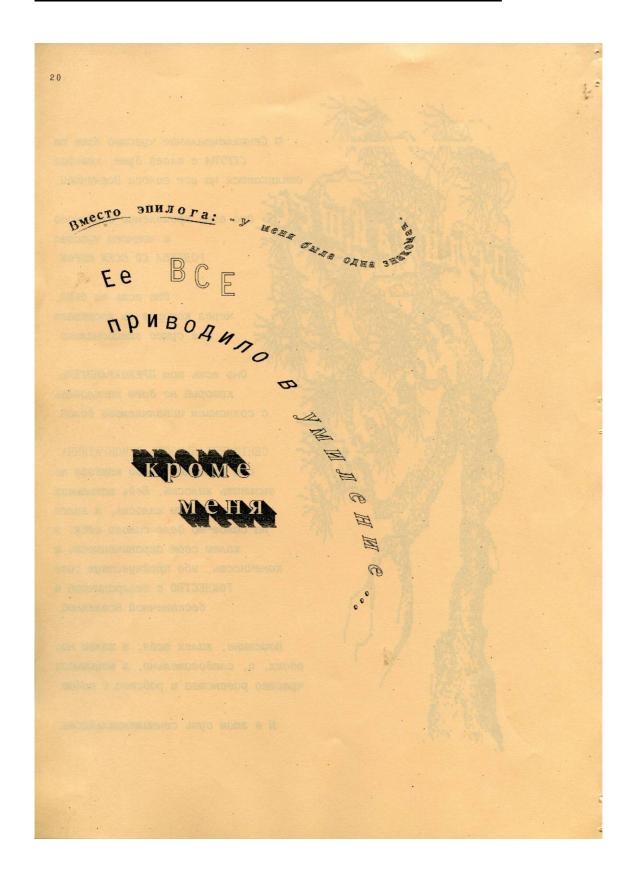

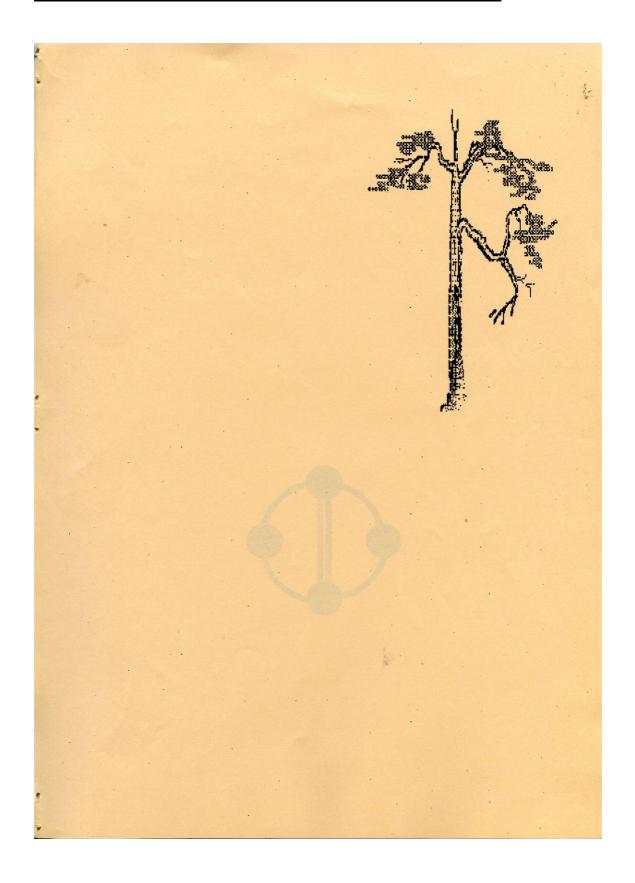

Том 5: «Карьера Иоганна Бура». Полное собрание 2. 3.8.81 – 30.7.82

35. МЕТАМОРФОЗЫ

Я видел в автобусе плачущую пожилую женщину.

Она сидела у окна и вытирала платком уголки глаз,

А я стоял и случайно увидел это.

Я смотрел на неё:

На морщины на стареющем лице,

На волосы седеющие, гладкие и на отсутствие модной причёски.

На её пальто.

На её туфли со стоптанными каблуками.

На её руки.

Молодость рук уходит быстрее всего.

Её руки сжимали платок и им вытирала она уголки глаз.

Я стал ею — такое случается иногда со мною, когда я гляжу на плачущую женщину.

Очень обидно.

Что же я плачу, не надо плакать.

Но очень обидно и слёзы навёртываются.

Я вытираю их платком.

Почему обидел меня мой сын?

Мой сын единственный.

Он такой большой, у него жена и ребёнок, он курит.

А был маленький.

Ведь был же маленький и помещался на моих коленях.

И глаза его были ясные.

И он засыпал у меня на руках.

Как же вышло, что всё прошло? Что теперь не так?

Я еду от него одна, я одна, очень обидно, что же дальше...

Ведь он же мой сын, единственный, почему он меня обидел?

Почему не подумал, не пожалел, обидно...

…Я вернулся в себя на мгновение и снова увидел плачущую пожилую женщину и отдалился от неё и волны, несуществующие волны человеческих чувств отнесли меня в квартиру на девятом этаже, где сын этой женщины сидел на кровати и курил сигарету.

И я стал им.

Третья сигарета подряд.

Муторно от сигарет и вообще на душе.

Почему всё не так, как надо?

Обиделась мать и уехала.

Разве хотел я её обидеть?

Зачем кричала она и устроила эту сцену?

Мы сами во всём разберёмся, зачем вмешалась она так грубо.

Ведь это касается только нас: меня и моей жены.

Жена стоит у окна в халате и смотрит в окно.

Она стоит уже полчаса.

Нет, всё-таки надо бросать курить.

Голова в дыму.

Ну откуда взялась такая нескладная жизнь?

Только всяких семейных сцен мне ещё не хватало!

Должен же быть смысл в жизни, что-то другое.

Завтра на работу – хоть там отдохну.

Выходит, бегу.

И куда?

На работу, которая выматывает все силы и от которой тошнит.

На кой же чёрт мы все существуем?

Четвёртая сигарета...

...Я вернулся в себя и увидел спину в халате молодой женщины у окна.

И я стал ею.

Господи, ведь я же ещё не старуха!

Что же я вижу в этом стекле?

Волосы не прибраны, старый халат, вот уже и морщинки у глаз.

За что?

Когда еду на работу, причесавшись, накрасив губы, тени для глаз, маникюр, лак французский, в моём новом пальто с воротником и в этих сапогах, которые с пряжками...

Ведь мужчины оборачиваются!

И всего-то сорок минут в день, в автобусе, в давке.

А на работе всё те же лица. Мужчины глупы.

А дома?

Кому я нужна тут?

Постирать, приготовить ужин, погладить рубашку...

Ведь я же стихи читала.

На выпускном вечере.

Господи, какие теперь стихи?

Муж будет лысеть и начнёт пить.

А я буду стареть, стареть, стареть...

Пора за сыном идти в детский сад...

...Я вернулся в себя и крики детей меня оглушили.

А маленький мальчик с ясными глазами скакал на деревянной лошади.

И я стал им.

Я хотел стать им, но не смог.

Я только почувствовал свежесть жизни.

И радость от ветра, свистящего в ушах.

Я увидел на мгновение будущее как бесконечность.

Я всё могу.

Я стану кавалеристом.

Или космонавтом.

Я ещё не решил.

Я... вернулся в себя.

Я больше не мог терпеть.

Ведь я-то знал: он может стать кавалеристом, он может стать даже космонавтом.

Но что же это значит?

Когда он станет кем-нибудь, у него не будет ясных глаз.

И будущее не будет бесконечно.

И вместо путей – тупики.

Так не должно быть.

Так будет.

Я сам так.

Я, который стоит в автобусе, вымотавшийся на работе, лысеющий, накурившийся сигарет, не терпящий семейных сцен, по утрам оборачивающийся на красивых женщин, если они модно одеты,..

Я, который всё так хорошо понимает и особенно хорошо: что толку от понимания?

Конечная остановка автобуса...

17 мая 1982

36. ЕДИНСТВЕННАЯ ПЕСНЯ

В чащобе леса, на краю могучего оврага, по дну которого змеёю извивалась речушка жалкая, я обнаружил избушку эту. В окруженьи сосен, прямых и гордых, кронами ловящих летящий в небе ветер, дождь и снег, она стояла, словно пень трухлявый. Вся почернела, крыша провалилась, оконца в землю вжались, дверь скрипела, тоскливые мотивы дней прошедших протяжным звуком выводя. И вторя ей, в овраге кто-то ухал и белка рыжая пугалась и взлетала на верхний сук, и прыгала в дупло.

– Вот хорошо! – себе сказал я строго. – Вот здесь меня никто уж не найдёт.

И стал я жить отшельником суровым, спокойствие вдыхая ежедневно огромной дозой, что в другое время болезнью страшною грозила. Той болезнью, что люди умные зовут тоской и скукой, и что в последней стадии развитья всегда ведёт к летальному концу. Однако здесь, природой окружённый, забившись в угол дедовской избы, я наслаждался тихою печалью. И творческие планы вызревали, как вызревают тонкие травинки на куче мусора. Я взял бумаги белой, чёрный карандаш и стал писать прекрасные поэмы. Летала птица чёрная меж сосен, в овраге кто-то сучьями трещал. То солнца луч влетал ко мне в оконце, то дикая луна пугала иль дождь шипел и пенился и плакал на стекле. А где-то сверху, то ли в кронах сосен, то ли в печной трубе, шумел и злился, жалуясь на мир и проклиная смуту городов, со мною ветер вольный говорил. Я понимал его и твёрдый карандаш, отточенный на диво, плавно мчался по белым листьям, образы и мысли в сплетеньи сложном в сложные узоры ритмичных слов переводя. Я создавал, страдая, торжествуя, печалясь, радуясь, обливаясь слезами противоречии меня терзавших Единственную Песню.

В это время инстанции, вопрос ребром поставив, пришли к согласью в выборе пути для магистрали, должной разгрузить грузопоток районного масштаба. Работа закипела, чертежи взлетали с кульманов, как белые платочки. Те платочки, которыми когда-то, уж не помню в котором веке, стройные девицы с околицы махали, провожая лихих мужчин на ихнюю работу. И в эти чертежи прораб всё пальцем тыкал и кричал, что сроки подошли, а нет цемента, и телефон нещадно обрывал. Строители, заняв свои места внутри железных гор, что столь

искусно чудовищ сказочных собою заменяли, курили папиросы, ожидая сигнала к действию. Сигнал был выдан в срок.

Моя Единственная Песня подходила к тревожному чудесному концу, когда внезапно буря налетела, сверкала молния, гремел ужасный гром. Всё пронеслось, я вышел на крыльцо: оврага нет, по гладкому шоссе, изящно шинами шурша стрелой летели автомобили, фарами блестя. Вот самосвал, пыхтя и отдуваясь, затормозил и глядя из окна меня спросил водитель:

– Далеко ли до базы Промвторбыткопытсырья?

Моя Единственная Песня подходила к тревожному чудесному концу, и я вчитался в сложные узоры ритмичных слов и с грустью обнаружил, что эту Песню кто-то из ушедших в прошедшем веке раз уж написал. Не позабыть рычащие машины, хотя избушка кажется милей, но как, скажите, мне соединить протяжный луч, что с неба посылает недвижная вечерняя заря, с ближайшей базой Промвторбыткопытсырья? А?

24 июня 1982

37. УПРЯМЫЙ ОСЁЛ

На одной планете тамошние жители решили построить Дорогу. Начали строить — хорошо получается! Гладкая дорога выходит, широкая, прямая — как стрела. Через поля и леса бежит, речки перепрыгивает, горы насквозь просверливает.

Вдруг глядят строители — осёл впереди. Прямо по курсу! говорят: Отойди-ка в сторонку, мы тут дорогу прокладывать будем. Осёл стоит — не двигается. Его за хвост потянули — не шелохнётся. Два строителя разбежались — осла в бок толкнули. Не дрогнет! Что делать?

Пригнали бульдозер. Осёл в отвал лбом упёрся, с места не сходит. Бульдозер рычит, трясётся весь. Запороли двигатель. А осёл стоит. Прораб рассердился, кричит: Тащи динамиту, так-не-этак! Принесли динамит, под брюхо подложили. Отбежали за бугор, повернули ручку — ка-а-ак бабахнет! Дым рассеялся, смотрят: яма большая получилась — три дня закапывать. А осёл стоит!

Скандал! Телеграмму в трест отправили: что делать? Там с Военным Министерством связались. Военные обещались помочь. Две соседние деревни эвакуировали. Бомбардировщики прилетели, семь часов бомбили. Пять километров в диаметре — выжженная земля. А осёл стоит!

Раз такое дело, созвали Высший Совет планеты. Для начала разрешили один мирный атомный взрыв произвести. Целый район эвакуировали. А осёл стоит!

Тут уж вопрос принципа! Свезли весь наличный запас урана. Осла со всех сторон обложили — целая гора получилась. Кнопкунажали — ка-а-а-ак шандарахнет! Ух ты! Трещина в коре — от полюса до полюса! Что началось! Извержение вулканов! Землетрясение! Вдруг — крак! — планета пополам раскололась! Как орех...

А обе половинки – ещё пополам развалились, а те – ещё,.. Атмосферу, как ветром сдуло. Жизнь испарилась. Цивилизации – как не бывало. С тех пор между Марсом и Юпитером одни обломки летают. Астероиды называются.

А всё этот упрямый осёл! Говорят, «Вояджер-I» по пути к Сатурну случайно его сфотографировал. Стоит себе осёл на обломке планеты и только хвостом помахивает!

Вот до чего упрямство доводит...

38. БЕЛЫЕ НОГИ – КРАСНЫЕ НОГИ

В детстве Ивана Кузьмича всегда было лето.

К полудню мальчишки возвращались из леса. Объевшиеся малины, разморённые солнцем, они шли не торопясь. Останавливались и со злостью, с наслаждением чесались: крапива в окрестностях Шепилово была на редкость жгучая. Тропа выходила на бугор и круто ныряла вниз — к деревенскому пруду. Кто-нибудь обязательно кричал «Э-гегей!» или «О-го-го!» или даже «Ура!», и все бросались бежать, набирая скорость и захлёбываясь от ветра. Жёлто-зелёные поля с обеих сторон равномерно покачивались и как бы на крыльях несли Ивана Кузьмича к долгожданной прохладе пруда.

Иван Кузьмич барахтался в воде, отфыркивался, окунался с головой, но держался у берега — плавать он не умел. Видно, что-то не так было в его фигуре: то ли руки слишком тонки, то ли задняя часть слишком тяжела — в мать Марию. Только шёл он ко дну как камень. Но плавать Иван Кузьмич очень хотел: по морям, океанам и великим рекам Сибири. А пока что он плавал по пруду на плоту. Болтал в воде ногой и поглядывал на берег.

На берегу Любка — дочка бабки Полины — полоскала бельё. Любка высоко подтыкала юбку, и Иван Кузьмич задумчиво разглядывал её белые, как молоко ноги. И однажды от этой великой задумчивости Иван Кузьмич приподнялся и шагнул к Любке. Зелёная вода сомкнулась над его головой, Иван Кузьмич забарахтался и стукнулся головой о брёвна плота.

- Тону! подумал Иван Кузьмич и бешено замолотил руками и ногами. На миг голова его показалась над водой.
- Тону! заорал Иван Кузьмич и пошёл ко дну.

От преждевременной погибели Ивана Кузьмича спас Ванька Плуев – первый на селе тракторист.

 Ну что, гроза морей, жив? – Ванька Плуев стоял над Иваном Кузьмичем мокрый, рыжий, молодой и весёлый.

Грозой морей Ивана Кузьмича прозвали за пристрастие к океанам, великим рекам Сибири и ещё — что самое обидное — за неумение плавать.

- Жив, кажется... тонким голосом ответил Иван Кузьмич и вздрогнул от звонкого хохота.
- Кажется! Любка стояла рядом с бесстыже подоткнутой юбкой и весело смеялась: Кажется! Ой не могу: он не знает, жив он или нет!

Любка хохотала и белые ноги её выше колен дрожали.

 Чего ты ржёшь? – весело говорил Ванька Плуев: – Чего ты ржёшь, когда человек, можно сказать, чудом спасся апосля кораблекрушения.

Ванька Плуев весело облапил Любку и повалил в траву. А Любка ржала и дрыгала белыми ногами. Но потом вскочила и залепила Ваньке Плуеву звонкую пощёчину:

– Ты чего делаешь? С ума спятил, жеребец! Чего ты делаешь?

Но Иван Кузьмич этого уже не видел и не слышал, потому как бежал быстро: сам не зная куда, лишь бы подальше от пруда.

– Дура! Дура! – твердил он про себя и вдруг нехорошо засмеялся: он вспомнил как мужики дразнили Ваньку – первого тракториста – неприлично переиначивая его фамилию, а Ванька злился и лез драться...

За обедом Иван Кузьмич сидел мрачный и в глубокой рассеянности крошил хлеб. Дед Пахом не любил такой непорядок. Он сидел во главе стола, торжественный, как и полагается при еде, и аккуратно придерживая свою дореволюционную бороду, подносил ко рту ложку. Так же не торопясь, он основательно облизал ложку — деревянную с обглоданным узором — и вдруг на удивление резво вскинул руку и больно стукнул Ивана Кузьмича ложкой по лбу. После этого дед Пахом, как ни в чём ни бывало, молча продолжал свою трапезу.

Иван Кузьмич, хотя и привыкший к дедовскому способу воспитания, на этот раз вскочил, открыл и закрыл рот, и убежал на сеновал: плакать в душистое сено.

Месть свою Иван Кузьмич вынашивал долго и бережно. Он строил разные планы: один ужасней другого. Но вот однажды он шёл мимо сельсовета и увидел Ваньку Плуева. Тот стоял с ведром краски в одной руке и с малярной кистью в другой руке и, жмурясь, смотрел на белое полотняное полотнище. Большими красными буквами было написано: «Даёшь коллективизацию!» План мгновенно созрел...

Любка лежала в высокой траве, раскинув руки и ноги и безмятежно улыбаясь во сне. Ивану Кузьмичу стало её жалко.

– И чего она улыбается. – думал он: – Бесстыжая... –

Иван Кузьмич сидел в кустах и ждал, когда Любка проснётся. Вот она открыла глаза, потянулась всем своим молодым здоровым телом и села. И вдруг Любка дёрнулась и завопила:

- Кровь! Кровь! Убили! Ой, убили! она вскочила и побежала. Она бежала и вопила: Убили! Убили меня!
- Зто не кровь! Это краска! закричал Иван Кузьмич, который и сам испугался своей мести. Но Любка его не слышала...

8 июля 1982

39. РЕЛИКТОВОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

ПРОЛОГ

История началась 20.000.000.000 лет назад: в результате Большого Взрыва родилась Вселенная.

Вначале был Горячий Свет. Он разлетался в разные стороны и остывал. Свет рождал «кирпичики Мироздания». Из этих «кирпичиков» строились атомы, из атомов — молекулы. Образовалось Вещество.

А Свет летел и летел, дальше и дальше, и становился всё холоднее и холоднее. Он и сейчас летит — совсем холодный и безучастный. Реликтовое излучение...

История продолжалась. Горячее вещество распалось на большие сгустки — Галактики. Галактики дробились на мелкие капельки — Звёзды. Они кружились хороводом.

Эта Звезда называлась Солнце. От неё отлетели брызги — Планеты. Они кружились вокруг Солнца. Это было 5.000.000.000 лет назад.

Третья планета — Земля — эта расплавленная капля — крутилась в холодном пространстве и остывала. Она покрылась каменной корой, она окуталась газом и паром. Пошёл дождь и возникли моря и океаны.

История продолжалась. Длинные молекулы, похожие на червяков, копошились в воде. Они учились рождаться и умирать — возникала Жизнь. Отныне История писалась буквами аминокислот. Этой летописи 3.000.000.000 лет.

Жизнь ветвилась как дерево. Уркариоты отделились от общего ствола и вступили в симбиоз с аэробными бактериями, а кое-кто — с цианобактериями. Так возникли эукариоты: растения, грибы и животные. Рыбы вылезли на сушу, появились насекомые и лягушки. Динозавры толпами бродили по поверхности планеты. Мелкие грызуны превращались в млекопитающих и вытесняли гигантов. Птицы парили в небе и видели сверху: антилопы мчались подобно

ветру, и тигр поджидал их в зарослях. 1.000.000 лет назад появился Человек.

История стала писаться в памяти людей. Человек бил зверя, ловил рыбу и собирал коренья. Он обтёсывал камень и делал орудия и оружие. Человек научился воевать. Он приручил зверей и стал их пасти. Он обрабатывал землю, строил дома и добывал железо. Появились народы, империи, рабы и письменность. Горел Древний Рим, горели костры Инквизиции, в России произошла революция.

На окраине Московской губернии, в деревне Шепилово, в крайней избе, на кровати с пологом спала крестьянка Мария. Её муж, крестьянин Кузьма, не выспавшийся после брачной ночи, сидел на крыльце, дымил самокруткой и всматривался в розовеющий горизонт. Было раннее утро. В чреве Марии происходило таинство жизни: длинные молекулы кружились в загадочном танце, разбившись по парам.

История продолжалась. Зародыш рос: он был рыбой, лягушкой, динозавром и медленно превращался в человека.

РОЖДЕНИЕ

Лепестки яблонь опускались на землю. Свет проходил сквозь них белый и холодный. Как реликтовое излучение, о котором, впрочем, Мария так никогда и не узнает. Она смотрела в окно и думала: Бог меня видит!...

Мария снова почувствовала, как сжимаются её внутренности.

- Давай, милая, давай! закричала бабка Полина и обеими руками упёрлась ей в живот.
- Раздавит! испугалась Мария и тут что-то сильное стало давить её изнутри и выворачивать наизнанку. Она закричала, силясь освободиться от этого и теряя сознание от боли.

Крик Марии затихал и вдруг возник снова: звонкий и громкий. Она зажала рукой рот, но крик всё звенел и звенел в в ушах.

– Как же я кричу с закрытым ртом? – не понимала Мария.

Ух ты, какой голосистый! – говорила бабка Полина: – Смотри,
 Кузьма, какого тебе Мария Ивана громкого выносила.

Новорождённый открыл глаза и сразу замолчал. Вселенная впервые смотрела на себя глазами Ивана Кузьмича. Пока что был виден только белый холодный свет, проходивший сквозь лепестки яблонь.

ДЕТСТВО

В детстве Ивана Кузьмича всегда было лето.

Дуть к Дурному Озеру не близок. Рано утром надо выпить стакан парного молока, съесть ломоть хлеба и можно отправляться, пока мать не нашла какого-нибудь хозяйственного занятия.

Сначала по дороге через овраг и в поле. Центр поля достигается в тот момент, когда солнце встаёт между верхушек двух самых высоких елей и его лучи падают на деревню. Здесь нужно постоять и посмотреть назад. Поле надутым пузырём возвышается над деревней — вот-вот лопнет и что-то ужасное вырвется на свободу и обрушится на домики, садики, кур, гусей, собак и людей. Иван Кузьмич пристально смотрит на землю под ногами: всё в порядке — в плотной звонкой глине нет ни единой трещинки. Солнце припекает затылок — надо идти дальше.

За полем смешанный лес: здесь всё перемешано: и ели, и берёзы, и кусты, и муравейники, и цветы на полянах, и комары, и шмели. Тропинка — уже не дорога — петляет, кружится и прошивает насквозь зелёную-жёлтую-бурую-белую-красную и снова зелёную пестроту. Голова шалеет. Хочется упасть куда-нибудь — лес всё равно будет кружиться над головой.

Почти без перехода — через просеку — сосновый бор. Здесь только сосны. Стоят редко, с достоинством. Никаких кустиков или цветочков под собой не терпят. Высокие — шея болит. Тихо. Солнечные лучи не рассыпаются в мелкие брызги, а цельные, прямые косо спускаются меж стволов до земли. Ухватись за них — долезешь до самого неба, если хватит сил.

С крутого обрыва по мягкому сухому песку скатываешься почти до кромки воды. Вот оно – Дурное Озеро. Тёмное неподвижное.

Противоположного берега нет – озеро переходит в болото. Туда, под зелёный мох, под густую траву, под осиновые кустики затягивает

неосторожных ныряльщиков. Там, в глубине, озеро продолжается под болотом и туда тянет и тянет тёмная сила: старый Водяной. Рассказывают, много людей с незапамятных времён нашло там погибель. Их тела неподвижно висят в чёрной воде, и ничего им не делается: все они как новые, только что утонувшие. А если достать человека оттуда, да положить на солнышке — обсохнет, встанет и будет жить дальше. Только никого не отпустит старый Водяной, пока сам жив. А живёт он уже тысячу лет и ещё тысячу жить будет.

Купаться в Дурном Озере не хочется.

Иван Кузьмич сидит на берегу и смотрит на болото. Болото уходит далеко-далеко. Никто никогда не ходил в эту даль. До самого горизонта уходит болото, а на горизонте видны тоненькие ровные ряды деревьев. Что за деревья — не известно. На болоте деревья не растут, значит, там, за далью — неизвестная земля.

Какая часть света в той стороне?

Солнца там никогда не бывает: ни утром, ни вечером. Небо за болотом всегда одинаковое, ровное и идёт оттуда свет белый и холодный. Как реликтовое излучение, о котором Иван Кузьмич пока ничего не знает.

Кто живёт там? На самом краю болота. Кто сидит на берегу и смотрит на болото? И кажется Ивану Кузьмичу: если взгляды их однажды встретятся, то вдруг произойдёт что-то чудесное, что-то такое, чего очень хочется, но неизвестно — что это будет.

Вот почему ходит Иван Кузьмич на Дурное Озеро. А вовсе не для того, чтобы купаться, как опасается мать.

ЮНОСТЬ

Она была стройная и тонкая. У неё были волосы, чёрные как ночь. Её глаза — как свет звёзд — загадочны и далеки. Она читала стихи. Она улыбалась робко. Она дрожала в его объятиях. От поцелуя они теряли сознание...

...Она оказалась пухленькой и рыжеволосой, как солнце. Она любила смеяться. Её звонкий смех приводил Ивана Кузьмича в некоторое недоумение. Она сама обняла его и поцеловала. И засмеялась.

- Это не она, удивлённо подумал Иван Кузьмич и остановился посреди поля. Он вспомнил какая она горячая и ловкая. Это было приятно.
- Ночью надо спать. Иди домой, сказала она и засмеялась. Потом поцеловала Ивана Кузьмича и шепнула: – Приходи завтра.

Над головой стояли звёзды. Не глазами — всем существом своим чувствуешь тот долгий путь, что прошёл звёздный свет. Он заострился, потерял в пути всё лишнее и случайное и стал пронзительным, как взгляд. Кто смотрит с далёких звёзд на Ивана Кузьмича? Если взгляды их встретятся...

– В детстве я хотел стать астрономом, – подумал Иван Кузьмич. Небо вспыхнуло белым холодным светом. Вспышка повторилась. Будто белые птицы взмахивали в небе крыльями зарницы. Август месяц.

Со стороны деревни раздался громкий протяжный крик.

- Что случилось? - подумал Иван Кузьмич.

Но это было всего лишь начало песни. Заиграла гармонь.

 На свадьбе гуляют, – понял Иван Кузьмич: – А мне завтра на работу рано вставать.

Иван Кузьмич вспомнил горячую и ловкую, рыжеволосую, как солнце, усмехнулся и зашагал домой торопливо. Неюо ещё помахало белыми крыльями и затихло. Звёздный свет так долго идёт до Земли, что звёзды, пославшие его, успевают потухнуть.

война

– Ты что же, сукин сын, в воздух стреляешь? Фрица жалко? Не можешь в человека стрелять? Да какой же он, фриц, человек? Он нас жалеет? Он Петра Соловкова пожалел? Сашку Мурина пожалел? Он лейтенанта нашего пожалел?... Дурак ты. Увижу ещё раз –убью.

Сержант замолчал, подумал, сплюнул и добавил: — Я не шучу. И пошёл дальше по окопу. Злой, чёрный, усталый.

– Выстрелю – закрою глаза и побегу дальше. Чтобы не видеть, – думал Иван Кузьмич: – Выстрелю и побегу. Что ж я?...

Свет был белым: под белым небом — белое поле. Снег был рыхлым — бежать трудно. Стояла тишина и Иван Кузьмич слышал своё неровное, свистящее и хрипящее дыхание. Потом стали стрелять, ревел пулемёт, грохнули взрывы и Иван Кузьмич перестал слышать. Вдруг людей стало больше: Немцы! — понял Иван Кузьмич. Прямо перед ним словно из-под земли вырос человек. Иван Кузьмич выстрелил и зажмурил глаза. Через три шага он споткнулся, запутался в шинели и упал в снег. Совсем рядом — только руку протянуть — лежал убитый немец и смотрел на него, будто говорил:

- Что ж ты, Иван Кузьмич, убил меня? Ведь мы с тобой даже не знакомы.
- Ты чего лежишь? Ранен? сержант сильно тряс Ивана Кузьмича за плечо: A ну вставай, сукин сын!

Иван Кузьмич встал и побежал. В цепи, растянувшейся по полю, закричали: — Ураааа!

– Ураааа! – кричал Иван Кузьмич: – Урааа!

Иван Кузьмич выстрелил ещё раз. Потом ещё. Немцы отступали.

- Здорово мы их! подумал Иван Кузьмич. Ему стало весело. Бежать стало легче. Впереди упал сержант. Убили? Иван Кузьмич побежал к нему. Сержант лёжа махал рукой и что-то кричал. Чего он кричит? Ранен? думал Иван Кузьмич. И тут он увидел, как молодая ёлка с общипанными веточками выскочила из земли и поплыла к нему по воздуху. На её месте снег вдруг разом растаял и земля как-то странно раздалась в стороны, образовав глубокую воронку. Иван Кузьмин и сам поднялся вверх, руки его схватились за зелёные иголки, и он поплыл вместе с ёлкой по воздуху. Белое небо и белая земля, схватившись друг за дружку, закружились вокруг Ивана Кузьмича, завертелись, сливаясь в белый холодный свет...
- ...Вдруг кружение остановилось, и на Ивана Кузьмича стали смотреть большие глаза.
- Что поделаешь, это война, хотел сказать Иван Кузьмич, потому что подумал, что это смотрит на него немец, которого он убил. Какая

белая у него борода, – подумал Иван Кузьмич: – Вся седая. – Но это была не борода, а марлевая повязка.

– Очнулся? – спросила марлевая повязка: – Живучий ты, парень!

Иван Кузьмич закрыл глаза, и белая метель закружила его, окутала белым светом. И сквозь этот свет всё смотрели на него большие глаза, словно рты, раскрывали свои зрачки и спрашивали: — Очнулся? Очнулся? Очнулся?...

ЗРЕЛОСТЬ

Иван Кузьмич медленно перелил в себя содержимое стакана, подумал, выдохнул воздух и откусил зелёную, в капельках воды стрелку лука. Попробовал щи — горячие.

— Так вот, и суёт он мне эту бумажку. Поскольку, говорит, председатель ваш заболел, придётся вам выступить. А что говорить — тут написано. Краткие тезисы. Вы, говорит, не волнуйтесь: прочёте, что написано, и всё хорошо будет.

Ладно, сунул я эту бумажку в карман. Чего мне волноваться? Ну, сначала разные другие выступали, а я сижу — бумажку читаю. Потом слышу — меня вызывают.

- Ты щи-то ешь, остынут, жена поправила выбившиеся из платка волосы, облокотилась руками на стол и приготовилась слушать дальше. Волосы у неё были русые и сильно выгоревшие от солнца, так что начинающаяся седина не замечалась. Иван Кузьмич отхлебнул щей.
- Вышел я на трибуну. Гляжу в зал: народу много собралось, но и своих подмечаю. Пашка Комаров из Иванькова, Митька Шуев, Дарья из Верхней Вышки, ну и другие тоже. Чего ж я, думаю, врать им по бумажке буду? Вынул я эти тезисы и говорю: «Вот мне тут написали, что я говорить должен. Тут и цифры разные есть, сколько чего мы наработали в своём колхозе. Только я про другое хочу сказать.» Ну, тут я про всё и сказал. И про коровник, у которого полкрыши провалилось. И про пшеницу за оврагами, что на корню сгнила. И про усадьбу агрономову...
- Ох, Иван чего ты в это дело полез? жена убрала со стола пустую тарелку из-под щей и стала её мыть в раковине.

- Да зло меня взяло по бумажке говорить. В общем, всё выложил. Но ничего. В перерыве подходит ко мне этот самый товарищ из райкома. Улыбается. Вы, говорит, Иван Кузьмич хорошо говорили, только зря всё же бумажку ругали: там цифры правильные. Я отвечаю: цифры, может, и правильные, да только не в цифрах дело.
- За сеном надо съездить на вырубку, сказала жена: Неровён час, дождь пойдёт.

– Сейчас съезжу.

Иван Кузьмич вышел на крыльцо. Закурил папиросу. Покуривая, поглядывая на дорогу, по которой тарахтел трактор, Иван Кузьмич вспоминал своё выступление и усмехался.

Потом Иван Кузьмич запряг лошадь, взял вилы и грабли, позвал жену и поехал на вырубку. Вдвоём они быстро управились с сеном, но всё же, когда возвращались, солнце уже висело на горизонте. Оно было красное, как угасающая звезда. Про угасающие звёзды Иван Кузьмич прочитал в журнале «Наука и жизнь», который выписывал и любил читать, особенно про что-нибудь космическое или древнее.

Ночью Ивану Кузьмичу приснился сон.

звёзд собрались CO всей Вселенной По случаю угасания представители на собрание. А на Земле все жители неожиданно заболели гриппом и тогда послали на собрание Ивана Кузьмича, как совсем не подверженного этой болезни. В огромном зале ярко светили прожекторы и висели лозунги на всех языках Вселенной: «Даёшь свет!». Иван Кузьмич сидел в зале и с интересом рассматривал соседей. Справа от него находился большой навозный жук, недовольно топорщил усы и нервно барабанил ножками по ручке кресла - видно, что-то ему не нравилось в выступлении ораторов. Слева на сидении стояли два сучковатых берёзовых полена. Иван Кузьмич в недоумении даже погладил их шершавую поверхность, но вдруг понял, что это женщина, и от смущения покраснел и незаметно вытер платком руку, испачканную белой пудрой.

Прямо перед Иваном Кузьмичем сидела его корова Машка, которую он в прошлом году отвёз на бойню. Она мерно качала головой и чтото торопливо записывала в записную книжку.

- Машка, Машка! тихо позвал Иван Кузьмич: Ты с какой же звезды будешь?
- Машка повернула к нему свою рогатую голову и совсем не покоровьи прошипела: – Не мешайте слушать, товарищ!

Иван Кузьмич попытался слушать выступавших, но ничего не понял — он не знал ни одного инопланетного языка. Ему стало скучно и он уже было задремал, как вдруг по-русски объявили: — А сейчас слово предоставляется представителю планеты Земля Ивану Кузьмичу.

- Ну, сейчас я им всё скажу, подумал Иван Кузьмич. Он поднялся на трибуну и начал говорить.
- Вот тут мне бумажку дали, в которой написано, что я должен говорить. Только я про другое хочу сказать. Много ещё у нас недостатков. Вот взять хотя бы коровник. Крыша у него совсем провалилась и что же? Кто-нибудь думает об этом? Беспокоится? Коровы под дождём и ветром стоят. Понятное дело, простужаются, все поголовно гриппом болеют. А какое от такой коровы молоко может быть, я вас спрашиваю? Плохое молоко!

И Иван Кузьмич стукнул кулаком по трибуне.

Тут в зале, поднялся шум, крики. Иван Кузьмич увидел, как корова Машка забралась с ногами на кресло и, засунув оба копыта в рот, засвистела по-разбойничьи. Тогда председатель собрания позвонил в колокольчик, и восстановилась тишина. А председатель — им оказался огромный зелёный спрут, похожий на того, что показывали на днях в телепередаче «Клуб кинопутешествий», — вразвалку подошёл к Ивану Кузьмичу, обнял его за плечи щупальцами и сказал:

– Эх, Иван Кузьмич! Что ты нам всё про коровник рассказываешь? Ты нам расскажи про угасание вашего Солнца. Как вы там к нему на Земле готовитесь? Какие у вашей цивилизации достижения имеются? Скоро ли с нами – инопланетными существами – дружбу начнёте заводить, чтобы совместно бороться с угасанием нашей общей Вселенной?

Иван Кузьмич растерялся: ни к чему такому он не готовился. Как на такие вопросы отвечать? Тут он вспомнил про бумажку, что лежала в кармане пиджака, и обрадовался. Уж там-то всё должно быть написано! Иван Кузьмич достал бумажку, развернул её, расправил аккуратно, прокашлялся... и вдруг увидел, что бумажка пустая. Чистая, белая, без единого слова, без единой буковки! Ивана Кузьмича бросило в холодный пот. А Спрут-председатель смотрел на него своими огромными глазами пристально и сердито. И весь зал, даже корова Машка, смотрели на Ивана Кузьмича и ждали...

Иван Кузьмич проснулся и сразу понял, что заболел. Видно, простудился на вырубке. Сон свой Иван Кузьмич забыл. Помнил только, что снилась какая-то чушь, а какая — не помнил.

СТАРОСТЬ

Когда умерла старуха, Иван Кузьмич переехал к сыну в город.

В городе Иван Кузьмич просыпался рано. Суетился, помогая собираться на работу сыну и невестке, а внуку — в школу. Потом мыл посуду и отправлялся в магазин за хлебом и кефиром. На обратном пути доставал из почтового ящика газеты. Иван Кузьмич садился в кресло, надевал очки и читал газеты. Он внимательно прочитывал все статьи: и про международное положение, и про сельское хозяйство, и на моральные темы. И незаметно для себя погружался в дрёму.

Проснувшись, Иван Кузьмич пил кефир, тщательно споласкивал молочную бутылку, клал её в сумку, чтобы на следующий день обменять в магазине на полную, и начинал бродить по квартире. Останавливался перед стеной с книгами. Брал одну, две, листал, рассматривал картинки и клал на место. Включал телевизор, наизусть передач. Просматривал «Клуб зная расписание всех кинопутешествия» или «Международную панораму» и выключал. Садился около окна и смотрел на улицу. С десятого этажа Иван Кузьмич рассматривал маленькие суетливые фигурки людей и игрушечные машины, похожие на те, что стояли в ряд на полке в комнате внука. Замечал – всегда в одно и то же время – в окне дома напротив молодую женщину, которая долго причёсывалась и одевалась перед зеркалом. Она задёргивала шторы всякий раз, как снимала халат перед тем, как одеть платье. Но Ивана Кузьмича это не интересовало, он и смотрел-то лишь для того, чтобы убедиться, что это будет так, а не иначе, в это время, а не в другое.

Днём прибегал из школы внук, стремительно съедал обед и убегал на улицу.

Вечером приходила с работы невестка, крутилась на кухне и просила Ивана Кузьмича не мешать ей, а идти отдыхать.

Потом приходил сын. Иван Кузьмич пытался обсудить с ним международное положение или, на худой конец, спортивные новости, но сын был совсем не в курсе. Он перебрасывался с невесткой малопонятными репликами о своей работе, а потом садился в кресло и утыкался в книгу — до ночи.

Перед сном Иван Кузьмич совершал прогулку между домами. Всегда по одному и тому же маршруту. Раскланивался с другими стариками, иногда останавливался поговорить с кем-нибудь из них, но чаще старался избегать таких разговоров: старики его не интересовали.

Спать Иван Кузьмич ложился позже всех и долго ворочался на постели, считая коров, пасущихся на лугу. Коровы разбредались в разные стороны, норовили зайти на гороховое поле, уходили к реке пить воду и поэтому подсчитывать их было утомительным занятием и скорее развевало сон, чем усыпляло. Иван Кузьмич отчаивался и засыпал.

СМЕРТЬ

Иван Кузьмич умер во сне.

Ему снился белый туман. Иван Кузьмич плыл в этом тумане и то и дело протирал глаза, но ничего не мог рассмотреть вокруг. Только белый холодный свет.

Вдруг послышались голоса. Кто-то крикнул Ивану Кузьмичу в правое ухо: — Очнулся? — Иван Кузьмич повернулся, но справа никого не было. А в левое ухо кто-то настойчиво шептал: — Вставай, сукин сын! Вставай, сукин сын! — Но и слева никого не было. А сзади громко смеялись, и сквозь смех едва можно было различить слова: — Ну-с, так что же вы нам расскажете, Иван Кузьмич? Ну-ка, расскажите, расскажите, Иван Кузьмич... — И со всех сторон: Давай, милый, давай!...

Голоса множились, перепутывались, окружали со всех сторон, сливались и постепенно превратились в одно ровное монотонное жужжание шмеля. Вдруг подул ветер, шум смолк, стало очень тихо. Иван Кузьмич увидел, что туман рассеивается. Последний порыв ветра — и последние клочья тумана исчезают.

 Наконец-то, – радостно думает Иван Кузьмич и осматривается вокруг, Но ничего не видит, потому что вокруг ничего нет.

ЭПИЛОГ

Ивана Кузьмича похоронили на старом погосте за деревней Шепилово Московской области.

Когда закапывали могилу, невестка заплакала, и сын отвернулся в сторону и снял очки. Странник с дубовой палкой и в широкополой соломенной шляпе остановился и молча наблюдал обряд погребения. Потом снял шляпу, подошёл ближе и деловито помог укладывать дёрн на свежий холмик земли. Когда все разошлись, странник нахлобучил шляпу, вытащил из-за пазухи початую бутылку и сказал:

– Ну, будь здоров... э.., – странник всмотрелся в жестяную табличку, – Иван Кузьмич! – и запрокинув голову, допил остатки. Потом спрятал бутылку, покачал головой и отправился дальше.

Лето было жарким и тело Ивана Кузьмича разлагалось быстро несмотря на подземную прохладу. Осенью за дело взялись дожди. Они вымывали ткани. Дольше держались кости, но и они вскоре распались на молекулы. Круговорот веществ разбросал Ивана Кузьмича по всей Земле. Под действием солнечной радиации, землетрясений, извержений вулканов, космических лучей и отходов химических предприятий молекулы Ивана Кузьмича со временем распались на атомы. Атомы рассеялись по Солнечной системе, и космические силы долго дробили их на «кирпичики Мироздания».

Иван Кузьмич, хотя и стал чрезвычайно разрежённым, заполнил теперь собой всё пространство Вселенной. Белый холодный свет, остывший настолько, что уже не взаимодействовал с веществом, летел сквозь Ивана Кузьмича совершенно безучастно.

На этом закончилась история Ивана Кузьмича.

40. Двадцать седьмое письмо Фариде Расулевой

25.4.82.

Ещё раз привет!

Говорят, если вещь нуждается в комментарии, значит автор не смог сделать то, что хотел. Это относится и к моим вещам и к настоящим «Комментариям». Но я имел ввиду и другую цель: высказать свою собственную оценку своих вещей. Тогда тебе, Фарида, твою оценку придётся давать в противовес, что много полезнее для меня. Ведь то, что я знаю, я и так знаю.

Я посылаю почти всё, что было написано за последние 8 месяцев. Во-первых, лень отбирать. Во-вторых, это даёт более широкую картину, т.к. показывает не только перспективу, но и пройденные тупики. Здесь есть даже незаконченные вещи, о возможном продолжении которых знаю только я, но продолжать не буду. Есть и вещи, которые мне решительно не нравятся. Общая оценка суммы вещей у меня такова: я недоволен. Во-первых, недоволен количеством. Будь это написано не за 8, а за 1 месяц, я был бы доволен. Во-вторых, здесь почти всё написано не так и не про то. Странно, но я люблю всё это перечитывать. Видимо дело в том, что остаётся за строками, и в том, что называется тенденциями.

Итак,

КОММЕНТАРИИ

1. «Я вышел из метро...»

Это шутка. Мне нравятся тут ритм и ирония или, как точнее говорит Кадрия, издёвка. Образ человека довольно точен. Но, в общем-то, пустышка.

2. «Забытая сказка».

Двойственное ощущение. 1. Сюжет точен и мысль ясна. Неплохая стилизация. 2. Мысль слишком проста и совершенно нет иронии, что, впрочем, взаимосвязано.

Есть даже момент, когда берёт за душу, но попахивает сентиментальностью. Два дополнительных кусочка в конце не

спасают положения. Основное настроение этой сказки мне близко, но я вижу, что в столь чистом виде оно малосьедобно.

3. «Камень бессмертия».

Неудавшаяся попытка сделать мысль сложнее. Затянутые повторы, не понятно, что же я хотел сказать. Хорош образ Вечной Птицы и её птенца. Ещё мне нравится Отшельник, хоть он и не совсем удался. Это ведь должен был быть бог, которому требуется камень, чтобы остаться богом, бессмертным.

4. «Сказка про толстого и длинного червяка».

Это написано легко. Стиль точен. Иронии в самый раз. Всё дело портит концовка в стиле «а мораль сей басни такова...». Но что ещё можно сказать в конце? Поскольку здесь нет интересной мысли, а лишь интересные «чёрточки», то это просто шутка. Тем более не верен конец.

5. «Не гоните чужую кошку».

Слишком много мемуарного. Местами сильно банально, хотя все такие места тщательно обработаны иронией. И всё же эта вещь вызывает у меня сложное ощущение. Здесь есть какой-то неразработанный пласт, проявляющийся в единственном сюжетном месте — истории с душами-кошками. И, конечно, большая дань традиционным для меня явным «рассуждениям».

6. «Будда №6».

Чем дальше, тем меньше мне это нравится. Сама идея такого романа, который состоял бы из «кусочков», неинтересна. Да и будда здесь не при чём: это чистый приём, но вряд ли можно в качестве приёма использовать нечто чуждое самому себе или, точнее, не своё. Стиль есть подражание Воннегуту. Отдельные «идейки» отдельных кусочков — чёрт их знает? Они выглядят игрушечными, хотя первоначально были неигрушечными наблюдениями.

7. «...появилась новая мода...».

Незаконченная вещь. Это попытка изобразить мир с «бананами в ушах», причём бананами самыми что ни на есть натуральными, и показать что в сущности этот мир ничем не будет отличаться от нашего, кроме того, что абсурдность его будет видна нагляднее. При желании можно усмотреть аналогии этим бананам, но не это главное. Не было, увы, сюжета и тон взят не предрасполагающий к продолжению. Разве что сделать нечто вроде

полемической статьи, то есть закончить, как начато. Так можно, но это слишком лобовое решение.

8. «Сидя на кухне».

Это важная тема: психология страха, неосознаваемого страха. Сделано не без «тонкостей», но, быть может, слишком поверхностно. Наверное, нужны были не намёки, а тайные удары, и поглубже. Хотя намёки мне ближе.

9. «На даче».

Незаконченная вещь. Видно только стиль, настроение, мироощущение, но до идеи дело в реализации не дошло. А идея была: аппаратуру у Петрова украдут всю целиком под видом переезда при якобы снесении дачи. Ему будет сделан намёк, что это неспроота. Он сломается. Дело тут не только в инопланетянах, хотя речь и об этом. Дело в том, что все таки «убежища» ломаются жизнью, если они начинают выходить за пределы безобидного хобби. Хотя такие «убежища» – большая ценность для людей и человечества.

10. «Модуль».

Плохо сделано, особенно в части «модуля связи» (и стиль тут не найден) и особенно плох конец. Лучше всего начало. Идея тут совсем не (или не только) о «винтике», а о том, что человек живёт в обществе, которое двигается по своим собственным непонятным человеку законам, как нечто самостоятельное, причём это определяет и функциональную роль самого человека несмотря на всю его свободу воли. А вне общества человек жить не может. И, наконец, то, что люди .думают о самих себе, может совсем не соответствовать действительности не потому, что люди на самом деле другие, а потому, что действительность другая.

11. «Возвращение».

Незаконченная вещь. Это против Солоухина. Попытка показать, что дело совсем не в «цветочках». Для этого и понадобился инопланетянин, который на самом деле бывший землянин. Вот этот инопланетянин как раз и не может понять «метафор и аллегорий» Солоухина. Суть человечности не в «цветочке», потому что на другой планете (или в другом месте Земли) «цветочек» совсем другой, а то и вообще нет «цветочков». Особенно, если «цветочек» ассоциируется с враждой к другим. Объяснять любовь к родине ненавистью к «врагам» — вот против чего.

12. «Подвиг».

Никакого подвига, конечно, нет, вещь незакончена. Мефистофель – «хороший», хотя он есть олицетворение зла. Но зла абстрактного, а абстрактное зло – это просто всё чуждое человеку. Зло конкретное делается людьми и от этого оно именно бесчеловечно. Абстрактное зло – чуждо, но не бесчеловечно. По задумке Мефистофель должен был спасти род человеческий, взорвав бомбу в воздухе – на полпути к цели. При этом он погибает сам, ибо законы физики действуют и на него. А цель спасения очевидна: аду нужны души людей, а какие души останутся после бомбы? Правда, эта задумка уже в написанном изменена. Опять приплёл инопланетя ни к селу, ни к городу.

13. «Мы смотрим...».

Вот, что мне нравится. Во-первых, «маленькие, зелёные» мне очень симпатичны. Во-вторых, ритмично-телеграфный стиль. Хотя, увы, это всё страдает перечислительностью. Лишь дядя Вася дан картинкой и, отчасти, контора с кульманами. Возможно, это объясняется тем, что только дядя Вася и его жена отнеслись к «маленьким, зелёным» по-человечески, хоть и спутали их с чертенятами. Идея, конечно, банальна, но, кажется, таков здесь жанр.

14. «Изобретатель».

Явная пародия на меня в «Забытой сказке». Это, конечно, шутка. Но нет того изящества, что в «Сказке о толстом и длинном червяке». Возможно, слишком пародийно (уже не на меня) и смешливо.

15. «Диалог с котом».

Это просто набросок. Написано ради мысли: наша цивилизация слишком антропоцентрична. А цивилизация есть общество разумных существ и, следовательно, не должна иметь ограничений по критерию «мы» и «прочее» так же, как разум не имеет ограничений по сути своей.

16. «Игральный автомат для мужчин».

Вот, что мне нравится. Здесь нет меня: «я» рассказа — это не я, видимо, потому, что речь не о «нём». Соль рассказа здесь отсутствует во внутренней речи героя, кроме точного намёка: «не люблю курортных городов Я даже не знаю, о чём рассказ, и это мне больше

всего в нём нравится. Конечно, очень сильно, увы, Александр Грин просвечивает.

17. «Плыли пираты,..»

Комментировать тут нечего: стихотворная шутка. Стихи, правда, слабые.

18. «Мой друг и учитель...»

Петя говорит, это эссе: это значит, что так тоже пишут. Эта вещь есть материализованное настроение. Петя ругает конец; возможно, он прав: конец как бы «объясняет», зачем это написано, а ничего объяснять не надо. Жаль, что фактически это не закончено, ибо конец (насчёт людей) — это ложный конец. Ещё мне нравится стиль — это означает, что писать было приятно.

19. Акростихи.

Они и есть акростихи – упражнение. Но первый стишок как будто неплох.

20. «Утро было солнечное и он снова увидел эту дорогу...»

Это я посылаю ради размышлений о «дороге». Дальше тут чушь собачья, хотя отдельные фразы неплохи — но что толку от отдельных фраз Наверное, надо было эту «дорожную» тему продолжить и сделать опять эссе.

21. «Три коровы вверх ногами».

Это я. Я так люблю. И, главное, рифмовать не нужно было. Хорошо бы, конечно, более точно найти своё место в иронической поэзии.

22. «И страх нам неведом...»

И это мне нравится, хотя не всё. Есть хорошие стилистические места. Идея такого «бога», конечно, не ах, но и не она главное. Идея таких ангелов и такого сатаны тоже не ах, но и не это главное. Главное выражено в названии и в мысли: мы ищем бога, отрицая его, смеясь над ним, отрицая то, что ищем бога, и надеясь, не признаваясь себе в этом Страх нам неведом, а что ведомо? К сожалению, в середние рассказа — перечислительность. Всё это — некая квинтэссенция. Не скомкано, но сильно сжато, как в том сингулярном состоянии Вселенной, в котором она была до Большого Взрыва. Это ведь была та

же Вселенная, но сжатая в точку. А после взрыва – посмотри, какое разнообразие!

23. «Любовная история».

«Нравится» здесь, конечно, не то слово. Как ни парадоксально, но здесь меня тоже мало. Очень хотелось «объективности». Но крен чувствуется явный: «он» «лучше» «её». Значит, не удалось. Тут ведь что важно: не было «идеи», которая пришла в голову и я написал рассказ; не было «настроения», которое вылилось на бумагу; была часть меня, «комплекс» (к комплексам неполноценности отношения не имеет), который долго формировался, «ворочался» внутри меня и вот я его изложил. Не в первый раз и вновь неудачно, хоть и много лучше прежнего. Правда, на этот раз, кажется, удалось найти нужный стиль.

24. «Ты порхала по лужайке».

Это именно «порхающий» стишок. Забавы для.

25. «Мы двигались маршем...»

Материализованное настроение. Вот такие штуки мне очень нравятся Они гораздо легче пишутся, то есть меньше отвращения к писанию бывает Но опять эта самая «квинтэссенция». Поподробнее бы, поосновательнее, с развитием и т.п. Хотя, честно говоря, иногда думаю: какого чёрта! Мне нравится именно так.

26. «Вот говорят: мечта – дитя своего времени».

Это не худ.литература: «теоретически-полемические размышления». То есть оборотная сторона эссе. Тут нечего комментировать.

27. «Три коровы спозаранку».

Детский стишок. Шутка. С нарочитой «моралью». А-ля Чуковский и Маршак.

Резюме. Честно говоря, после п.п.23 и 25 писать «рассказы» не очень хочется (например, такие как п.8 или 10).